

ФЕВРАЛЬ 1948. МОСКВА И ПРАГА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ
РОССИИ И ЧЕХИИ

ФЕВРАЛЬ 1948.
МОСКВА и ПРАГА
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

**МАТЕРИАЛЫ ВТОРОГО ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ
ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ РОССИИ И ЧЕХИИ**
Москва. 26 - 30 АПРЕЛЯ 1997 г.

**Ответственный редактор
академик Г.Н.Севостьянов**

Москва
1998

Второе заседание Комиссии историков и архивистов
России и Чехии проведено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
и
Института “Открытое общество”.

Книга издана при финансовой поддержке
Института “Открытое общество”.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук Э.Г.Задорожнюк
доктор исторических наук В.В.Марьина

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.В.Поздеева
кандидат исторических наук Г.Ю.Харциева

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	4
<i>В.Моулис (Чехия)</i>	
Чехословакия и Советский Союз в 1945—1948 гг.	9
<i>В.Марьи́на (Россия)</i>	
ВКП(б) и КПЧ: от доверия к подозрительности. 1945—1948 гг.	17
<i>В.Бабичка (Чехия)</i>	
Документы по истории чехословацко-советских отношений 1945—1948 гг. в бывшем Архиве ЦК КПЧ	43
<i>Г.П.Мурашко (Россия)</i>	
Февральский политический кризис 1948 г. в Чехословакии и советский фактор	51
<i>И.Штёвичек (Чехия)</i>	
Публикация документов “Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939—1945 гг.”	63
<i>М.М.Наринский (Россия)</i>	
Советский Союз, Чехословакия и план Маршалла	67
<i>Л.Б.Милякова (Россия)</i>	
Поиск концепции экономического развития Чехословакии в первые послевоенные годы	84
<i>И.И.Орлик (Россия)</i>	
Чехословацкий кризис в феврале 1948 года и политика западных держав	99
<i>И.Билек (Чехия)</i>	
К вопросу о советизации чехословацкой армии в период до февраля 1948 г.	107
<i>Т.В.Волокитина (Россия)</i>	
Февраль 1948 г. в Чехословакии и судьбы восточноевропейской социал-демократии	117
<i>А.С.Стыкалин (Россия)</i>	
Пропаганда советской культуры в послевоенной Чехословакии	130
“Круглый стол” “Т.Г.Масарик. К 60-летию со дня смерти первого президента Чехословакии”	143
Summary	175

ВСТУПЛЕНИЕ

26 – 30 апреля 1997 г. в Москве состоялось второе заседание двусторонней Комиссии историков и архивистов России и Чехии, учрежденной в декабре 1995 г.

Комиссия призвана поддерживать сотрудничество историков и архивистов, выдвигать инициативные исследовательские проекты, проводить конференции, симпозиумы, семинары и “круглые столы” по малоизученным научным проблемам, содействовать доступу к архивным источникам, публикации документов, обмену между Россией и Чехией преподавателями вузов, учеными и студентами, налаживанию взаимной информации о состоянии и развитии исторической науки в обеих странах.

В рамках второго заседания Комиссии проведена международная научная конференция, посвященная судьбоносному событию в истории народов Чехословакии, генезису февральского кризиса 1948 г., роли в нем отдельных политических партий и социальных сил, определению значения в его развитии внешнеполитических факторов, прежде всего Советского Союза. Об этих драматических страницах в истории Чехословакии опубликовано много книг, научных статей, мемуаров, документальных сборников. Однако интерес к этим волнующим событиям у исследователей не иссяк. Ученые продолжают изыскания и поиски новых документов, публикуют статьи, проводят диспуты, обмениваются мнениями, движимые стремлением глубже понять и осмыслить события полувековой давности.

Принимая во внимание уровень развития исследовательской мысли в области изучения февральских событий 1948 г. в Чехословакии и еще недостаточную изученность ряда вопросов, участники конференции сосредоточили свои усилия на рассмотрении лишь некоторых аспектов этой сложной проблемы.

Наибольшее внимание было уделено выяснению характера советско-чехословацких отношений в первые послевоенные годы и их роли в возникновении политического кризиса в Чехословакии. Ученые поделились своими соображениями, наблюдениями и размышлениями по этому вопросу. Их убедительные суждения и выводы были основаны на всестороннем анализе и изучении неизвестных ранее архивных документов и материалов.

Ученые в своих выступлениях показали и раскрыли также особенности взаимоотношений коммунистических партий двух стран. Они попытались определить существовавший механизм связей и отношений между партиями, влияние на них международной обстанов-

ки, установить факторы, приведшие к постепенному изменению атмосферы и причин перехода от доверия к подозрительности, выяснить, как и почему это произошло. Значительное место было уделено раскрытию роли советского фактора в февральском политическом кризисе Чехословакии, формам и методам распространения советской культуры в послевоенной Чехословакии, поискам концепции ее экономического развития с ориентированием на сближение обеих стран и обеспечение интересов советского государства.

Повышенный интерес вызвал доклад об отношениях Советского Союза с Чехословакией в связи с планом Маршалла. Сталин, как показано документально, решительно и категорически выступил против распространения плана Маршалла на страны Восточной Европы, в том числе и на Чехословакию. В результате восточноевропейский регион оказался в сфере воздействия политики Москвы и в значительной мере изолирован от стран Запада и США, что впоследствии имело крайне негативные последствия — ухудшение международных отношений в Европе.

Доклад о политике западных держав в отношении февральских событий в Чехословакии отличался новизной постановки и трактовки в целом этого сложного и малоизученного вопроса. Благодаря введению автором в научный оборот новых документов и архивных материалов у участников обсуждения расширились представления о восприятии и оценке лидерами западных государств и США событий в Праге, а также их дипломатических действиях. В поле зрения участников форума оказалась еще одна важная большая тема — влияние политических событий в Чехословакии на социалистическое движение в странах Восточной Европы.

Чешские ученые в своих докладах документально изложили свое видение экономических, политических и дипломатических отношений между Прагой и Москвой, вскрыли их особенности и своеобразные черты накануне февральских событий 1948 г. Было обращено внимание на сущность хрупкой концепции Э. Бенеша о взаимоотношениях Востока и Запада, на стремление его по мере возможности сохранить Чехословакию как часть западного сообщества государств, на чаяние Я. Масарика, убежденного демократа и западника, возродить демократическую Чехословакию под лозунгом “Ни занавес, ни мост”, на роль компартии и лично К. Готвальда в период февральских событий и методы устранения коммунистами политических противников. За ходом правительственного кризиса бдительно наблюдала Москва, в частности бывший посол в Праге В. Зорин. Он встречался и вел переговоры с Я. Масариком и К. Гот-

вальдом, высказывал им рекомендации и пожелания. Но этот вопрос пока недостаточно изучен.

В специальном докладе рассматривался вопрос о советском влиянии на формирование чехословацких вооруженных сил и показано, как складывались взаимоотношения между армиями двух государств. Введение в научный оборот новых документов дало возможность авторам сделать аргументированные выводы и заключения.

Представители архивных учреждений Чехии рассказали о подготовке двух сборников документов по истории чехословацко-советских отношений в 1939 — 1948 гг. Их сообщения вызвали большой интерес у участников конференции, которые высказали пожелание, чтобы публикации скорее увидели свет и научная общественность смогла бы ознакомиться с комплексом документов и материалов, известных пока в основном только исследователям.

Отрадно, что во время конференции был проведен также и круглый стол, посвященный первому президенту Чехословацкой Республики Томашу Гарригу Масарику — выдающемуся государственному деятелю, политику, философу и ученому — в связи с 60-летием со дня его смерти и 85-летием первого издания его книги “Россия и Европа”. Это замечательное произведение в скором времени появится на русском языке, и надо надеяться, что это станет событием в научной жизни российской общественности. Участники круглого стола, оценивая эту книгу как классической труд, отмечали, что в ней много места и внимания уделено вопросам соотношения России и Европы, истории славянских народов, общности их судеб, идеям славянской взаимности. Масарик стремился познать Россию как феномен мировой культуры, неделимую и органическую составную часть славянского мира. Он несколько раз бывал в России, изучал духовный мир и культуру русского народа, поддерживал связь со многими видными деятелями культуры и науки, в частности находился в переписке с Л.Н.Толстым.

Таким образом, участники конференции плодотворно обсудили ряд важных научных вопросов, связанных с правительственным кризисом в феврале 1948 г. в Чехословакии, уделив основное внимание внешнеполитическим его аспектам. Можно сказать, что состоялся интересный содержательный и полезный диалог ученых, в ходе которого были высказаны новые и не всегда однозначные подходы к обсуждавшимся вопросам и их оценки. Оживленный свободный и творческий обмен мнениями показал необходимость дальнейшего изучения проблемы широким кругом специалистов разных направлений и стран. В этих условиях возможно успешное разви-

тие исследовательской мысли и познание исторической истины. Первостепенное значение приобретает расширение источниковой базы, выявление новых архивных документов и материалов, равно как и усиление исследовательской работы, научного и теоретического осмысления комплекса всех событий накануне февральских событий 1948 г. в Чехословакии. Это важно для извлечения уроков из прошлого.

"Круглый стол" подчеркнул неопределимую значимость контактов и общения ученых для изучения исторических и культурных связей народов России и Чехии, поскольку такие темы, как славянские проблемы сквозь призму истории России и Чехии, пребывание Т.Г.Масарика в России, приобретают большую актуальность.

Доклады, прочитанные на конференции, были доработаны авторами после их обсуждения. Надеемся, они вызовут интерес у научной общественности и явятся импульсом к продолжению исследования поставленных вопросов. Участники конференции выражают глубокую признательность посольству Чешской Республики в Российской Федерации и лично послу господину Любошу Добровскому за внимание и поддержку в проведении конференции. Они благодарны также руководству Института славяноведения РАН за помощь в организации встречи и особо — Российскому гуманитарному научному фонду и Институту "Открытое общество" за финансовую поддержку заседания и издание данной книги.

В сборник вошли материалы международной конференции "Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека" и материалы "круглого стола" "Т.Г.Масарик. К 60-летию со дня смерти первого президента Чехословакии", состоявшиеся в рамках второго заседания двусторонней Комиссии историков и архивистов России и Чехии 26-30 апреля 1997 г. в Москве.

Книга посвящена генезису февральского кризиса 1948 г. и основана почти исключительно на новых материалах российских и чешских архивов. Февраль 1948 г. — важная веха в истории Чехословакии, связанная с установлением монополии коммунистической власти в стране и началом строительства социалистического общества по советской модели. В сборнике по-новому освещается история подготовки февральского кризиса и его развития, роль в нем отдельных политических и социальных сил, значение внешнеполитического фактора, в первую очередь советского. Сборник демонстрирует продуктивность совместного подхода российских и

чешских ученых к исследованию этого сложного и драматического периода в истории советско-чехословацких отношений.

"Круглый стол" — интересная публикация материалов, посвященная первому президенту Чехословацкой Республики Томашу Гарригу Масарику (1850–1937) — выдающемуся государственно-му деятелю, политику, философу и ученому. Центральная тема этой части книги — научная дискуссия о капитальном трехтомном труде Т.Г.Масарика "Россия и Европа" (1913) накануне первого его выхода в свет в русском переводе. В этом, по мнению участников дискуссии, классическом произведении Масарик рассматривал вопросы соотношения России и Европы, истории славянских народов, общности их судеб, идеи славянской взаимности. Масарик стремился познать Россию как феномен мировой культуры, неделимую и органическую составную часть славянского мира.

Книга адресована ученым, преподавателям, широкой научной общественности, всем, кто интересуется историей России и Чехии.

В.Моулис (Чехия)**ЧЕХОСЛОВАКИЯ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
В 1945 — 1948 гг.**

В последние годы картина отношений между ЧСР и Советским Союзом в первый послевоенный период все больше проясняется. В изучении этой проблемы было несколько этапов. В первый после победы коммунистов период, когда о настоящем научном подходе, разумеется, нельзя говорить, акцент ставился на проблемах освобождения республики и взаимного сотрудничества, которое трактовалось как однозначно выгодное для новой Чехословакии. На втором этапе начиная с 60-х годов рассматривался пристальнее политический аспект освобождения (правда, эмигрантская литература анализировала данную проблему много раньше), однако писать о негативных явлениях было нельзя. Сейчас, после открытия оставшихся до начала 90-х годов секретных фондов, политические и экономические аспекты этих отношений рассматриваются уже весьма конкретно.

Важный вклад в полное изучение проблемы вносит публикация документов по истории чехословацко-советских отношений на правительственном уровне в период между мартом 1945 г. и февралем 1948 г., подготовленная сотрудниками Института современной истории АН ЧР. Публикация является солидной базой для написания научных трудов по данной теме.

Официальный курс, получивший отражение в Кошицкой правительственной программе, предусматривал тесное сотрудничество между двумя странами; однако интерпретация этого курса демократическим крылом политического спектра (к нему мы относим и президента Бенеша) и коммунистами отличалась важнейшими нюансами, которые общественностью скорее угадывались. Президент искренне стремился к тесным союзническим отношениям с Советами, однако его понимание этих отношений подразумевало “полную независимость” страны, что и было выражено им по возвращении на родину в беседе с западным журналистом О.Брандоном. Вместе с тем его позиция предполагала сохранение хороших, дружеских отношений с западными союзниками. Демократические политики, находившиеся в своем большинстве в годы войны в Великобритании, смотрели более или менее аналогично на развитие отношений с Советским Союзом; определенную роль здесь, разумеется, играли их вера в опыт президента и его хорошее реноме в Москве.

Коммунисты делали большой акцент на союзе с Москвой как “гарантии нашей безопасности”, что они любили подчеркивать; однако их политический курс шел дальше. Западные союзники были для них “прошлым делом”, они ориентировались исключительно на Советский Союз. И не только это: они никогда не хотели допустить какой-либо критики восточного освободителя (несмотря на то, как вели себя некоторые представители Красной Армии). В главных политических вопросах коммунисты были готовы — хотя об этом открыто и не говорилось — руководствоваться указаниями из Москвы. Здесь мы затрагиваем сферу, не касающуюся непосредственно отношений на правительственном уровне; но поскольку КПЧ была наиболее сильной партией так называемого Национального фронта, ее контакты с ВКП(б) играли важную роль и в сфере межгосударственных отношений. По существу, есть основания говорить о том, что готвальдовское руководство занимало позицию, которую можно было бы охарактеризовать как отношения ученика и учителя, тянущиеся со времен Коминтерна.

Отношение СССР к Чехословакии строилось на посылке, согласно которой эта страна входит в сферу интересов Москвы. Однако что касается ближайшей перспективы, то она усматривала тут определенную специфику, обусловленную международной обстановкой, необходимостью принимать во внимание статус Э.Бенеша как главы государства и допустить большее участие представителей “буржуазной команды” во власти. Однако коммунисты зорко следили за назначением преданных им людей на ключевые места в правительстве и других властных структурах и с самого начала были полны решимости жестко отстаивать свои интересы.

Было бы ошибкой недооценивать уже тот факт, что Красная армия не только в ходе военных операций, но в определенной степени и после их завершения действовала на территории Чехословакии как сила, не подлежащая никакому контролю со стороны чехословацких властей. Они не могли воспрепятствовать советским органам безопасности арестовывать граждан государства и депортировать их в СССР. Тем самым нарушался один из важнейших атрибутов суверенитета. То же можно сказать и о так называемых военных трофеях: советские военные органы часто действовали вопреки мартовскому межправительственному соглашению. Следует, однако, подчеркнуть, что правительство республики обращалось в советское посольство и к военному командованию с жалобами и просьбами разобраться в целом ряде инцидентов — как

относительно депортации, так и превышения полномочий, которые были предоставлены Красной армии касательно трофеев. (См., например, документы 8, 9, 17, 19, 20, 29, 34, 36 публикации.)

В этих вопросах речь шла о явлениях, сопровождающих войну; однако они сигнализировали о большем. Появились другие доказательства того, что Советы по целому ряду вопросов будут действительно непримиримы. Одним из первых было отношение к Чешскому национальному совету как руководящему органу Пражского восстания. Уже 11 мая председателю правительства было сообщено, что “у них нет доверия к ЧНС” из-за проводимого им во время восстания политического курса; в первую очередь имелись в виду контакты с власовцами, а также переговоры с немецким командованием. Это была исключительно прерогатива чехословацкой стороны, но ни в коем случае не вопрос компетенции посольства. Точно так же решение вопроса об урановых рудниках в северной Чехии, т.е. их превращении в советский анклав, можно назвать весьма необычным.

Однако следует добавить, что имелись проблемы, в которых отстаивание советских интересов брали на себя коммунисты, входившие в состав пражского правительства. Это относится, например, к усилиям добиться ухода американской армии с чехословацкой территории или присоединения Подкарпатской Руси к СССР, которое было реализовано — несмотря на позицию президента — не путем соответствующего правового акта в парламенте, а посредством правительственного постановления.

Осенью 1945 г. между Трумэном и Сталиным была достигнута договоренность союзных войск обоих государств о Чехословакии. Учитывая вышеназванные проблемы, а также груз финансовых трудностей возрожденного государства, демократы отнеслись к подобному факту с немалым удовлетворением. К тому же они рассматривали присутствие Красной армии — причем не без оснований — как важный политический фактор в том плане, что от этого получала “выгоды” лишь КПЧ. Таким образом, уход войск, который произошел в конце ноября, имел и политическую подоплеку.

Интересно, что экономические отношения между ЧСР и СССР, от которых Прага сразу же после освобождения ждала весьма многого, теряли динамичность. Так, летом 1945 г. ведущий чехословацкий экономист В. Громадко отмечал необходимость “заключить с промышленностью СССР соглашение, которое поможет избежать массового производства аналогичных товаров на предприятиях двух стран”; этот замысел оказался слишком амбициозным. В конце года

стало ясно, что производственные задания чехословацкой промышленности, установленные соглашением о поставках от 8 сентября, были завышены, что они превышали возможности традиционно мощных и надежных отраслей, какими были металлургия и машиностроение. Импорт из Советского Союза, преобладающую часть которого составляло сырье, проходил более удовлетворительно, поэтому торговый баланс за 1945 г. для советской стороны был активным. Соотношение начало выравниваться только в апреле 1946 г. после заключения соглашения о товарообмене между СССР и ЧСР.

Парламентские выборы в мае 1946 г. принесли глубокое разочарование демократам и, несомненно, президенту Бенешу: в них решающую победу одержала КПЧ. Этот результат в высшей степени удовлетворил Москву, и не только из-за его внутривластной значимости, но и потому, что соответствовал тогдашней сталинской внешнеполитической концепции, стремящейся к минимизации трений с Западом, и как можно более правдоподобному демократическому антуражу политических преобразований в Центральной и Восточной Европе.

По отношению к новому председателю правительства в Праге К. Готвальду, посетившему вскоре после выборов Москву, советский диктатор проявил добрую волю. Он принял предложения чехословацкой стороны, касавшиеся международной проблематики (трансфер населения с Венгрией, территориальные претензии к Германии, разумеется западной), включая ряд более мелких вопросов, например переселение волынских чехов и др. Это ему ничего не стоило. Однако с Готвальдом он достиг договоренности по вопросу, который практически в течение года оставался нерешенным, — о советских военных трофеях. Стороны пришли к компромиссному решению, которое в целом было более благоприятным для советской стороны: ликвидация взаимных притязаний. Не могло быть сомнений в следующем: все, что летом 1945 г. было увезено с территории государства, потеряно и обсуждение этого вопроса с Советами не дало бы никаких результатов. Чехословакия сохранила, таким образом, лишь спорное имущество, которое Советы год назад оставили на месте. Необходимо особо отметить построенные в годы войны заводы в Залужии У Моста, а также некоторые строительные объекты, на которых работали красноармейцы. Существенной утратой для Праги явилась потеря имущества некоторыми банками. Сталин к тому же за свое “великодушие” потребовал у Готвальда некоторые карловарские отели, использовавшиеся Советами после мая 1945 г.; де-факто речь шла об их дарении (документы 113 — 117).

Министерство иностранных дел Чехословакии тем не менее должно было и в дальнейшем договариваться с советским посольством по тем вопросам, которые как будто были выяснены в результате соглашения между Сталиным и Готвальдом: о возвращении речных плавсредств, о ликвидации трофейного права на часть железнодорожного вагонного парка, об освобождении перемещенных лиц или же той части интернированных в СССР, которых не освободили летом 1946 г. Эти переговоры не были легкими.

Как уже говорилось, для президента Бенеша явилась неожиданностью внушительная победа коммунистов на выборах. Однако он не видел в ней ничего трагического. Что касается внешнеполитической ориентации государства, концепция президента оставалась неизменной: как он подчеркнул вскоре после войны, Чехословакия находится между Германией и Россией и у нее нет иного выбора, как союзнические отношения с последней. Однако Бенеш видел, что происходило в соседних государствах, и, конечно же, это его беспокоило. Он говорил представлявшему Национально-социалистическую партию министру Г.Рипке: "Чем теснее сжимается вокруг нас советское кольцо, тем важнее упрочение наших связей с Францией и англосаксонскими государствами". Несомненно, он приветствовал бы обновление довоенного тройственного союза между Прагой, Москвой и Парижем (разумеется, с перемещением центра тяжести из Франции на Советский Союз). И по его инициативе весной 1946 г. были начаты переговоры с Францией.

Однако для рассматриваемого периода было весьма симптоматично, что пражское правительство одновременно запрашивало и мнение по этому вопросу Москвы, которая в то время вообще не была склонна к чему-либо подобному. Зорин в беседе с государственным секретарем В.Клементисом советовал занять выжидательную позицию (документ 107). Когда же правительство пошло на реальные контакты с Парижем по вопросам союзнического договора, Советы отреагировали предложением приступить к подобным переговорам Чехословакии с Польшей. Переговоры в двух направлениях, однако, натолкнулись на препятствия и до конца 1946 г. застряли на полпути.

Сталин еще в течение определенного времени продолжал занимать выжидательную позицию, однако в начале 1947 г. нанес жесточайший удар. Как свидетельствуют документы, 25 февраля вместе с Молотовым он направил телеграмму Готвальду, настаивая на подписании договора с Польшей "в ближайшее время", поскольку дальнейшее затягивание якобы может "создать скандальную ситуа-

цию" (документ 144). Договор действительно был подписан спустя 14 дней. Позднее в частной беседе Э. Бенеш подверг критике договор, но у президента не хватило сил, чтобы добиться принятия иного решения (например, увязать его с договором с Францией).

Хрупкую концепцию Бенеша "Восток и Запад" окончательно расшатала доктрина Трумэна и те выводы, которые из нее сделала Москва. Однако полный конец этой концепции связан с планом Маршалла. Когда Москва после определенных колебаний решила отвергнуть план, она посчитала невозможным участие в нем какой-либо из центральных или восточноевропейских стран. Сталин смотрел на это как на "прорыв фронта", и это же он говорил чехословацкой правительственной делегации в начале июля 1947 г. Хотя его указание не принимать участия в конференции о плане в Париже пришло в Прагу с опозданием, он в резкой форме отчитал Готвальда, а затем в более мирных тонах говорил и с самой делегацией (документы 160, 161). На заседании правительства 10 июля было принято переданное по телеграфу требование Готвальда отказаться от участия в плане Маршалла. Вето Москвы считалось недискутабельным.

Скорее всего, Сталин, воспользовавшись этим случаем, мимоходом "смел со стола" и проект о франко-чехословацком союзе.

Внешнеполитическая ориентация президента и демократов утратила почву под ногами. Теоретически здесь существовала возможность некоторого подобия финской политики, но она потребовала бы большей твердости и неуступчивости демократов, а также определенной степени независимости коммунистов. В отличие от польских коммунистов (Гомулка) или от партии Тито и несмотря на то, что имелись отдельные лица в коммунистических партиях других зависимых стран, в руководстве КПЧ не было группы, способной отстаивать свои, независимые от позиции Сталина взгляды.

С одним все же согласился весь чехословацкий политический лагерь. Я. Масарик назвал это "пластырем" (naplasti): имелись в виду экономические поставки из Советского Союза, которые в неурожайный год были особенно необходимы. Таким образом, в течение всего осеннего периода велись переговоры о долгосрочном экономическом соглашении между ЧСР и СССР, хотя тянулись они медленно: позиции обеих сторон были различными, а возможность достижения компромисса вообще отсутствовала.

И все же решающими были события на политической сцене. Возникновение Информбюро и слова Жданова о двух лагерях свидетельствовали о том, что над демократическим развитием Чехос-

ловакии, которое само по себе содержало бы возможность правительственных политических изменений принципиального характера, нависла угроза. Лозунг Масарика “ни занавес и ни мост”, в котором воплотились чаяния и, как можно с полной уверенностью утверждать, естественная потребность большинства чехословацких граждан, становился в перспективе ближайших лет иллюзией. И сам он особенно выразительно продемонстрировал трагичность развития: по своему убеждению демократ, по образу жизни западник, а вместе с тем сторонник сотрудничества и союза с СССР и при этом противник тоталитаризма (о котором некогда высказывался не без риска для себя) — такой политик должен был рано или поздно потерпеть фиаско.

К концу 1947 г. был решен вопрос об экономическом сотрудничестве Чехословакии и Советского Союза: подписаны договор о торговле и судоходстве, а также соглашение о товарообороте и платежах (последнее относилось к периоду 1948 — 1952 гг.). Следует заметить, что переговорам помогло выйти из тупика письмо Готвальда Сталину от 25 ноября, в котором содержалась информация о том, что советские требования для чехословацкой стороны являются невыполнимыми. Только после этого советские участники переговоров пошли в некоторых вопросах на уступки; но Сталин взял реванш в вопросах увеличения поставок урановой руды (документы 166, 167). Подобный метод решения проблем торгового соглашения является примечательным с нескольких точек зрения: здесь и неуступчивость Советов, и тот факт, что речь шла о закулисном маневре (чехословацкое правительство узнало о письме только впоследствии — *ex post*) из-за партийного характера письма (его полный текст, включая сюжеты об уране, никогда при коммунистическом режиме не публиковался); наконец, то, что принять решение по данному вопросу должен был Сталин. Он решил на этот раз уступить Готвальду и согласиться с его аргументацией.

И договор, и соглашение, несомненно, имели решающее значение для расширения взаимного экономического сотрудничества. В отличие от соглашения 1946 г., устанавливались твердые контингенты поставок; их стоимость должна была составлять в 1949 — 1952 гг. около 5 млрд крон ежегодно с каждой стороны. Оборот в 1947 г. тем самым увеличивался в 4 раза. Объективно все это свидетельствовало об ориентации Чехословакии в восточном направлении.

Конечно, не случайно в статье, посвященной четырехлетию подписания договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном со-

трудничестве между ЧСР и СССР, которая была опубликована в газете "Известия" — по стечению обстоятельств через день после подписания двух экономических соглашений, то есть 12 декабря 1947 г., президент Бенеш, который был его инициатором, не назван ни разу, зато К.Готвальд упоминался в статье четырежды. Автор статьи категорически выступил против идеи моста между Востоком и Западом, поскольку "в борьбе за мир и безопасность" не может быть "половинчатых позиций". Такая забывчивость в отношении президента не могла быть более ясной. Возможно, это была и реакция на поправки Бенешем ряда формулировок в его книге "Paměti", которая выходила в свет в нескольких изданиях осенью 1947 г. и в которой он высказывался более сдержанно о советской позиции по сравнению с прежними временами.

Однако за окном стоял февраль 1948 г. — последний акт действия внутривосточного развития Чехословакии после 1945 г. и одновременно начало нового периода в отношениях с СССР. Нужно подчеркнуть, что республика была последним государством Центральной и Восточной Европы, где до сих пор существовала парламентская демократия (кстати, за ее переоценку КПЧ на заседании Информбюро подверглась критике).

Февральский переворот в Чехословакии проходил под бдительным оком Москвы. Коммунисты были достаточно сильными, чтобы устранить политических противников самостоятельно, без вмешательства Советов; тем не менее бывший посол в Праге В.Зорин пребывал здесь в течение всего периода правительственного кризиса. Мы располагаем только косвенными свидетельствами о его разговорах с Я.Масариком и К.Готвальдом. Нам, однако, известно: первому он прямо дал знать, что "правительство должно быть очищено", а второму передал сообщение Сталина, что кризис необходимо использовать для того, чтобы окончательно покончить с буржуазией, и что Советский Союз готов оказать ему военную помощь. Хотя коммунистический лидер не воспользовался подобными предложениями, он использовал их как угрозу в переговорах с президентом по вопросу о составе нового правительства "возрожденного Национального фронта". Э.Бенеш решил уступить этому давлению — несомненно, из опасений — в связи с угрозой гражданской войны при активной советской интервенции. Еще до принятия отставки демократов он высказал их представителям чрезвычайно резкие и ранее не использовавшиеся им слова в адрес Москвы, назвав "людей из Москвы" фанатиками, политика которых ведет к войне: "Они так же слепы, как и Гитлер". Это можно считать политическим завещанием чело-

века, который более 10 лет своей наиболее активной деятельности прилагал усилия к сотрудничеству с СССР...

Публикация документов, о которой говорилось выше, позволяет — как уже было отмечено — сделать важный шаг вперед в изучении отношений между двумя странами. И все же речь идет только об одной стороне медали, то есть о материалах чехословацкого происхождения. Весьма полезным был бы аналогичный шаг и российской стороны в этом направлении — публикация после изучения своих фондов документов, что позволило бы синтезировать два подхода. Кроме стенограмм из личных архивов Сталина и Молотова, затрагивающих такие проблемы, как, например, чехословацко-польские пограничные споры в 1945 г., в которых советская сторона играла роль арбитра (см. документы 23, 25 и др.), особую значимость имеют, на наш взгляд, материалы о реакции на позицию Праги в отношении плана Маршалла, в том числе протокол о переговорах в Москве; сообщения посла Зорина в Министерство иностранных дел СССР в период его пребывания в ЧСР; наконец, его сообщение о ходе февральских событий, в первую очередь разговоры с членами правительства Готвальдом, Масариком, Фирлингером и Лаушманом. Не менее важными являются и материалы о контактах посла Горака с советским МИДом с осени 1945 г., а также переговоры о заключении торгового соглашения в 1947 г. в архиве Министерства внешней торговли СССР.

В. Марьяна (Россия)

ВКП(б) и КПЧ: ОТ ДОВЕРИЯ К ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ. 1945 — 1948 гг.

Автор статьи ставил перед собой, по существу, три задачи: во-первых, показать взаимоотношения ВКП(б) и КПЧ как составную часть советско-чехословацких отношений той поры, определяемых складывающейся международной обстановкой и меняющейся в соответствии с этим советской внешней политикой; во-вторых, выявить механизм осуществляемых между партиями связей; в-третьих, определить направление эволюции межпартийных отношений.

Отдел международной информации ОМИ (затем — Отдел внешней политики — ОВП) ЦК ВКП(б), разумеется, не был той инстан-

цией, где в конечном счете формировалась внешняя политика Советского Союза. Это определялось на самом верху и лично Сталиным. Но, располагая довольно обширной информацией о положении в стране (в данном случае в Чехословакии) и в соответствующей коммунистической партии, а также в меру своих возможностей и под углом зрения полученных сверху указаний анализируя эту информацию, Отдел мог оказывать определенное влияние на формирование советской внешнеполитической линии.

После войны Чехословакия оказалась в советской сфере влияния. Идея раздела послевоенного мира на сферы интересов, как следует из известных автору документов, принадлежала не советским лидерам. Еще в записке заместителя наркома иностранных дел М.М.Литвинова В.М.Молотову 9 октября 1943 г. [1] утверждалось, что концепция деления мира на зоны безопасности высказывается западными политиками (в частности, она поддерживалась Черчиллем). Речь тогда шла об ответственности каждой из четырех великих держав за безопасность в той конкретной зоне, в которой каждая из этих держав заинтересована наибольшим образом и в которой роль этой державы должна быть преобладающей.

"Воздерживаясь от проявления какой-либо заинтересованности в принципе деления Европы на зоны, мы, однако, отнюдь не обязаны выступать с негативной декларацией по схемам, которые не нами выдвигались и не нами защищались", — подчеркивал Литвинов. 11 января 1945 г. в его же записке Молотову и Вышинскому [2] снова говорилось о том, что "формально вопрос о блоках и сферах влияния никем и нигде не ставился". Но, думается, эта идея импонировала и советскому руководству, и более того, оно было прямо заинтересовано в ее реализации. В упомянутой записке Литвинова намечалась и "максимальная сфера интересов или, лучше сказать, зона безопасности". Она должна была охватить Финляндию, Норвегию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Болгарию и Турцию.

При этом особая роль отводилась Чехословакии. СССР, как считал И.М.Майский (записка Молотову 11 января 1944 г.) [3], выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии (подчеркнуто в документе. — В.М.), которая способна быть важным проводником советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе ввиду настроений ее населения (видимо, подразумевалось широкое распространение тогда в стране русофильства. — В.М.) и наличия советско-чехословацкого договора. "Чехословакия должна быть по возможности усилена территориально, политически и

экономически. Ее следует рассматривать как форпост нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе", — считал Майский.

При этом начиная с 1941 г. советское руководство неустанно декларировало принцип невмешательства во внутренние дела стран, с которыми СССР во время войны заключил соглашения или договоры (Чехословакия, Польша, Югославия) и на территорию которых в силу военной необходимости на завершающем этапе войны вступала Красная армия. Принцип невмешательства настойчиво подчеркивался и сразу после войны, пока существовала еще надежда сохранить между союзниками по антигитлеровской коалиции более или менее дружественные отношения. Думается, что это продолжалось примерно до конца 1946 г. Ведь еще в ноябре 1946 г., выступая с докладом о 29 годовщине Октября и ссылаясь на Сталина, А.А.Жданов говорил о возможности и необходимости сохранения сотрудничества между державами — союзницами по антигитлеровской коалиции, о их мирном сосуществовании, несмотря на различия в политическом строе и идеологии [4]. Об этом же говорили и другие советские государственные деятели [5].

В это время на всех уровнях государственно-партийного руководства внимательно следили за тем, чтобы, не дай Бог, СССР можно было упрекнуть во вмешательстве во внутренние дела стран, оказавшихся в сфере его интересов. Это касалось и межпартийных отношений, отношений между ВКП(б) и КПЧ. Вот несколько примеров. Известно, что ВКП(б) не послала свою делегацию на 8-й съезд КПЧ в конце марта 1946 г., хотя представители других партий на съезде и присутствовали. Как и просил Р.Сланский в одном из своих писем советским товарищам, съезду была направлена лишь приветственная телеграмма ЦК ВКП(б). Но она пришла только 30 марта 1946 г., т.е. после открытия съезда: Готвальд делал доклад 29 марта. Связано это было, очевидно, с тем, что формулировки приветствия тщательно выверялись и готовились в разных инстанциях. Так, проект, подготовленный в ОВП, видимо, был забракован, поскольку на нем пометка заместителя заведующего Отделом Л.Баранова: "Текст не отсылался. 3.4.46" [6]. Возможно, и вообще были колебания относительно посылки приветствия.

Другой пример. Видимо, в Отделе тщательно отслеживались всякие намеки со стороны чехословацких руководителей на возможность вмешательства СССР во внутренние дела Чехословакии. Так, летом 1945 г. было обращено внимание на два публичных выступления Фирлингера. В одном из них речь шла о выселении из страны немцев и венгров и об обещании советского правительства оказать в

этом вопросе "полную политическую помощь". В другом говорилось о национализации крупной промышленности и банков и о том, что "советские государственные деятели выражали полное согласие с таким развитием нашего государства". В этих фразах, писал возмущенно сотрудник Отдела И.Медведев, "утверждается о полном согласии советского правительства с внутренней политикой чехословацкого правительства. Возникает законный вопрос: зачем потребовалось Фирлингеру подчеркнуто заявлять о точке зрения советского правительства на внутренние дела Чехословацкой республики и кто уполномочивал его высказывать эту точку зрения?" Л.Баранов, направивший эти замечания Медведеву Г.Димитрову, считал, что "подобные ссылки на советское правительство... неуместны и поэтому следовало бы в соответствующей форме (через НКВД или т.Готвальда) обратить на это внимание". Далее дело пошло через НКВД на В.Зорина, который и должен был выполнить эту миссию [7].

Есть и другие примеры осторожности в декларировании советской внешней политики в отношении Чехословакии. Следует подчеркнуть, декларировании, поскольку в действительности речь шла не о сути проводимой политики, а об облечении ее в соответствующие словесные заявления, которые должны были создать впечатление соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела ЧСР. Надо отметить, что руководители чехословацких коммунистов поддерживали этот миф о невмешательстве. И не только они. Например, Я.Масарик в ряде своих интервью иностранным корреспондентам даже весной — летом 1947 г. настойчиво подчеркивал соблюдение Советским Союзом этого принципа и самостоятельность принимаемых Чехословакией решений по вопросам внешней политики и, в частности об отказе страны от участия в плане Маршалла [8].

Безусловно, Советский Союз был заинтересован в длительном сохранении мира после войны, чтобы залечить нанесенные ею глубокие раны. Но это не означало, что кремлевские лидеры готовы были пойти на отказ от своей идеологии и от попыток насадить ее в странах советского влияния. Сталин, по словам Бенеша, в разговоре с ним в декабре 1943 г. заявлял: "...я — ленинец и им останусь" [9]. По мнению Майского [10], послевоенное устройство Европы и мира должно было предусмотреть создание порядка, при котором на длительный срок была бы гарантирована безопасность СССР и сохранение мира в Европе и Азии. Что понималось под длительным сроком? Во-первых, время, за которое СССР сможет стать настолько могущественным, что ему будет не страшна ника-

кая агрессия. Во-вторых, время, в течение которого континентальная Европа должна стать социалистической, исключая, таким образом, саму возможность войн в этой части света. Этот срок, по Майскому, может составлять от 30 до 50 лет. Еще в начале 1944 г. он предполагал, хотя и не без сомнений, и возможность пролетарской революции в Европе, в частности в Германии [11].

Советские руководители в официальных выступлениях хотя и говорили о преимуществах советского строя и советской демократии, но заявляли, что они не собираются распространять этот строй на союзные с ними страны и уважительно относятся к западной демократии. Но в выступлениях, не рассчитанных на публикацию, западная демократия выглядела как нечто ущербное по сравнению с советской, недостойное внимания и тем более подражания. С этой точки зрения характерна, например, речь Жданова на предвыборном собрании избирателей 6 февраля 1946 г., накануне выборов в Верховный Совет СССР. Стенограмма этой речи, правленная самим Ждановым, содержит вычеркнутые им места, которые, очевидно, не должны были попасть в печать. В частности, говоря о разногласиях, которые существуют между «свободолюбивыми нациями», он подчеркивал, что эти разногласия «не остановят нашей воли и решимости к тому, чтобы проводить в отношении тех или иных народов такую политику, которая соответствует достигнутым нами победам, которая соответствует воле и могуществу советского народа».

Жданов в конце войны возглавлял союзную контрольную комиссию в Финляндии, с положением дел в которой был знаком лучше, чем в других странах. Говоря о финской демократии и характеризуя ее как "дело народное" и имеющее право на существование, Жданов выразил сожаление по поводу существования там десяти партий, что "представляет собой, безусловно, бедствие и бич для народа". И далее: "Конечно, одна партия и бесклассовое общество лучше, чем классовое общество и десять партий! (Смех, аплодисменты)", и с ехидцей добавил: "Посмотрел я на этот самый парламентский демократизм". Из дальнейшего было ясно, что "в смысле преимуществ, в смысле сравнений" этот строй не может тягаться с советским.

Можно сослаться также на стенограмму доклада тогда ответственного работника ОМИ ЦК ВКП(б) Б.Пономарева [13] о демократических преобразованиях в освобожденных странах Европы, в котором была сделана попытка осмыслить происходившие в них процессы (сентябрь 1945 г.). Отметив, что советская демократия является демократией высшего типа, а также то, что, согласно

заявлениям коммунистов указанных стран, "на очереди дня не стоит задача введения советского режима и установления советской власти и советской демократии", Пономарев охарактеризовал эти государства как "государства особого типа" и заявил, что есть много шансов на то, что их развитие "пойдет дальше в благоприятном направлении". Залогом этого, по его мнению, являлись "величайшие симпатии народных масс к Советскому Союзу, к стране освободительнице, к Красной Армии, к партии Ленина-Сталина и товарищу Сталину", а также рост коммунистических партий. Думается, что примерно до середины 1946 г. Сталин (а следовательно, и другие кремлевские функционеры) придерживались линии на возможность мирного, без установления диктатуры пролетариата и советского строя, перехода к социализму (конечно же советского образца) восточноевропейских стран. Речь велась о демократии, о новом, особом ее типе, не имеющем прецедентов и отличном от западноевропейских образцов [14].

Что касается КПЧ, то нужно отметить следующее: хотя ее руководство официально придерживалось линии на отказ от немедленного установления советского строя, на утверждение народной демократии как формы продвижения вперед к социализму, но, во-первых, в ее рядах, особенно среди старых членов партии, было много приверженцев и почитателей советского строя; во-вторых, среди руководителей КПЧ имелось более радикальное крыло (А. Запотоцкий, В. Копецкий, Ю. Дюриш), готовое и к использованию силовых методов в политике, и к более полному перениманию опыта Советского Союза и воплощению его в чехословацких условиях; в-третьих, и те руководители КПЧ, которые выступали, причем ссылаясь на мнение советских товарищей, за парламентский, своеобразный, специфический и т.д. путь к социализму, видели в качестве его конечного образца советскую модель социализма. Готвальд, например, на 8-м съезде КПЧ говорил о "глубоком демократизме" и «подлинном социализме» советской державы, "которая не перестала быть вдохновляющим примером для коммунистов Чехословакии". Он подчеркнул и "чрезвычайное усердие", с которым чехословацкие коммунисты посещали "школу Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина", "школу сталинского большевизма". Отметив, что КПЧ "на правильном пути", Готвальд закончил доклад цитированием "исторических слов нашего великого учителя, товарища Сталина: "Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики".

Еще более откровенным было выступление Копецкого: мы "демонстративно присоединяемся к русскому продолжению марксиз-

ма, учению Ленина и Сталина, без творческого понимания и теоретических работ которых учение Маркса и Энгельса осталось бы мертвым". Сравнивая уровни общественного развития Востока (под Востоком понимался СССР. — В.М.) и Запада, Копецкий говорил: "На Востоке — высшее общественное устройство, высший тип экономики, высший тип демократии, высший тип социальной организации" [15]. Эти и другие материалы свидетельствуют, что у руководства КПЧ не было иной конечной модели социализма, чем советская, что в народной демократии они видели лишь несветский путь к этой советской модели, сутью которой была монополия коммунистической власти, возможно, приобретшей некоторые специфические "национальные" формы.

ВКП(б), по словам Г.Маленкова на учредительном совещании Коминформа в Шклярской Порембе [16], после ликвидации Коминтерна в 1943 г., "исходя из понимания своего международного долга" поддерживала связи с братскими компартиями. Она "стремилась откликнуться на обращения братских компартий и не отказываться в товарищеской помощи, когда возникала в этом необходимость". По словам Маленкова, к ВКП(б) обращались, в частности, по вопросам разработки программных документов, политических платформ, разработки важнейших законов, вносимых коммунистами и т.д. Наряду с этим происходили, хотя и не совсем регулярные, личные встречи руководителей зарубежных компартий с руководителями ВКП(б). Готвальд, в частности, встречался со Сталиным в этот период дважды — летом 1946 и летом 1947 г. К сожалению, в известных автору статьи документах никаких "следов" этих встреч обнаружить не удалось [17].

В книге Г.М.Адибекова "Коминформ и послевоенная Европа" достаточно подробно рассказывается о функциях ОМИ, а с декабря 1945 г. ОВП ЦК ВКП(б), а также о деятельности существовавших при них Институтов № 100 и 205 (директором последнего до июля 1946 г. был чехословацкий коммунист Б.Геминдер, затем заведовавший международным отделом ЦК КПЧ и проходивший впоследствии по "делу Сланского") [18]. Документы фонда № 17 РЦХИДНИ дают относительно полное представление о том, чем занимался этот отдел ЦК ВКП(б), возглавляемый сначала Г.М.Димитровым, а затем М.А.Сусловым. В отдел и по его инициативе, и по инициативе соответствующего отдела ЦК КПЧ поступали из Чехословакии материалы, касавшиеся внутривосточного положения в стране и деятельности компартии. Например, материалы о подготовке и ходе 8-го съезда КПЧ, некоторых пленумов ЦК КПЧ,

проводившихся руководством КПЧ совещаниях (в частности, по словацкому вопросу), об организационном состоянии партии, выступлениях ее руководителей, материалы о подготовке и результатах выборов в Законодательное национальное собрание (май 1946 г.) (в частности, есть характеристики на чешском языке всех депутатов от Демократической партии, всех членов правительства Готвальда), сообщения о деятельности Революционного профсоюзного движения, справки по различным вопросам: о немецком населении в Чехословакии и политике по отношению к нему, о положении в Словакии и т.д. Большинство этих достаточно объемных материалов переводилось на русский язык и в случаях их важности направлялось "наверх": руководителю отдела, соответствующим секретарям ЦК ВКП(б), руководителям советского государства.

Сведения о положении дел в Чехословакии поступали не только из страны, но и иными путями. В частности, заслушивались сообщения людей, непосредственно прибывавших из страны — как членов чехословацких делегаций, направленных в СССР, так и руководителей советских делегаций, побывавших в ЧСР. Достаточно обширная информация шла из ГлавПУРККА, основанная на донесениях Политуправления Центральной группы советских войск. Тематические обзоры в отдел, как правило, основанные на сообщениях ТАСС, поставлял Институт № 205. Особую группу документов составляют информационные сообщения, подготовленные и подписанные руководящими деятелями КПЧ, чаще других Р.Сланским, Б.Геминдером, А.Запотоцким. Из этих документов следовало, что их авторы старались дать ответы на вопросы, предложенные им из Москвы. Но в целом материалы указанного фонда можно было бы обозначить как "улицу с односторонним движением", т.е. идущие из Чехословакии и о Чехословакии. А вот встречный поток информации — из отдела в ЦК КПЧ (указания, рекомендации, запросы, сообщения) — скуден, если не считать те, что связаны с подготовкой заседания Информбюро по Югославии. Что такой встречный поток существовал, не вызывает сомнения. И он, видимо, усиливался по мере роста международной напряженности. В качестве примера можно привести документ, направленный из ОВП ЦК ВКП(б) за подписью Л.Баранова и В.Мошетова Р.Сланскому и Б.Геминдеру 7 октября 1946 г. [19]: с курьером посылались последние информационные материалы по вопросам международной политики. "Просим иметь в виду, — говорилось в письме, — что эти материалы носят сугубо секретный характер и после ознакомления с ними членов Политбюро и секретарей КПЧ подлежат уничтоже-

нию. В дальнейшем примем меры к более регулярной посылке аналогичной информации." И далее: "Просим прислать с курьером просимую нами информацию, в частности о Пленумах ЦК КПЧ, Центральном комитете профсоюзов и материал о компартиях других стран". Комментарии не требуются.

Были и персональные обращения (например, к Г.Гусаку, К.Шмидке, В.Широкому, А.Запотоцкому) с просьбами прислать ответы на интересующие Отдел вопросы. Материалы из Москвы переправлялись не только с помощью курьерской связи, но и с лицами как советского, так и чехословацкого подданства (естественно, заслуживающими доверия), которые ехали или возвращались в Прагу. Такие материалы вез с собой, например, Й.Тауфер (директор чехословацкого партийного издательства "Свобода"), о чем свидетельствует документ под названием "Перечень информации, переданных Центральному Комитету КПЧ Й.Тауфером" (июль 1947 г.) [20]. 15 пунктов документа содержат указания, советы, мнения, критические замечания и т.д. Отдела по самым различным вопросам: о деятельности Славянского комитета в Праге, о подготовке Славянского конгресса в 1948 г., об издании в Чехословакии сочинений Сталина, об органе КПЧ "Руде право", о распространении советских газет в ЧСР, о позициях генерала Л.Свободы (тов. Баранов, значится в документе, сказал дословно: "Этот вопрос меня лично очень беспокоит"), о взаимной информации, о приезде чехословацких партийных работников на практику в Москву и др.

Связи между Отделом ЦК ВКП(б) и руководством КПЧ во второй половине 1945 г. и начале 1946 г. носили, как представляется, менее указующий, менее "наставнический", если можно так выразиться, характер со стороны Москвы. Отдел, как свидетельствуют изученные автором документы, довольствовался скорее ролью наблюдателя и собирателя информации о положении дел в ЧСР и КПЧ. И в самом деле, беспокоиться, казалось, было пока не о чем: авторитет СССР как державы-освободительницы в стране был высок; широкое распространение получили русофильские (а среди части населения и советофильские) настроения; ни одна из политических партий в этих условиях не могла себе позволить высказаться против союза с СССР (в это время в Чехословакии, как свидетельствуют документы, массовый характер носили такие проявления дружбы в отношении советской страны: если исполнялся гимн Чехословакии, то обязательно и гимн СССР; если вывешивался портрет Бенеша, то обязательно и портрет Сталина; если поднимался чехословацкий флаг, то рядом развевался советский). КПЧ

высказывалась за безусловную ориентацию внешнеполитического курса на Советский Союз, и всякого сомневающегося в необходимости проявления братских чувств по отношению к СССР в вышеуказанной форме руководство КПЧ рассматривало как "предателя нации и государства", о чем говорилось в Циркуляре секретариата КПЧ о международном положении 6 ноября 1945 г. [21]. Опубликованные документы по истории советско-чехословацких отношений той поры свидетельствуют, что со стороны чехословацких органов и организаций в СССР направлялась масса писем и предложений об установлении контактов, обмене материалами, книгами, об изучении советского опыта и т.д.

Развитие событий в Чехословакии, успешный в целом ход демократических преобразований, создававших надежный плацдарм для перехода к социализму в будущем, не давали пока ВКП(б) повода для вмешательства в деятельность руководства КПЧ. Намеченная еще в конце войны в Москве линия перехода к социализму через народную демократию, используя тактику национального фронта, как будто выдерживалась КПЧ, взявшей курс на постепенное углубление демократических реформ.

И еще один фактор — присутствие на территории Чехословакии до декабря 1945 г. частей Красной Армии — создавал благоприятную с точки зрения СССР ситуацию в стране. Кроме того, политические органы советской армии вели в ЧСР большую агитационно-пропагандистскую работу. Согласно донесению Политического управления Центральной группы советских войск от 22 декабря 1945 г., с февраля по ноябрь этого года им было издано на чешском и словацком языках около 3 миллионов экземпляров книг и брошюр, свыше миллиона различных лозунгов, плакатов и портретов Ленина и Сталина, прочитано населению свыше 250 лекций и докладов о Советском Союзе, Красной Армии, дружбе славянских народов [22].

Все это было так, но тем не менее, видимо, казалось недостаточным, и уже летом 1945 г. кремлевские лидеры стали задумываться об улучшении пропаганды в странах сферы интересов СССР. 23 июня 1945 г. академик Е. Варга направил Сталину (копия Маленкову) записку "О недостатках нашей пропаганды за границей" [23]. В ней на основании бесед с иностранными учеными, приехавшими в Москву на юбилей Академии наук, констатировалось, что "они не знают самых элементарных фактов о Советском Союзе", и говорилось, что "широкие круги населения в странах, долго находившихся под фашистским господством, до сегодняшнего дня еще совершенно недостаточно охвачены нашей пропагандой". Варга предлагал издать

для этих стран серию небольших брошюр, содержащих "не пышные пропагандистские фразы, а прежде всего хорошо аргументированные факты о Советском Союзе", а также организовать соответствующие радиопередачи и циклы лекций. Резолюция Молотова на записке гласила: "Считаю предложение т. Варги правильным (хотя и весьма недостаточным)". Маленков также расценивал предложение как "заслуживающее внимания" и просил заведующего Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Александрова подготовить проект решения.

Представленный им немедленно проект постановления ЦК ВКП(б) носил название "О мерах по улучшению информации населения зарубежных стран о культурной, экономической и политической жизни СССР". В нем намечались мероприятия по линии Совинформбюро, Всесоюзного радиокомитета, а также чтение лекций советскими учеными в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии и Финляндии. Тогда же было принято и специальное постановление ЦК ВКП(б) о работе Советского Информбюро [24], основными задачами которого становилась организация широкой и всесторонней информации общественности зарубежных стран о политической и экономической жизни СССР, о достигнутых советским народом успехах, а также пропаганда взглядов советской общественности по важнейшим вопросам международной жизни.

Однако состояние советской пропаганды в 1945 г. (во всяком случае, что касается Чехословакии), как представляется, не улучшилось. Это следовало из отчетов прибывавших оттуда, правда немногочисленных, советских делегаций. Слабость пропаганды, видимо, можно объяснить отчасти тем, о чем говорилось выше, уверенностью, что набирающая силу и авторитет КПЧ, большая часть руководства которой долго жила в СССР, сама справится с задачей пропаганды преимуществ советского строя и успехов социалистического строительства. Согласно информации Сланского в ОМИ, в июле 1945 г. тиражи изданий только типографии "Свобода" достигали огромных (для Чехословакии) размеров: например, стотысячным тиражом были выпущены Гимн Советского Союза, Биография Сталина, его книга "О Великой Отечественной войне", книга З.Неедлы «Маршал Сталин»; 250 000 тиражом вышел "Добровольный курс русского языка", тяга к изучению которого была действительно велика [25]. По словам Неедлы, "Руде право" издавалась в количестве, которое "в два раза превышает тираж буржуазных газет до войны" [26]. Общий тираж ежедневной коммунистической печати,

согласно информации Сланского в июле 1945 г., достигал 1,3 млн экземпляров, не считая журналов и органов печати других организаций, находившихся под влиянием КПЧ [27].

И все же, несмотря на весьма удовлетворительную оценку положения дел в Чехословакии, уже с лета 1945 г. в Отдел начинают поступать сведения об активизации "реакции", и прежде всего в Словакии. По мере того как усиливались разногласия между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции и росла международная напряженность, сообщений о противодействии коммунистам со стороны их партнеров по национальному фронту становилось все больше.

После известной речи Черчилля в Фултоне наметились и определенные уточнения (в сторону ужесточения) советского внешнеполитического курса, в частности усиление его идеологической наполненности. В марте 1946 г. в состав Оргбюро ЦК ВКП(б) вошел А.А.Жданов, который был утвержден секретарем ЦК по вопросам идеологии и внешней политики. Уже 18 апреля 1946 г. в Управлении агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором шла речь о плане мероприятий по значительному улучшению работы в области идеологии. Непосредственные указания по этому вопросу были получены Ждановым от Сталина, о чем он неоднократно упоминал в ходе совещания. "Указания тов. Сталина исходят из признания работы в области идеологии как работы, имеющей серьезные недостатки и серьезные провалы", — подчеркнул Жданов и заявил, что главное сейчас "заключается в значительном укреплении партийного руководства различными областями идеологии". "Указания тов. Сталина, — продолжал Жданов, — исходят из того, что лечение недостатков работы на идеологическом фронте должно идти отсюда, сверху, из аппарата ЦК. Отсюда необходимость усиления руководящего влияния партии на все отрасли идеологической работы." [28]. Естественно, что все участники совещания приняли озвученные Ждановым указания Сталина как руководство к действию [29]. Последствия не замедлили сказаться [30].

Возможно, о совещании было известно заранее, а возможно, это просто совпадение, но уже 19 апреля 1946 г. Б.Геминдер представил в ОВП ЦК ВКП(б) Информацию по вопросу пропаганды в Чехословакии [31]. Документ был подготовлен на основе бесед Геминдера с некоторыми руководителями КПЧ во время его поездки в Чехословакию и личных наблюдений. Автор утверждал, что "пропаганда о Советском Союзе в Чехословакии не соответствует политическим потребностям. Ее объем и содержание не противо-

действуют англо-американской пропаганде". Газеты и журналы, обещавшие жизнь в Советском Союзе, жаловались на отсутствие актуальной информации и хороших материалов. Геминдер писал о неоперативности поступления текущей информации о Советском Союзе: "Советская печать поступает с большим опозданием. "Правда" и "Известия" — через 12—14 дней после их выхода, в то время как газеты из Лондона и Парижа имеются уже на следующий день".

Он отмечал недостаток советских кинофильмов и "даже заметное ухудшение в этом отношении по сравнению с тем, что было полгода тому назад". "Московское вещание на чешском языке неинтересно по содержанию и слабо в техническом отношении... т. Сланский заявляет, что московские передачи в современной форме только компрометируют советскую пропаганду", — утверждал Геминдер. В то же время он очень подробно сообщал об англо-американской пропаганде в Чехословакии, ее формах и методах, актуальности, оперативности, доступности для широких слоев населения и поэтому действенности. С согласия руководства КПЧ Геминдер внес ряд предложений, направленных на улучшение пропаганды о Советском Союзе, и передал просьбу послать в Чехословакию представителей советской культуры и искусства.

С апреля 1946 г. ОВП ЦК ВКП(б) были приданы новые функции, направленные на улучшение ведущейся из СССР пропаганды и связей с иностранными компартиями [32]. Совещание у Жданова и информация Геминдера, видимо, послужили импульсом к созыву 23 апреля 1946 г. и совещания у Суслова "по вопросу о помощи Чехословакии" [33]. По словам ведущего, оно имело "целью разработать некоторые мероприятия по усилению нашего политического воздействия на чехословацкую общественность... наша работа в Чехословакии все же желает очень много лучшего и поставлена пока во всяком случае не по всем линиям удовлетворительно". Это положение тем более нетерпимо в связи с приближающимися выборами в стране, — заявил Суслов, — и предложил наметить «некоторые мероприятия идеологической помощи... демократическим элементам Чехословакии».

Выступивший вслед за Сусловым заместитель руководителя ОВП Л. Баранов, по существу, изложил содержание информации Геминдера. Присутствовавший на совещании посол СССР в ЧСР В. Зорин, подчеркнув, что "обстановка в Чехословакии исключительно благоприятная для любого нашего мероприятия", с сожалением констатировал, что "мы упускаем наши возможности в смысле нашего влияния и закрепления нашего влияния, мы уже многое упустили из

того, что могли бы иметь и оказали бы огромную помощь демократическим элементам".

Далее присутствующие обсуждали конкретные пути воздействия на чехословацкую общественность: речь шла о цикле лекций советских профессоров в Праге, об улучшении радиовещания, об открытии книжных магазинов в Праге и Братиславе. Выяснилось, что Микоян дал согласие на открытие магазина и что для него уже отправлен вагон книг преимущественно на русском языке, потому что на чешском языке в СССР почти ничего не издается. На вопрос Суслова, напечатали ли "Краткий курс", ответ был утвердительный: "Да, здесь были изданы, пошло туда 1,5 тысячи экземпляров на чешском языке".

Что касается кинофильмов, то выяснилась слабая конкурентоспособность советского кинопроката: американцы и англичане "подбросили" развлекательную тематику, а мы свою не перестроили; фильмы, которые хорошо шли в 1945 г., теперь не идут, "мы позиции сдавать будем, ничего не поделаешь". При обсуждении вопроса о спорте тоже выявились свои трудности. Выступавший был против посылки футболистов, потому что "можем проиграть"; "можно было бы послать (команду. — В.М.) по плаванию, тут уверенность есть"; "можно послать (команду. — В.М.) по боксу, но опять уверенности нет, что нам там не набьют морду".

Судя по некоторым документам, ЦК ВКП(б) должен был принять соответствующее постановление по обсужденному на совещании вопросу, но ни проекта, ни самого постановления в РЦХИДНИ автору статьи обнаружить не удалось. В конце апреля — мае 1946 г. руководители некоторых участков советского культурно-идеологического фронта представили свои конкретные предложения по улучшению "работы" на Чехословакию. Речь шла о Совинформбюро, ТАСС, ЦК ВЛКСМ, Комитете по делам искусств при Совете министров СССР, "Международной книге" [34].

Некоторые из предложений можно было реализовать сразу, выполнив, например, настойчивые просьбы «чехословацких товарищей» послать в страну еще перед выборами в ЗНС Ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством Александра, кукольный театр Образцова, советских музыкантов Оборина, Ойстраха и Мравинского на музыкальный фестиваль в Праге. Была послана и делегация советской молодежи во главе с секретарем Челябинского обкома ВЛКСМ С.И. Колесниковым, который, судя по документам, доставил руководству КПЧ и некую секретную информацию, а обратно привез обширную информацию Сланского о положе-

нии в Чехословакии, которая затем была направлена Суловым Сталину, Молотову, Жданову, Микояну, Маленкову и Берии [35].

Предложения Совинформбюро были рассчитаны на более длительные сроки. Оно должно было посылать ежемесячно в Чехословакию не менее 100 – 120 статей и фотоматериалы о жизни СССР, а также корреспонденции по актуальным международным вопросам и вопросам послевоенного демократического переустройства и сотрудничества славянских стран. Точно очерчивалась тематика статей о СССР: характер советского общественного и государственного строя, успешное послевоенное хозяйственное строительство, укрепление военной и экономической мощи СССР, задачи и осуществление нового пятилетнего плана, преимущества советского экономического строя, система управления народным хозяйством, достижения науки, искусства и культуры СССР [36].

В июле 1946 г. специальная комиссия ЦК ВКП(б), членами которой были секретари ЦК А.А.Кузнецов и Н.С.Патоличев, ведущий ОВП Сулов, обсуждала работу Совинформбюро [37]. Основной доклад сделал его руководитель С.Лозовский. Подчеркивая необходимость усиления советской пропаганды, он констатировал ее отставание от англо-американской «и по количеству людей, и технически, и в финансовом отношении». Много говорилось о развертывании антисоветской кампании на Западе, о стремлении англо-американской пропаганды активно действовать в странах, которые Советский Союз рассматривал как сферу своих интересов. Ссылаясь на Копецкого и Запотоцкого, Лозовский, в частности, заявил, что «чехословаки требуют от нас огромного количества статей и материалов», они жалуются, что «мы ничего не делаем у них, тогда как американцы и англичане наводняют их своими газетами и журналами». Кузнецов и Патоличев в вопросах и репликах неоднократно подчеркивали необходимость перехода от оборонительной пропаганды к наступательной.

Лозовский отметил, что на пропаганду нельзя жалеть денег: «Какие бы расходы мы не понесли, сколько бы нам это не стоило — это политически окупится сторицей». В ответ на утверждение о том, что не везде охотно печатают статьи, идущие за подписью советских авторов (речь шла, в частности, о Польше), Лозовский рекомендовал, чтобы эти статьи подписывались «товарищами» из соответствующих стран.

В числе главных задач отдела Чехословакии и Польши Совинформбюро назывались разоблачения поджигателей войны и англосаксонской демократии. Вообще с Чехословакией, судя по стенограм-

ме совещания, у Совинформбюро не возникало особых трудностей: оттуда шли лишь многочисленные просьбы увеличить количество поставляемых материалов. Сравнивая положение с Польшей, где "нас пока не печатают и не хотят печатать", руководитель указанного отдела утверждала, что "в Чехословакии более открытое поле деятельности".

После принятых решений и постановлений, данных указаний и обещаний дело советской пропаганды в Чехословакии действительно двинулось вперед, о чем свидетельствовало, в частности, сообщение В.Копецкого С.Лозовскому от 2 февраля 1947 г., направленное последним Жданову [38].

Однако пропаганда не достигла желаемого размаха в силу финансовых, технических, организационных, кадровых и других причин. По своей эффективности и действенности она, видимо, проигрывала англо-американской. Это подчеркивалось в ряде материалов, поступивших в ОВП ЦК ВКП(б). В частности, об этом свидетельствовал отчет о работе ВОКС в Чехословакии в 1946 г. [39], в котором значительное место отводилось англо-американской пропаганде в стране, направленной на то, чтобы доказать "преимущества западной демократии перед СССР" и использующей все средства "для поддержания реакционных элементов в Чехословакии".

То же самое, по существу, утверждал и профессор МГУ А.Сидоров, вернувшийся из страны после чтения там курса лекций: "Мы совершенно не используем советскую науку как орудие политического воздействия на чехословацкую интеллигенцию", "масштаб наших мероприятий по линии культурных и научных связей совершенно не соответствует масштабу той контрпропаганды, которую ведут Франция, Англия и Америка" [40].

Несмотря на весьма оптимистические сообщения руководства КПЧ (Р.Сланского) [41] о положении в Чехословакии после выборов в ЗНС, о росте авторитета и влияния КПЧ, представитель которой возглавил правительство, принявшее подготовленную коммунистами программу, советские лидеры, видимо, были встревожены как успехами англо-американской пропаганды в стране, так и усилением сопротивления коммунистам со стороны их партнеров по национальному фронту, в частности Демократической партии в Словакии. Об этом свидетельствует обширный материал "Реакционная деятельность в Словакии", подготовленный в июле 1946 г. Политуправлением Центральной группы советских войск и пересланный в ОВП ЦК ВКП(б). Направляя его Сулову, Л.Баранов подчеркивал, что материал "представляет большой интерес" [42].

Видимо, следствием этой встревоженности была беседа генерального консула СССР в Братиславе Н.Я. Демьянова с заместителем председателя Словацкого национального совета К.Шмидке о причинах ослабления влияния компартии в Словакии [43]. Об обеспокоенности Москвы возможностью ослабления своих позиций в Центральной Европе свидетельствует и настойчивость, с которой советское руководство добивалось заключения договора о дружбе и взаимопомощи между Чехословакией и Польшей [44].

Советские лидеры, по всей видимости, опасались потерять Чехословакию как форпост своего влияния в центре Европы, и это способствовало усилению недоверия и подозрительности по отношению к КПЧ и ее политике компромиссов и уступок своим союзникам по национальному фронту. Для советской внешней политики второй половины 1946 г. характерна некая двойственность: наряду с декларациями о необходимости сохранения дружественных отношений с Западом, возможности "соревнования" двух систем с разными идеологиями, звучали и утверждения о появлении двух направлений в мировой политике: одного — прогрессивного, демократического в авангарде с СССР, другого — империалистического, антисоветского во главе с США и Англией. Черчилль уже именовался не иначе как поджигатель новой войны. Все это нашло отражение в докладе Жданова о 29-й годовщине Октябрьской революции [45].

Думается, что в этих условиях не могли не вызвать настороженности советского руководства заявления Готвальда о собственном, чехословацком, отличном от советского, пути к социализму, высказанные лидером КПЧ на пленуме ЦК КПЧ в сентябре 1946 г. со ссылкой на положительное мнение Сталина по этому вопросу [46]. Вряд ли мог приветствоваться советской стороной и какой-либо намек на упрочение отношений с США, в частности подписание 14 ноября 1946 г. чехословацко-американской декларации о взаимной торговле, предусматривавшей ее укрепление и расширение.

Возможно, определенным отзвуком этой настороженности явилась и чрезвычайная сухость телеграммы, направленной Сталиным Готвальду по случаю его 50-летия. Интересна, на наш взгляд, история составления этой телеграммы. ОВП ЦК ВКП(б), за подписью Сулова внесший предложение о поздравлении, направил Жданову довольно пространственный проект поздравительной телеграммы. Жданов посчитал, что этим должен заниматься МИД СССР. Замминистра иностранных дел В.Деканозов считал необходимым сократить текст телеграммы до одного абзаца и потребовал запросить

мнение Зорина. В результате — подписанный Сталиным текст состоял из одной сухой фразы: "Примите мои поздравления и наилучшие пожелания ко дню Вашего пятидесятилетия" [47].

Может быть, это объяснялось свойственной Сталину краткостью в делах подобного рода, а также своеобразным продолжением декларирования принципа невмешательства в дела Чехословакии, но, возможно (такая гипотеза тоже имеет право на существование), это было результатом указанных выше причин и признаком недовольства Готвальдом со стороны советского лидера.

Примерно в то же время произошло еще одно как бы малозаметное, но, на наш взгляд, заслуживающее внимания событие: на имя Суслова поступило письмо рядового члена пражской организации КПЧ З.Рейхла о целесообразности и необходимости обновления Интернационала как "международно-правового лица". К письму был приложен обширный Меморандум с подробным изложением представлений его автора о том, как это надо сделать. Суслов поручил разобраться в вопросе сотрудникам Отдела В.Мошетову и И.Медведеву, которые в целом раскритиковали идею возобновления Интернационала хотя бы и в новых формах, но одновременно заметили, что постановка этого вопроса "несомненно, отражает стремление известной части коммунистов зарубежных стран найти ответы на волнующие их вопросы относительно перспектив развития коммунистического движения во всем мире". Кроме того, по утверждению авторов заключения, постановка вопроса об Интернационале находится в определенной связи с дискуссией о революции, о социализме, об "устарелости" марксизма-ленинизма, развернувшимися в последнее время между различными, прежде всего буржуазными, партиями. "Как показывают факты, в эти дискуссии оказались втянутыми и некоторые компартии (например, компартия Чехословакии)". Авторы полагали, что "имело бы важное значение для помощи коммунистическим партиям зарубежных стран критическое рассмотрение круга затронутых выше вопросов и изложение по ним точки зрения нашей партии" [48].

К заключению прилагался обзор дискуссии, проходившей по указанным вопросам в чехословацкой прессе с конца 1945 г. до середины 1946 г. В обзоре утверждалось, что последовательными сторонниками тезиса о чехословацком пути к социализму являются Бенеш и буржуазные партии (национальные социалисты и лидовцы), которые используют этот тезис "для критики нынешней внешнеполитической ориентации чехословацкого государства и его правительства", для того, чтобы "сеять в народе недоверие к Совет-

скому Союзу". Считая, что КПЧ и ее пресса "оказались втянутыми в дискуссию не только по теоретическим вопросам, но и, по существу, внешней и внутренней политики Чехословакии", авторы обзора оценивали высказывания Готвальда о "специальном чехословацком пути к социализму как ассоциирующиеся с тезисами о "собственном пути" и "собственном социализме", выдвигаемыми деятелями и прессой чехословацких буржуазных партий. Подчеркивалось, что "такая точка зрения руководства компартии может быть использована реакцией в борьбе против самой же компартии" [49]. Из обзора как бы следовал, хотя и не сделанный напрямую, вывод, что КПЧ, ранее твердо стоявшая на марксистско-ленинских позициях, теперь, видимо, готова покинуть их.

Обзор был представлен Суслову 2 февраля 1947 г. и по времени совпал с поступившей ему же серией материалов о положении в чехословацкой армии и о позициях Л.Свободы. Материалы шли из ГлавПУРККА СССР, из Политуправления Центральной группы советских войск. В них сообщалось (кстати, в противоречии с оценками, данными незадолго до этого) о сдержанном и неприятном для советской военной делегации поведении Л.Свободы во время празднования 29-й годовщины советской армии в Чехословакии. Подчеркивалось, что этим он "показал свою уступчивость перед руководителями правых партий, враждебно относящихся к Советскому Союзу и его армии". Особо отмечалось, что "фигура Черчилля как поджигателя новой мировой войны в Чехословакии не разоблачена и здесь вокруг его имени еще сохранился ореол героя борьбы против фашизма" [50].

Вопрос о положении в чехословацкой армии весной 1947 г. привлек пристальное внимание ОВП ЦК ВКП(б) и особенно в связи с тем, как прошло празднование Дня победы и второй годовщины освобождения Праги. В спецдонесении Политуправления Центральной группы советских войск констатировалось, что "правительственные круги организационно не обеспечили проведение народного торжества", что "представители правых партий саботировали эти торжества и стремились умолчать о роли Советской Армии в освобождении Чехословакии". Отмечалось, что генерал Свобода "в торжествах участия не принимал", а во время визита советской делегации к нему "чувствовал себя стесненно, не находил темы для разговора" [51].

Обобщив все поступившие в Отдел "сигналы" о положении в чехословацкой армии, Баранов и Медведев направили 30 мая 1947 г. соответствующую информацию Сулову. В ней говорилось о тор-

можении в деле демократизации армии, о снижении влияния коммунистов в ней, об ограничении действия в армии института офицеров просвещения и возможной его ликвидации, о стремлении со стороны реакционных элементов помешать сближению между чехословацкой и советской армиями. "Из имеющихся данных явствует, — говорилось в информации, — что за последнее время генерал Свобода играет роль "сидящего на двух стульях": в правительстве он поддерживает мнения и предложения коммунистов, а в министерстве и армии является послушным исполнителем требований национальных социалистов и особенно военной канцелярии президента Бенеша"[52].

На следующий же день 31 мая 1947 г. Суслов направил информацию о положении в чехословацкой армии Сталину, Молотову и Жданову. Формулировки документа были весьма резкими и носили обличительный по отношению к КПЧ характер. Говорилось, что ЦК КПЧ ослабил свое внимание к положению в армии, не препятствует изгнанию коммунистов из нее и ограничению деятельности органов просвещения, не принимает мер к укреплению руководящих постов в армии лучшими кадрами партии. Готвальд обвинялся в том, что он не обращает необходимого внимания на состояние дел в армии и не использует своих прав как председатель Комитета обороны. Сланскому тоже вменялось в вину, что он как председатель парламентского комитета по вопросам обороны мало занимается вопросами армии, а это "неизбежно ведет к ослаблению позиций компартии в ряде звеньев чехословацкой армии". Начальник отдела Генштаба по вопросам воспитания и просвещения армии генерал Прохазка характеризовался как ведущий "примиренческую, соглашательскую политику", как проявляющий "полное безволие по отношению к деятельности реакционеров" и не оказывающий "необходимого влияния на деятельность генерала Свободы в чехословацкой армии" [53].

Сообщения об активизации реакционных сил в Чехословакии все множились. Весной 1947 г. в стране по приглашению Запотоцкого побывала советская профсоюзная делегация, руководитель которой М.Козин при общей очень положительной оценке чехословацкого профсоюзного движения позволил себе и критические замечания, в частности, касающиеся необходимости активизации в деле разоблачения происков реакции и более энергичного ведения борьбы с "темными антинародными элементами" [54]. В апреле масла в огонь подлил М.Ракоши, жаловавшийся в беседе с Молотовым на КПЧ в связи с ее позициями в вопросе о венгерском националь-

ном меньшинстве в Чехословакии. Реакция Молотова свидетельствовала о нараставшем недовольстве в руководстве Москвы КПЧ: "Я, признаться, сам хочу вам пожаловаться на чехов. Большие трудности мы испытываем в вопросе о польско-чехословацком соглашении... пока с Чехословакией говорить трудно, может быть, это явление временное, но пока чехи очень неподатливы" [55]. В июне в Отдел поступила обширная записка, составленная сотрудниками Института № 205, об американской антисоветской пропаганде в ряде стран, в том числе и в Чехословакии [56].

Нагромождение всей этой информации казалось настолько тревожным, что в июне в ЧСР был направлен заведующий сектором ОВП ЦК ВКП(б) П. Гуляев, которому поручалось лично ознакомиться с положением дел в стране. С 12 по 21 июня он встречался с рядом руководящих деятелей КПЧ, а также работниками областных и окружных партийных организаций. Результатом его командировки стала записка "К положению в Чехословакии", которая была направлена Сусловым Сталину, Молотову, Жданову, Берии, Микояну, Маленкову, Вознесенскому", как, несомненно, представляющая интерес" [57].

В первом ее разделе характеризовалось экономическое положение страны и, в частности подчеркивались "благоприятные виды на урожай, создающие хорошие перспективы в области сельского хозяйства". Эта часть записки была сделана, как представляется, на основании информации Сланского о положении в Чехословакии, которую Гуляев, видимо, привез с собой и которая тоже была направлена Сусловым "наверх" вышеуказанным лицам [58].

Достаточно подробно описывалась Гуляевым политическая обстановка в стране. Отмечались обострение межпартийной борьбы и значительная активизация реакционных элементов, "поддерживаемых англо-саксами", ярко выраженный антикоммунистический и антисоветский характер выступления реакции с "превозношением несуществующих заслуг американцев в освобождении Чехословакии и восхвалением прелестей американской и английской демократии". Давалась нелюбимая характеристика национально-социалистической и социал-демократической партий. Подчеркивался рост американского влияния, особенно по линии внешнеторговых каналов, и распространение угодничества перед американцами, главным образом в средних слоях населения. "Пропаганда коммунистов, разоблачающая реакцию и ее заграничных друзей, носит пока ограниченный характер. Компартия не всегда в должной мере оценивает вред, приносимый враждебной пропа-

гандой и массовыми выступлениями реакционных партий", — делал вывод Гуляев.

Следующий раздел записки был посвящен собственно компартии и ее деятельности. Автор констатировал, что КПЧ превратилась в массовую партию, что она является большой и активной силой, "которая может быть с успехом мобилизована для наступательной борьбы". Вместе с тем обращалось внимание на слабое проникновение компартии в органы госаппарата, в том числе и в руководимые коммунистами министерства, в частности внутренних дел и финансов. Указывалось на трудности, которые испытывают коммунисты в армии, где незначительны их позиции в командном составе. "Позиция генерала Свободы, который маскируется аполитичностью и выдает себя за друга СССР, фактически способствует созданию такого положения для коммунистов", — значилось в записке.

Выводы гласили: "Создалось впечатление, что руководство компартии сосредоточило основную деятельность на завоевании парламентского большинства, одновременно не принимая решительные меры по разгрому (подчеркнуто мной. — В.М.) важнейших позиций реакции в госаппарате, в армии, в деревне, средних классах и т.д. Вследствие чего миллионная партия с хорошо организованным аппаратом не мобилизована в должной мере для решительной борьбы с врагами народной демократии. Партия еще не проявила себя как партия, построенная на марксистско-ленинских основах. К тому же следует заметить, что ее руководители пока что не ставят перед партией такой задачи".

Особое внимание Гуляев уделил положению в Словакии, отметив реакционность Демократической партии, ее влияние в массах, связи с границей. Одновременно он подчеркнул непрочность положения компартии Словакии после выборов, ее слабость в организационном отношении, отсутствие достаточного опыта и знания марксистско-ленинской теории у руководящих работников ЦК КПС, малое внимание Широкого и Дюриша к делам партии. "Таким образом, — делал вывод Гуляев, — словацкой реакции противостоит сравнительно слабо организованная партия со слабым руководством".

Специально говорилось в записке о влиянии и популяризации СССР. "Расширение пропаганды англо-саксонских стран и их активное проникновение в Чехословакию проходит при явно недостаточной деятельности в области популяризации Советского Союза", что происходит как по вине компартии, так и ответственных за это советских организаций, делал вывод автор записки.

Так что, если судить только об информации, которая поступала в Кремль из ОПВ ЦК ВКП(б), не говоря уже о других каналах (разведка, МИД, НКВД и т.д.), то можно с уверенностью сказать, что у советских лидеров складывалось полное впечатление скорого наступления и возможной победы реакционных сил в Чехословакии, поддерживаемых извне, при слабом или недостаточном противодействии со стороны КПЧ. В этих условиях, видимо, росло и число сторонников силовой развязки напряженности в Чехословакии с целью удержания ее в сфере советского влияния. Не исключено, что перед приездом чехословацкой делегации в Москву 9 июля 1947 г. Сталин познакомился со всей (или основной) информацией о положении в Чехословакии, шедшей "наверх", и использовал ее в беседе с Готвальдом для соответствующей аргументации. Однако во время встречи Сталина с чехословацкой правительственной делегацией разговор касался лишь участия Чехословакии в плане Маршалла [59].

Напомним, что к середине 1947 г. уже отчетливо просматривалось разделение мира на два конфронтационных лагеря, шла напряженная политическая борьба вокруг плана Маршалла. Сталин к тому времени уже отказался от дипломатических усилий по предотвращению раскола Европы и принял вариант силовой конфронтации. В этих условиях, по представлениям Москвы, достаточно рыхлая "сфера советского влияния" должна была превратиться в гомогенный блок с монополией коммунистической власти в каждой стране, и особенно в чехословацком "форпосте", чтобы легче было управлять таким блоком из одного центра. Этим целям должно было служить и совещание в Шклярской Порембе в сентябре 1947 г., когда был создан Коминформ.

Если говорить о выступлении на совещании представителя КПЧ Р.Сланского, то ясно ощутимы под влиянием доклада Жданова смена тональности, фразеологии и более четкий абрис задач, намеченных КПЧ. Бенеш и Масарик уже рассматривались Сланским, чего ранее не было, как агенты англо-американского империализма; долг партии "перед лицом его агрессивных планов" виделся в усилении и дальнейшем развертывании наступления против реакции, ее разоблачении и вытеснении с занятых ею позиций и, наконец, разгроме реакции при опоре на широкие массы [60]. В этом выступлении, по существу, был уже заложен алгоритм стратегии и тактики КПЧ на ближайшее время.

План наступления на реакцию рассматривался Президиумом ЦК КПЧ 2 октября 1947 г. и, надо признать, блестяще выполнен:

начало было положено раскрытием так называемого антигосударственного заговора в Словакии и завершено февральской победой КПЧ, по существу, закрепившей монополию коммунистической власти в Чехословакии. КПЧ, успешно мобилизовавшей "низы", удалось "переиграть" своих не готовых к решительному противодействию партнеров-соперников по национальному фронту и отгеснить их от управления страной. Вхождение Чехословакии в советскую сферу влияния сыграло, безусловно, решающую роль в отказе западных держав оказать действенную помощь противостоявшим коммунистам силам. Эту ситуацию хорошо понимал Э. Бенеш. Опасаясь к тому же возможности развязывания в стране гражданской войны и неизбежного в этом случае кровопролития, он уступил требованиям коммунистов.

Однако, несмотря на столь впечатляющую победу, несмотря на то, что КПЧ получила изрядную долю критики как прямой, так и косвенной на совещании в Шклярской Порембе, позиции и деятельность руководства партии по-прежнему вызывали недоверие и подозрительность со стороны ОВП ЦК ВКП(б). Об этом свидетельствует, в частности, документ "О некоторых ошибках коммунистической партии Чехословакии", подготовленный в начале апреля 1948 г. сотрудниками Отдела и направленный тогда уже секретарю ЦК ВКП(б) Сулову [61]. Напомним, что именно весной 1948 г. разгорался конфликт между ВКП(б) и КПЮ, активно велась подготовка ко второму совещанию Коминформа, на котором должен был быть положен конец "разброду" и "шатаниям" в коммунистическом лагере, осуждены "отступники" от марксизма-ленинизма, шел процесс поисков "мальчиков для битья", на чьем примере можно было бы продемонстрировать и заклеить "вероотступников". Наряду с КПЮ, ППР и ВКП [62] компартия Чехословакии оказалась в числе тех, кто мог быть положен на жертвенный алтарь в назидание другим.

На 30 страницах вышеуказанного документа скрупулезно разбирались с позиций "марксистско-ленинской теории" все допущенные КПЧ ошибки и содержались рекомендации по их устранению. Материал так обширен и интересен, что о нем следует говорить особо. Здесь же только коротко перечислим все, что вменялось в вину КПЧ. Речь шла, во-первых, об ориентации "в теории и на практике на особый мирный путь к социализму без жертв и классово-вой борьбы" и сползании "на позиции мирного вращивания капитализма в социализм"; во-вторых, о широком "распространении в партии парламентских иллюзий, переоценке парламентских форм борьбы и недооценке работы в массах"; в-третьих, о "социал-демок-

ратическом подходе к строительству партии, отказе от большевистских организационных принципов построения КПЧ"; в-четвертых, о "пренебрежении ленинско-сталинским учением по национальному вопросу" и приспособлении политики в этом вопросе к настроениям отсталых националистических элементов чешского населения; в-пятых, об отсутствии "научной программы по крестьянскому вопросу", проведении "лишь частичных мер, не подрывающих основ капитализма в деревне", о недооценке "опасности кулака" и поддержке "антимарксистской теории "самотека" в социалистической переделке сельского хозяйства страны".

По существу, обвинения подвергался весь послевоенный курс КПЧ, в принципе согласованный ею с Москвой. Но... настали "другие времена" и зазвучали "другие песни". В заключении указанного документа выражалась уверенность, что "КПЧ располагает достаточными силами и опытом борьбы... за торжество идей марксизма-ленинизма в разрешении исторической задачи — перехода Чехословакии и ее народов к высшей форме развития общества". Автор статьи не располагает данными о том, что этот документ стал известен руководству КПЧ, но в ее последующей деятельности все перечисленные выше "ошибки" были "устранены", и она доказала свою способность твердо встать на путь построения социализма с "советским лицом".

"Подозрительность и недоверие были не продуктом сталинской системы, а самой ее сутью, — справедливо пишет английский исследователь А. Буллок, — и тот факт, что Сталин после войны не ослабил советскую систему у себя дома, а посчитал необходимым усилить ее, говорит за то, что ее распространение на Восточную Европу было всего лишь делом времени." [63]

"Февраль" в Чехословакии раньше или позже должен был произойти. ВКП(б) и КПЧ сначала рассчитывали на более длительные сроки его подготовки, но международная ситуация спутала все эти расчеты, ускорив приход коммунистов к власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. СССР и германский вопрос. 1941-1949 гг. Документы. Т.1. СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. М., 1996, с.282—285.
2. Там же, с.595—596.
3. Там же, с.342, 353.
4. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), фонд 77, опись 1, дело 804, л. 35—45.
5. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). Т.5. М., 1988, с.315.

6. РЦХИДНИ, ф.17, оп.128, д.901, л.74—75.
7. Там же, д.775, л. 345—346.
8. Там же, д.1083, л.256, 258.
9. Nováčková H., St'ováček I. Edvard Beneš o jednání v Moskvě v prosinci 1943. Dokument / Šoudobé dějiny, 1996, № 2, 3, s.331.
10. СССР и германский вопрос, с. 335.
11. Там же, с.701.
12. РЦХИДНИ, ф.77, оп.1, д.975, л.121—126.
13. Там же, ф.17, оп.128, д.749, л.133—171.
14. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. 1. 1944—1948 гг. М., Новосибирск, 1997, с.511; Дело Сланского. Документы. // Вопросы истории, 1997, № 3, с. 9.
15. РЦХИДНИ, ф.17, оп.128, д.902, л.94, 118, 119, 128, 130.
16. The Cominform. Minutes of the Three Conferences. 1947 / 1948 / 1949. Annali. Milano, 1994, s.92.
17. В сборнике "Восточная Европа в документах..." опубликована лишь запись беседы И.В.Сталина с чехословацкой правительственной делегацией 9 июля 1947 г. (с.672—675).
18. Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа, 1947—1956. М., 1994, с.10—18.
19. РЦХИДНИ, ф.17, оп.128, д.903, л. 74.
20. Там же, д.1083, 231—236.
21. ДМИСЧО, т.5, с.155.
22. Там же, с.192.
23. РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д.316, л. 10, 11, 13.
24. Там же, л. 17, 18.
25. Там же, ф.17, оп.128, д.29, л. 26.
26. Там же, д.751, л. 7.
27. Там же, д.29, л. 87,88.
28. Там же, ф.77, оп.1, д.976, л. 1.
29. Там же, л. 2-47.
30. Первыми жертвами усиления идеологической борьбы стали писатель М.Зощенко и поэтесса А.Ахматова. Интересен документ на чешском языке под названием "К некоторым вопросам на культурном фронте" (без даты и подписи), поступивший в ОВП. В нем отмечалось, что дело Зощенко и Ахматовой "живо дискутировалось в рядах чешских деятелей культуры", небольшая их часть, особенно национальные социалисты и лидовцы, "демагогически называют решение ЦК ВКП(б) по ленинградскому делу угрозой свободе творчества. Гораздо большая часть прогрессивных деятелей культуры поняла значение вмешательства ЦК ВКП(б) и делает из него выводы для своей работы, которая должна в большей мере, чем до сих пор, служить интересам народно-демократического режима у нас". (Там же, ф.17, оп.128, д.903, л. 139).
31. Там же, д.105, л. 6—10.
32. Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа, 1947—1956. М., 1994, с.14, 15.
33. РЦХИДНИ, ф.17, оп.128, д.884, л. 91—99.
34. Там же, д.105, л. 1, 11—15.

35. ДМИСЧО, т.5, с.272; РЦХИДНИ, ф. 17, оп.128, д.903, л. 35—40; ф.17, оп.128, д.104, л. 15—20.
36. РЦХИДНИ, ф. 17, оп.128, д.105, л. 2.
37. Там же, оп.125, д.385, л. 4—429.
38. Там же, оп. 128, д.240, л. 39—41.
39. Там же, д.89, л. 22—28.
40. Там же, д.1083, л. 31—35.
41. Там же, д.903, л. 35—40. Опубликовано: "Восточная Европа в документах...", с.483—486.
42. Там же, д.104, л. 23—45.
43. Восточная Европа в документах..., с.495—497.
44. Там же, с.492—495, 585.
45. РЦХИДНИ, ф.77, оп.1, д.804, л. 35—45.
46. Восточная Европа в документах..., с. 579.
47. РЦХИДНИ, ф. 17, оп.128, д.539, л.16—20.
48. Там же, д.903, л. 75—90. Опубликовано: "Восточная Европа в документах...", с.527, 572—579.
49. РЦХИДНИ, ф. 17, оп.128, д.903, л. 91—95.
50. Там же, д.287, л. 2, 3, 41—53; д. 1083, л. 87—99.
51. Там же, д.287, л. 63—88.
52. Там же, д.1083, л. 197—203.
53. Там же, л. 96.
54. ДМИСЧО, т.5, с.339—340.
55. Восточная Европа в документах..., с.619.
56. РЦХИДНИ, ф. 17, оп.128, д.1129, л. 2—46.
57. Там же, д.1083, л. 212-220. Опубликовано с купюрами в "Восточная Европа в документах...", с.649—655.
58. ф.17, оп.128, д.1083, л. 205—211.
59. Восточная Европа в документах..., с.676—675.
60. The Cominfoгm..., s.146, 282.
61. РЦХИДНИ, ф.17, оп.128, д.1162, л. 44—73. Опубликовано: "Восточная Европа в документах...", с.831—858.
62. См.: Восточная Европа в документах..., с.787—800, 802—806, 814—829.
63. Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. /Пер. с англ. Т.2. Смоленск, с.589.

В.Бабичка (Чехия)

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЧЕХОСЛОВАЦКО- СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1945—1948 гг. В БЫВШЕМ АРХИВЕ ЦК КПЧ

Политическое развитие Чехословакии с конца второй мировой войны до февраля 1948 г. трактуется в наши дни как набирающее

силу столкновение борющихся за власть сил, сопротивление которых нацизму и оккупации чешских земель дало им мандат на участие в правительстве в послевоенной республике. Характер этой борьбы и участие в ней отдельных политических сил обуславливают и структуру источниковой базы для изучения этого процесса, и определения исторической критикой отправных точек источников.

Одну группу источников составляют документы правительственного происхождения, сконцентрированные прежде всего в фонде Канцелярии президиума правительства, а также в фондах министерств, которые находятся в ведении Государственного центрального архива и ведомственных архивов, то есть министерств иностранных дел, обороны и внутренних дел. Эти прекрасно сохранившиеся архивные фонды дают возможность провести подробную хронологическую реконструкцию событий. При этом следует подчеркнуть, что характер этих документов позволяет увидеть скорее внешнее описание событий, нежели понимание их причин, мотивации поступков и механизмов реализации политической воли. Отдельные члены правительства вели себя в соответствии с уже выработанными в партийных органах, кабинетах и кулуарах точками зрения и позициями. По протоколам заседаний правительства можно таким образом выявить, каких взглядов придерживались те или иные партии по определенным политическим вопросам, но узнать, как они пришли к подобным позициям, нельзя. Можно только догадываться, какое место они играли в их политической тактике. Эту группу источников мы можем считать высокообъективной в том смысле, что речь идет об официальных документах, при подготовке которых, проходившей одновременно и непосредственно с событиями, не использовались субъективные, апологетические либо пропагандистские мотивы.

Эта характеристика не относится к тем источникам, которые происходят из другой сферы государственной власти — Канцелярии президента. Это объясняется тем, что президентский архив содержит документы как официального, так и частного или получастного характера. Эдуард Бенеш собрал в нем свою политическую корреспонденцию, выступления и меморандумы, но помимо этого здесь можно найти также и протоколы переговоров, подготовленные материалы, а также сообщения и записи своих секретарей. Эти документы, если сравнивать их с правительственными, носят более личностный характер; при их критике и интерпретации необходимо тщательно отличать те из них, которые возникли для практических целей, от тех, которые создавались скорее для истории.

Третья группа источников — архивы политических партий. Если социал-демократическая, народная и национально-социалистическая партии не слишком заботились о своих архивах и под влиянием дальнейших событий их архивы сохранились не в полном виде, то КПЧ прекрасно понимала информационное богатство своего архива и уделяла ему систематическое внимание. Хотя и Архив ЦК КПЧ также нельзя назвать комплектным, так как некоторые деятели, видимо, не передали в архив свои бумаги и часть архива была где-то после 1989 г. расхищена. Тем не менее архивные фонды центральных органов КПЧ насчитывают на сегодняшний день свыше 4 погонных километров материалов. В соответствии с законом о возвращении имущества КПЧ народу Чехо-Словацкой Федеративной республики за № 496/90 Sb Архив ЦК КПЧ был передан государству и размещен в Государственном центральном архиве в Праге.

В этом сложном по структуре архивном фонде хранятся документы партийных съездов, конференций и пленумов Центрального комитета, материалы центральных партийных руководящих и контрольных органов, письменные документы секретарей ЦК КПЧ, которые по своему характеру приближаются к личным фондам, документы, касающиеся аппарата ЦК КПЧ и хозяйственной деятельности партии, данные о членской базе и коллекции документов иного происхождения. Совершенно специфический характер носят архивные коллекции, созданные Клементом Готвальдом и Антонином Новотным, поскольку в них содержатся документы партийного, президентского, личного и постороннего происхождения.

Изучающий в Архиве ЦК КПЧ документы по истории советско-чехословацких отношений в период 1945—1948 гг. будет разочарован документами высших партийных органов. Пленарные заседания ЦК КПЧ¹ эту проблематику практически вообще не затрагивали. На трех заседаниях 1947 г., которые предшествовали февральскому столкновению борющихся за власть сил, центральный комитет занимался исключительно внутривнутриполитическими и внутрипартийными делами, а проблемами международных отношений — лишь косвенно. При этом Владимир Клементис и другие специалисты по проблемам внешней политики, скорее, давали общую оценку международному положению и положению в СССР; вопросам же советско-чехословацких отношений в их выступлениях никакого внимания не уделялось.

Президиум ЦК КПЧ вопросам взаимоотношений ЧСР и СССР уделял большее внимание, но дело в том, что из лапидарных и даже схематических протоколов, фиксировавших ход обсуждения, нельзя

почти ничего узнать. 10 марта 1947 г.² должен был рассматриваться вопрос о Союзе друзей СССР и Обществе культурных и экономических связей с СССР, однако рассмотрение этого вопроса было перенесено. 15 июля 1947 г.³ К. Готвальд направил президиуму информацию о поездке в Москву, где чехословацкая правительственная делегация вела переговоры с советскими представителями об отношении к плану Маршалла. Президиум ЦК КПЧ одобрил действия делегации, но о содержании и принятых решениях на переговорах в Москве из протокола заседания узнать ничего нельзя. Правда, из кратко сформулированного постановления следует, что секретариату по организационным вопросам было поручено подготовить план кампании по популяризации торгового договора с СССР. И протокол президиума ЦК КПЧ в напряженные февральские дни 1948 г. не дает ответы на вопросы: оказывали ли советские политические лидеры какое-либо воздействие на президиум ЦК КПЧ, вел ли он консультации в Москве относительно своих действий. Однако для понимания роли отдельных партийных органов важное значение имеет постановление президиума ЦК КПЧ от 21 февраля 1948 г.⁴, согласно которому на период политического кризиса учреждались три более узкие комиссии — политическая, по организационным вопросам и по пропаганде. Алексею Чепичке было поручено ведение переговоров о перенесении заседания парламента, а Франк и Давид отвечали за регулирование снабжения типографий бумагой для ротационных машин. Это постановление показывает, что принятие политических решений переносилось из официальных органов в неформальные организационные структуры, о действиях и решениях которых никакие документы не составлялись.

Следующим в иерархии партийных органов являлся Генеральный секретариат, канцелярия которого содержит значительное число документов о Советском Союзе, ценность которых весьма неравнозначна. Здесь можно найти документы скорее официального, но непервостепенного характера, каким является, к примеру, поздравительное письмо к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, направленное ЦК ВКП (б)⁵, либо же предложения, относящиеся к 1945 г. о награждении пяти советских партизанских командиров⁶. Можно обнаружить и документы, отражавшие атмосферу конца войны, как, например, жалобы на воровство и поведение солдат Советской армии⁷ и резолюции о включении ЧСР в состав Советского Союза, по отношению к которым генеральный секретарь ЦК КПЧ Рудольф Сланский занимал отрицательную позицию⁸, а также документы государственной значимости, такие

как переговоры о заключении экономического договора между ЧСР и СССР в 1947 г.⁹ К отзывам деятельности заграничного руководства КПЧ в Москве в годы войны относится переписка Рудольфа Сланского с редакторами чешского радиовещания из Москвы в 1945—1946 гг., в которой просматривается стремление удержать континуитет вещания¹⁰. К сожалению, этот источник не содержит каких-либо сведений относительно содержания вещания. К Рудольфу Сланскому поступали также донесения коммунистических информаторов о заседаниях других партий Национального фронта. Помимо всего прочего перед этими информаторами стояла задача отслеживать и фиксировать разговоры ведущих политических деятелей чешских некоммунистических партий о советской внешней политике и чехословацко-советских отношениях, что время от времени можно обнаружить в их донесениях¹¹.

Сбор богатого урожая можно было бы ожидать в материалах международного отдела ЦК КПЧ, однако действительное положение дел приносит разочарование. Что касается дофевральского периода, то в фонде имеются только документы, затрагивающие деятельность Общества культурных и экономических связей с СССР¹², другие же документы о переговорах с советскими политиками, о положении в чехословацком посольстве в Москве относятся уже к периоду после февраля 1948 г.¹³ В несколько лучшем положении находятся исследователи, изучающие проблемы экономической истории, поскольку в материалах народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ содержатся документы о переговорах чехословацких специалистов в СССР и о заключении экономического договора между ЧСР и СССР¹⁴.

Наиболее богат источниками по истории чехословацко-советских отношений архив Готвальда. Помимо официальных публикаций в прессе в виде статей, интервью и коммюнике¹⁵ архив Готвальда имеет ряд документов, касающихся политических и экономических отношений с СССР. В деле с личными пометками К. Готвальда к заседаниям правительства и ЦК КПЧ, а также к различным выступлениям помимо всего прочего хранится и заметка Готвальда о расширении экономического сотрудничества и ориентации внешней торговли на СССР¹⁶. Важную роль в послевоенных чехословацко-советских отношениях играл уран, его добыча в ЧСР и экспорт в СССР. В Архиве Готвальда хранится Соглашение между правительствами СССР и ЧСР о расширении добычи руд и концентратов, содержавших радий и другие радиоактивные элементы, о их поставке в СССР, а также другие документы периода 1945—1953 гг. о до-

быче урана в Яхимове, Горном Славкове и Пржибраме, о советском управлении предприятием "Яхимские рудники", а также о работе политических заключенных в этих горнодобывающих предприятиях¹⁷. Переговорам и переписке с советскими политиками в архиве Готвальда посвящены специально три тома¹⁸. К непосредственно послевоенному периоду относятся документы, касающиеся договора между СССР и ЧСР о Закарпатской Украине, передачи объектов в Карловых Варах в собственность СССР, дипломатических вопросов, краж, совершенных советскими солдатами, снабжения Советской армии, чехословацко-советского соглашения о военных трофеях и неразрешенных финансовых проблемах, в частности, о блокировании золотого запаса Национального банка Чехословакии и направлении золота из этого хранилища в СССР. По документам архива Готвальда можно очень хорошо проследить сложный ход переговоров о заключении чехословацко-польского договора, начиная с письма К. Готвальда В.Зорину о ходе переговоров и проблеме польского меньшинства в ЧСР вплоть до свидетельств давления Сталина и Молотова на Готвальда в плане необходимости заключения такого договора в соответствии с представлениями советской стороны. Чехословацкая сторона, как известно, выдвигала в этих переговорах определенные территориальные претензии, касавшиеся района Кладно и Силезии, которые не были приняты советским руководством. Что касается 1946—1947 гг., в архиве Готвальда имеется несколько документов информационного характера, в частности, ситуационный анализ американского посольства в Москве о состоянии советской экономики, сообщение министерства внутренних дел о смене дипломатических представителей великих держав в Москве, заметки Ярмилы Глазаровой о положении в СССР, запись о переговорах Сталина с проф. Гарольдом Ласки о международных отношениях, а также запись беседы Сталина с делегацией депутатов британского парламента от Лейбористской партии. Чрезвычайно важны документы о переговорах об экономическом сотрудничестве 1946—1948 гг., из которых видно и изменение отношения советского руководства к чехословацкому правительству. Документы о методах, которые применялись к чехословацкой делегации летом 1947 г., чтобы заставить ее отказаться от плана Маршалла, уже были использованы и опубликованы в чешской исторической литературе. Осенью 1947 г. все же не удалось завершить переговоры о заключении торгового соглашения между ЧСР и СССР. Готвальд лично обратился к Сталину с письмом, в котором изложил позицию чехословацкой стороны и ее просьбы. Сталин также ответил личным письмом, в котором говорилось о воз-

возможности удовлетворения чехословацких пожеланий, и о том, что торговый договор может быть подписан. Составной частью соглашения было помимо всего прочего увеличение поставок зерна в ЧСР, которые помогли решить положение со снабжением. Коммунисты могли использовать результаты этих переговоров в пропагандистских целях, поскольку до этого министру Рипке не удавалось достичь успехов в подписании договора в Москве, и только обмен мнениями между лидерами коммунистических партий обеих стран способствовал перелому в переговорах. То, что это являлось составной частью советской тактики по оказанию влияния на ход борьбы за власть в ЧСР, показывает сравнение с итогами другой инициативы Готвальда от 27 февраля 1948 г. В этот день Готвальд направил Сталину телеграмму с просьбой о поставках в ЧСР мяса. Политическая аргументация сводилась к необходимости поддержки этими поставками позиции нового правительства. Сталин уже, видимо, не видел в этом необходимости, так как считал вопрос о борьбе за власть решенным; он не ответил Готвальду лично, как это было в случае с поставками зерна в ноябре 1947 г., более того, ответ советского правительства был отрицательным. Тон переписки Готвальда со Сталиным, Молотовым и другими советскими представителями этих лет показывает, что Готвальд не являлся для советского руководства равноценным партнером и представителем суверенного государства. Тон посланий Готвальда — униженный, подобострастный и даже сервильный, тогда как советские лидеры в зависимости от той или иной ситуации избирали тон в широком диапазоне — от холодной учтивости и неестественного дружелюбия вплоть до нескрывавшегося чувства превосходства, покровительства и давления.

Что касается количества документов, относящихся к проблеме чехословацко-советских отношений, думается, что архив ЦК КПЧ несет историкам определенное разочарование. Еще имеется надежда, что будут найдены какие-то новые документы в пока еще необработанных материалах Рудольфа Сланского, а также в отделе учета ЦК КПЧ. Под названием “отдел учета”, который именовался определенное время также информационным отделением или техническим отделом, скрывался информационный центр КПЧ, который возглавляли Карел Шваб и Гедвика Сынкова. Но и здесь, думается, не приходится ожидать каких-то кардинальных открытий, поскольку подавляющая часть уже обработанной документации — это информация об отношениях в чехословацких политических партиях и о компрометирующих материалах на чехословацких политических деятелей. Определенным резервом для пополнения источниковой

базы, касающейся вопросов подготовки политического переворота в ЧСР в феврале 1948 г., мог бы стать также и Архив государственной безопасности, который находится в ведении Архива Министерства внутренних дел.

На сохранности и структуре источниковой базы по истории советско-чехословацких отношений 1945—1948 гг. отражается проблема документации политического деяния современной эпохи в целом. Ряд политических переговоров и решений проходил во время неофициальных встреч или по телефону, их письменные записи не велись. О них можно узнать только из мемуарной литературы, достоверность которой без возможности сопоставления с официальными документами спорна.

Что касается критики с исторических позиций источников, содержащихся в архиве ЦК КПЧ, то к ним следует подходить дифференцированно и с учетом первоначальных функций документов: предназначались ли они для общественности и носили, скорее, торжественный или же учтивый характер, или же выполняли практическую, деловую и информативную функцию, лишенную туманной завесы, которая могла бы ввести в заблуждение журналистов и будущих историков. В заключение нужно констатировать, что по проблематике чехословацко-советских отношений 1945—1948 гг., так же как, кстати, и по большинству других вопросов, архив ЦК КПЧ может предоставить ряд объясняющих свидетельств, однако завышенных ожиданий исследователей универсальности этот архив, скорее всего, не оправдает, а его значимость для исторических изысканий в будущем нельзя односторонне переоценивать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В соответствии с изначальным обозначением имеют номер 01. Пленумы 1947 г. хранятся в: sv. 3, 4, ar. j. 14—16.

² SÚA, 02/1, sv. 1, ar. j. 68.

³ SÚA, 02/1, sv. 1, ar. j. 74.

⁴ SÚA, 02/1, sv. 2, ar. j. 105.

⁵ SÚA, 100/1, sv. 63, ar. j. 510, fol. 1-3.

⁶ SÚA, 100/1, sv. 63, ar. j. 516, fol. 1-8.

⁷ SÚA, 100/1, sv. 63, ar. j. 517, fol. 1-130.

⁸ SÚA, 100/1, sv. 63, ar. j. 514, fol. 1-7.

⁹ SÚA, 100/1, sv. 63, ar. j. 511, fol. 1-102.

¹⁰ SÚA, 100/1, sv. 190, ar. j. 1201.

¹¹ SÚA, 100/1, sv. 24, ar. j. 163.

¹² SÚA, 100/3, ar. j. 63.

¹³ SÚA, 100/3, ar. j. 610-623.

¹⁴ SÚA, 100/12, ar. j. 9, 10, 12, 243.

¹⁵ SÚA, 100/24, ar. j. 418-421, 543-545 о визитах правительственных делегаций в

Москву в июне 1946 г., а также в июле 1947 г.: ар. j. 656, sv. 22 — Ответы К. Готвальда на вопросы журнала "Praha-Moskva" и "Svět Sovětů" о значении февральских событий для чехословацко-советских отношений.

¹⁶ SÚA, 100/24, sv. 33, ar. j. 782.

¹⁷ SÚA, 100/24, sv. 82, ar. j. 1031.

¹⁸ SÚA, 100/24, sv. 99—101, ar. j. 1143—1148.

Г.П.Мурашко (Россия)

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1948 г. В ЧЕХОСЛОВАКИИ И СОВЕТСКИЙ ФАКТОР (По материалам российских архивов)*

Политический кризис в Чехословакии в феврале 1948 г., имевший своим следствием ликвидацию коалиционного правительства и изменивший, по сути, характер власти в стране, являлся очевидным результатом реализации нового курса советского руководства на форсирование продвижения компартий к установлению властной монополии в Восточноевропейском регионе. Этот курс стал реальностью с середины 1947 г.

Причины, породившие отказ Москвы от идеи национальных путей к социализму "без диктатуры пролетариата на принципах парламентаризма", идея, которая весьма активно внедрялась И.В.Сталиным, А.А.Ждановым, Г.М.Димитровым в коммунистическое движение на протяжении 1944—1946 гг.¹ исследованы уже достаточно обстоятельно². Следует только заметить, что смещение общественных настроений в Западной и Северной Европе вправо (о чем свидетельствовали и осложнения отношений между коммунистами и социалистами во Франции и Италии, и поражение финской компартии на выборах в Сейм, и неожиданный для Москвы выход коммунистов из правительства во Франции и удаление представителей ИКП из кабинета министров в Италии) порождало в Москве и в компартиях Восточной Европы опасения поворота развития в регионе по западному варианту. Отсюда активный рост недоверия к партнерам по демократической коалиции и стремление вернуться к "проверенному марксистскому принципу" — к классовому противостоянию, к форсированию революционного процесса, к активиза-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 97—01—00308).

ции внутри коммунистического движения сторонников немедленного перехода к советской модели развития общества.

На этом фоне Чехословакия с ее сильными демократическими традициями, с влиятельными оппонентами коммунистов в правительстве и парламенте в лице национально-социалистической, народной и демократической партий, с компартией, расценивавшейся в Москве как “весьма умеренная и склонная к компромиссам”³, вызывала у советского руководства серьезную озабоченность.

После поражения Миколайчика в Польше и Ференца Надя в Венгрии не исключалось, что острие американской политики в восточноевропейском регионе может быть сконцентрировано на Чехословакии.

Документы российских архивов даже в том, весьма ограниченном на сегодняшний день объеме, который доступен исследователям, позволяет проследить основные линии внимания Москвы к политическому развитию Чехословакии от лета 1947 г. до февральского кризиса 1948 г. Попробуем рассмотреть события через призму тех документов наших архивов, которые удалось выявить в ходе работы над проектом “Становление тоталитарных обществ советского типа в странах Восточной Европы”, осуществляемом в Институте славяноведения РАН.

Итак, в июне 1947 г. в Прагу для передачи К.Готвальду копии письма А.А.Жданова М.Торезу⁴ в связи с выходом французских коммунистов из правительства выезжает сотрудник Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) П.Гуляев⁵. По возвращении в конце июня 1947 г. он пишет подробную аналитическую записку о ситуации в Чехословакии, которая адресована высшему руководству страны: Сталину, Молотову, Жданову, Берии, Микояну, Маленкову и Вознесенскому, то есть так называемой “семерке”. В документе сообщалось, что “политическая обстановка в стране характеризуется обострением межпартийной борьбы и значительной активизацией реакционных элементов, поддерживаемых англо-саксами. Выступления их носят ярко выраженный антикоммунистический антисоветский характер с превозношением несуществующих заслуг американцев и восхвалением прелестей американской и английской демократии”. Советское руководство информировалось о том, что в стране находится около 30 тыс. иностранцев, среди которых много американских военнослужащих. Касаясь политики КПЧ, Гуляев отмечал, что пропаганда коммунистов, разоблачающая реакцию и их зарубежных друзей, носит ограниченный характер, поскольку компартия “не всегда в должной мере оцени-

вает вред, приносимый враждебной пропагандой и массовыми выступлениями реакционных партий”.

Но главный акцент в рассматриваемом документе ставился на том, что коммунисты не сумели в сколь-нибудь значительной степени овладеть органами госаппарата. “Количество коммунистов в госаппарате очень мало, даже в министерствах, которыми они руководят. Так, например, в министерстве внутренних дел, руководимом Носеком, из 48 человек зав. отделов и заведующих секциями министерства только 14 коммунистов, в министерстве финансов на 75 таких же работников только 5 коммунистов, еще хуже обстоит дело, где министрами состоят члены других партий. Так в министерстве промышленности, где министром с-д Лаушман, на 131 руководящего работника только 13 коммунистов, в министерстве иностранных дел на 51 чел. — только 7 коммунистов, в министерстве юстиции только 2, да и те находятся на второстепенных местах”. Так же плохо обстояло дело, по сведениям полученным Гуляевым, в среднем и низовом звене госаппарата. Здесь, как писал он, преобладало “влияние реакционной партии национальных социалистов”.

Вывод из вышеприведенных фактов делался весьма негативный: “Руководство компартии сосредоточило основную деятельность на завоевании парламентского большинства, одновременно не принимая решительные меры по разгрому важнейших позиций реакции в госаппарате, в армии, в деревне, в средних слоях. Вследствие чего миллионная партия с хорошо организованным аппаратом не мобилизована в должной мере для решительной борьбы с врагами народной демократии”⁶.

Представленная информация и содержащиеся в ней сведения вызвали, по-видимому, серьезное беспокойство членов “семерки”. Об этом говорит тот факт, что в ОВП, которым руководил М.А.-Суслов, была специально подготовлена сводная статистика о партийном составе руководящих кадров в министерствах Чехословакии: из 165 руководителей секций — 42 являлись коммунистами, среди руководителей отделов соотношение было соответственно 858 и 154⁷. В эту статистику не были включены данные по министерству обороны, которое находилось в ведении военной канцелярии президента страны. Ситуация в этом министерстве привлекала особое внимание советского руководства. Дело в том, что еще с мая 1947 г. на имя Сталина, Молотова, Жданова поступала различная информация об “опасных устремлениях правых политических партий к упразднению влияния прогрессивных политических элементов (прежде всего коммунистов) в чехословацкой армии”⁸.

В этом плане весьма интересен документ, относящийся к августу 1947 г. Он был подготовлен в Политуправлении Центральной группы советских войск и направлен на имя А.А.Жданова в ЦК ВКП(б), а затем для сведения направлен все той же “семерке”. В документе, подписанном генералом С.С.Шатиловым, сообщалось, в частности, что “правые партии Чехословакии — национальные социалисты, словацкие демократы и другие реакционные элементы развернули активную деятельность, направленную на вытеснение влияния коммунистов в чехословацкой армии”. Министр национальной обороны генерал Л.Свобода, “внешне продолжающий сотрудничество с коммунистами и поддерживающий нередко их предложения на заседании правительства, находится под сильным влиянием правых элементов и проводит их политику в армии.” В качестве доказательства в документе проводились факты увольнения из армии с согласия Л.Свободы офицеров по воспитательной работе, как правило, являвшихся коммунистами, а также ряда офицеров-коммунистов из разведки и контрразведки, которые заменялись представителями других партий. Из всего вышеизложенного делался вывод, что генерал Свобода, как министр обороны “стремится к тесному сотрудничеству с военной канцелярией Президента республики”, которая “фактически руководит армией и проводит линию национальных социалистов и усиленно завоевывает своими людьми командные посты в армии”⁹. По-видимому, в расчетах советского руководства чехословацкой армии отводилась существенная роль. В.М.Молотов, являвшийся вторым человеком в “семерке”, 17 сентября 1947 г. в разгар подготовки совещания в Шклярской Порембе, оставляет на выше-рассмотренном документе резолюцию, свидетельствующую о явной озабоченности Москвы ослаблением влияния коммунистов в армии Чехословакии. Он пишет: “гг. Жданову, Маленкову. Об этом вопросе следовало бы поговорить с чехами на совещании в П [Польше]”¹⁰.

Вероятно, в Шклярской Порембе разговоры с представителями КПЧ состоялись. Но все попытки чехословацких коммунистов провести чистку в армии и в государственном аппарате не принесли ожидаемых в Москве результатов. Причины сложившегося положения советская сторона видела прежде всего в недостаточной последовательности компартии, в ее излишней уступчивости партнерам по Национальному Фронту. Именно на это указывало советское посольство в Праге, анализируя внутривластительское развитие в Чехословакии во второй половине 1947 г.

В Москву шла информация о том, что “правые партии держат коммунистов под постоянным страхом изоляции, сговора между со-

бой против коммунистов... В свою очередь коммунисты, боясь остаться изолированными, не в меру иногда идут на уступки правым партиям". В качестве примера приводились неудавшиеся коммунистам попытки провести новый закон о школах. "То же самое, — отмечалось в упоминаемом документе, — с чисткой государственного аппарата и армии. Вопросы были поставлены, добились решения, а практической упорной работы, как это требовалось по существу, не сделали, ибо реакционные элементы подняли шум о том, что коммунисты разрушают госаппарат и т.д. — коммунисты уступили"¹¹.

Впечатления от действий коммунистов Чехословакии, излагаемые дипслужбами СССР, с точки зрения советских политиков были правильными. Ведь руководство КПЧ, по их мнению, не смогло добиться того, что ожидали от него в Москве на этом этапе. Положив в основу своих действий идеи мирного перехода к социализму в рамках демократического блока, руководство КПЧ в своей политике должно было считаться с нормами парламентской демократии и соблюдать принципы законодательства, действующего в стране. Именно эту специфическую ситуацию объяснял В.Носек — министр внутренних дел представителю Славянского комитета С.А.Шмераль, которая находилась в Праге в декабре 1947 г. Речь шла, в частности, о причинах неудавшихся попыток коммунистов овладеть госаппаратом. С.А.Шмераль, вернувшись в Москву, писала в своей докладной записке в МИД СССР: "Центральный аппарат исключительно засорен, здесь царит бюрократия — национально-социалистические и лидовы (члены народной партии. — Г.М.) чиновники. Министр внутренних дел Носек жаловался на то, что он не имеет возможности провести чистку в своем аппарате, так как еще в силе закон: на место уволенного нельзя взять никого. Он сказал мне, что в ближайшие дни ему удастся 273 человека из 700 своих работников перевести на пенсию и тогда он сможет взять своих людей... Носек говорил со Сланским, но, как он сообщает, получил ответ: "Нельзя нарушать закон". Во многих министерствах и Пражском магистрате предполагается коммунизировать (так в тексте. — Г.М.) аппарат следующим образом: парторганизации предлагают убедить зав. отделами, чтобы они вступили в КПЧ"¹².

Прогноз советских дипломатических служб относительно перспектив развития ситуации в Чехословакии в 1948 г. не был оптимистическим. В политическом отчете посольства за 1947 г. сообщалось: "В настоящее время и в 1948 до выборов коммунистам будет еще труднее, потому что представители социал-демократической партии еще реже будут их поддерживать и, как правило, будут вы-

ступать против... Еще труднее обстоит дело в Словакии, где коммунисты совсем в меньшинстве, и где демократическая партия, по существу, руководит всеми вопросами внутренней жизни Словакии... В настоящее время все внимание всех партий сосредоточилось на предстоящих выборах... Есть все основания предполагать, что при упорной работе с массами вплоть до выборов коммунисты получат заслуженное большинство голосов на предстоящих выборах". Однако этот обнадеживающий тезис сопровождался весьма существенной оговоркой, которая ставила над ним большой знак вопроса. В документе указывалось, что "реакционные элементы внутри страны, активно поддерживаемые представителями Запада, продолжают считать, что в Чехословакии есть все данные для того, чтобы правые получили большинство на предстоящих выборах и изгнали коммунистов из правительства"¹³.

Это замечание напрямую перекликалось с основным тезисом письма Ю. Дюриша советскому руководству (январь 1948 г.), в котором он высказывал опасения, что КПЧ на выборах весной 1948 г. постигнет участь французских и итальянских коммунистов.

Информация о том, что руководство компартии Чехословакии не занимает достаточно решительных позиций и, по существу, находится в обороне, поступала в Москву в конце 1947 - начале 1948 г. из разных источников. С. А. Шмераль, сообщая о своих беседах в Праге, писала в вышеупомянутой записке: "Подавляющее число членов партии и симпатизирующих нам беспартийных считает, партия недостаточно борется против реакции... Даже некоторые руководящие товарищи — Носек, Неядлы, Дюриш говорили мне: "довольно уступок". Часто можно слышать такие замечания: "Партия должна признать, что реакция так сильна потому, что ей дали много воли". Можно услышать и такие настроения: "Весной придется браться за оружие, иначе возьмутся они". Все члены партии очень довольны выступлением т. Готвальда в декабре этого года на пленуме ЦК, когда он сказал: "Переходим в наступление". Однако через две недели можно было слышать: "Опять слова, мало действия". Такие настроения очень сильны среди старых членов партии"¹⁴. М. Ракоши во время беседы с М. А. Суловым 19 февраля 1948 г. настойчиво подчеркивал, что обстановка в Чехословакии накануне выборов складывается явно не в пользу компартии: "Все источники свидетельствуют о том, что компартия Чехословакии находится в обороне, что последнее заявление исполкома партии свидетельствует о ее изоляции"¹⁵.

К сожалению, исследователи не располагают документами, которые позволили бы проследить реакцию советского руководства

на такую информацию и его ответные меры. Судить об этом можно лишь опосредованно. Если верить мемуарам генерала П. Судоплатова, то очевидно, что Москва была весьма заинтересована решить проблему власти в Чехословакии и покончить с коалиционным правительством в стране, не доводя дело до выборов в парламент, назначенных на весну 1948 г. Уроки Франции и Италии были явно учтены советским руководством. П. Судоплатов пишет: «В 1948 г., накануне перехода власти от Эдварда Бенеша к Клементу Готвальду, Молотов вызвал меня в свой кремлевский кабинет и приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть пост, передав власть Готвальду, лидеру компартии Чехословакии... В противном случае мне предписывалось сказать ему, что мы найдем способ организовать утечку слухов об обстоятельствах его бегства из страны и оказанной ему финансовой помощи для этого, тайном соглашении о сотрудничестве чешской и советской разведки, подписанном в 1935 г. в Москве... Мы приехали в Прагу поездом в январе 1948 г. ... Наша бригада специального назначения — 400 человек переодетых в штатское — уже была в Праге. Эту группу скрытно переправили для поддержки и защиты Готвальда»¹⁶.

Известно, что в руководстве КПЧ уже осенью 1947 г. было разработано несколько вариантов решения вопроса о власти¹⁷. В их числе существовал и вариант, рассчитанный на организацию массовых выступлений социально слабых слоев, которые будут требовать углубления экономических преобразований — дальнейшей национализации промышленности и проведения новой аграрной реформы. На волне этого движения и предполагалось добиваться изменения соотношения сил в системе власти, не дожидаясь парламентских выборов. Этот вариант имел наибольшее число сторонников среди радикальной части коммунистического руководства. Его поддерживали А. Запотоцкий, В. Копецкий, Ю. Дюриш, лидеры словацких коммунистов.

Очевидно, что в условиях интенсивно развивавшегося в мире процесса складывания двух лагерей, двух противостоявших друг другу блоков, Москву, оказавшуюся в цейтноте, для достижения поставленных целей мог устроить этот наиболее быстрый, чем другие, вариант с опорой на выступления масс. Именно он и стал реализовываться в феврале 1948 г., когда Центральный Совет профсоюзов, контролировавший КПЧ, принял решение о созыве 22 февраля общегосударственного съезда заводских советов, который должен был выдвинуть требования национализации промышленных

предприятий. Конференция же председателей крестьянских комиссий также решила в эти дни собрать съезд крестьянских комиссий, где будет провозглашена необходимость новой аграрной реформы.

Приезд в Прагу 19 февраля 1948 г. заместителя министра иностранных дел В. А. Зорина свидетельствовал об обеспокоенности советского руководства перспективами вызываемого кризиса и о его стремлении жестко контролировать развитие событий в Чехословакии. К сожалению, тайной за семью печатями до сих пор остается корпус документов, связанных с пребыванием Зорина в Праге с 19 по 25 февраля. Согласно официальной версии МИД СССР, он якобы приехал для наблюдения за поставками зерна из СССР в Чехословакию. Секретными остаются и шифротелеграммы, которыми обменивались МИД и советское посольство в Праге в кризисные дни. Недоступность для исследователей документов российских архивов, касающихся визита Зорина в Прагу, не позволяет в настоящее время судить о том, к каким методам и аргументам прибегала советская сторона, добиваясь необходимого ей исхода политического кризиса.

О том, что в кризисные дни на руководство партий, противостоявших коммунистам, оказывался нажим, свидетельствует один из немногих доступных на сегодняшний день документов, относящихся непосредственно к этому времени. Речь идет, в частности, об отчете делегации Польской Социалистической партии, находившейся в Праге с 21 по 25 февраля 1948 г., которая принимала активное участие в переговорах между чехословацкими социал-демократами и коммунистами.

Формально ее приезд в Прагу был организован руководством ППС по просьбе ЦК Польской рабочей партии. Но то обстоятельство, что после возвращения делегации из Праги руководитель ППС Ю. Циранкевич направил в советское посольство в Варшаве обстоятельный отчет ее членов о встречах и итогах деятельности, позволяет предположить, что просьба ЦК ППР инициировалась Москвой. И так, 19 февраля 1948 г. на имя президента Польши Б. Берута из Праги поступила информация, что чешская социал-демократия в ходе развивающегося политического кризиса заключила с чешскими национальными социалистами соглашение о совместном выступлении по следующим ключевым вопросам: раскол профдвижения, совместная акция по вытеснению коммунистов из МВД и органов госбезопасности, недопущение новой более глубокой аграрной реформы и скорейшее проведение выборов в Национальное собрание. В информации в Варшаву говорилось: "На сей раз Лаушман

что-то молчит и не подчеркивает необходимость сохранения самостоятельной политики социал-демократов”¹⁸. 20 февраля лидер ППР В.Гомулка обратился в ЦИК ППС с просьбой срочно направить в Чехословакию делегацию деятелей социалистического движения и попытаться с их помощью добиться изменения позиции руководства чешской социал-демократической партии в отношении коммунистов. 21 февраля К.Русинек, А.Рапацкий, Г.Яблоньский и С.Арский прибыли в Прагу. Весьма показательно, что выяснение ситуации они начали со встреч и бесед с руководством КПЧ в лице Р.Сланского и Ю.Доланского, затем последовала встреча с З.Фирлингером, и лишь после этого делегация связалась с официальным руководством социал-демократической партии — Б.Лаушманом, Б.Вилимом и В.Бернардом. Им было предложено провести закрытое совместное совещание с анализом ситуации, сложившейся в стране. На том совещании, состоявшемся 22 февраля, польская делегация сосредоточила усилия на том, чтобы показать несостоятельность “игры в третью силу” и опасность “сидения верхом на баррикаде”. Как считали члены делегации, здесь им удалось “вбить клин между правыми и центром и перетянуть колеблющихся на сторону “левицы”. В последующие три дня делегация ППС пыталась воздействовать на ЦК чешской социал-демократической партии, чтобы, как потом отмечалось в отчете, “подавить правых и обеспечить принятие остальной партией предложений КПЧ... Мы прекрасно понимали, — подчеркивалось в документе, — что для преодоления сопротивления Бенеша необходимо, чтобы чешская социал-демократия под руководством Лаушмана шла рука об руку с КПЧ и К.Готвальдом”¹⁹. На протяжении всего пребывания в Праге польские социалисты поддерживали самые тесные контакты с ЦК КПЧ, информируя его о ситуации в руководстве социал-демократической партии. А если учесть, что К.Готвальд имел постоянную связь с В.А.Зориным, то совершенно очевидно, что советская сторона имела полную информацию о ходе переговоров польских социалистов с Лаушманом. Делегация выехала в Варшаву лишь после того, как К.Готвальд уведомил ее членов о том, что Э.Бенеш примет отставку министров и что будет сформировано новое правительство. Потом, резюмируя итоги своей поездки в Прагу, члены делегации сообщали, что им удалось нейтрализовать влияние французского социалиста Ги Молее, который за неделю до этого был в Праге и ориентировал социал-демократическую партию в духе действия “третьей силы”, и тем самым облегчить принятие большинством ЦК согласия на начало переговоров с Готвальдом.

Советское же посольство, информируя Москву о подписанном 25 февраля 1948 г. Лаушманом и Фирлингером воззвании к объединению и сотрудничеству всех членов социал-демократической партии и ни слова не говоря о действиях делегации ППС, отмечало, что “левое крыло социал-демократов слишком слабое, не способное вести за собой партийную массу”²⁰.

Очевидно, что согласие Лаушмана поддержать позицию КПЧ, достигнутое с помощью авторитетных в социалистическом движении польских политиков, явилось важным звеном в решении февральского кризиса в пользу КПЧ.

Итак, кризис разрешен. Какая информация поступает советскому руководству? На чем акцентируют внимание присутствующие в стране “советские наблюдатели”? Если в справке посольства, направленной в Москву, содержалось лишь обстоятельное хронологическое описание внешней стороны событий, то ОВП ЦК ВКП(б) располагал документами иного рода. Здесь следует обратить внимание на информационную записку ответственного секретаря Славянского комитета и бывшего сотрудника ОВП И.Н.Медведева. Он был очевидцем февральских событий в Чехословакии и, находясь в стране с 20 февраля по 11 марта 1948 г., имел тесные контакты с коммунистическими партийными функционерами разных уровней обеих частей республики.

Составленный Медведевым документ — это, по существу, критический анализ политики КПЧ. Главный тезис автора сводится к тому, что лидеры компартии “недооценивали силы народов Чехословакии” и только события февраля 1948 г. убедили их в исключительно важной роли политических акций. Именно эти события доказали лидерам КПЧ тот факт, что “только последовательная, бескомпромиссная политика борьбы против внутренней реакции, .. только настойчивость и решительность КПЧ могут обеспечить действительное упрочение позиций народной демократии”²¹.

Февральская победа, по мнению И.Н.Медведева, породила среди коммунистов благодушие, зазнайство, “некритическое отношение в деле реальной оценки политических сдвигов в стране”. Недоверие и опасение у Медведева вызывали, в частности, установки руководства КПЧ на массовый прием в партию, что открывало, по его мнению, возможности проникновения в ряды партии “многих сомнительных элементов”. Ссылаясь на беседы с Р.Сланским и М.Швермовой, автор документа писал, что “руководители КПЧ решительно стоят на точке зрения безусловной необходимости массового притока людей в партию до момента их использования на выборах и предполагают после выборов провести чистку партии”²².

В документе содержалась также критика руководства КПЧ (в частности, Р.Сланского, М.Швермовой, В.Копецкого, Б.Геминдера) за нерешительность в проведении аграрных реформ, отмечалась склонность к компромиссам, которая была свойственна политике коммунистов и ранее.

Весьма жесткая негативная оценка была дана позиции интеллигенции в стране: “Идеологическое состояние широких кругов интеллигенции (особенно на периферии) по меньшей мере отрицательно сказывалось на ходе политической борьбы, ибо в кругах значительной части интеллигенции до сих пор наблюдается непонимание внутренних событий и поразительный идеологический разброд, особенно в вопросах оценки подрывной деятельности правых партий и их лидеров”²³.

Отсюда в качестве главной задачи, по мнению автора, вытекала необходимость идейно-политического воспитания “широких кругов народа” в духе программы и задач обновленного Национального фронта. Но при этом отмечалось, что партия еще не достигла необходимого подъема и разворота в идеологической работе.

Появление столь критического документа отнюдь не было случайностью. Автор выполнял четко определенный заказ Отдела внешней политики ЦК ВКП(б). Подготовленная на основе критического анализа февральских событий 1948 г. в Чехословакии информационная записка И.Н.Медведева стала, по сути дела, основой для весьма важного документа, родившегося в апреле 1948 г. в недрах ОВП ЦК ВКП(б). Это была записка под названием “О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии”²⁴. На первом месте в этой записке среди инкриминированных ЦК КПЧ ошибок ставилась ориентация на мирный путь к социализму. Разбору этой проблемы был посвящен специальный раздел “Антимарксистские установки о мирном пути развития Чехословакии к социализму”, где прямо указывалось: “В своей практике лидеры КПЧ до последнего времени ошибочно полагали, что “коалиционное сотрудничество” с буржуазными партиями в рамках программы Национального фронта позволит избежать классовой борьбы”²⁵. Названный документ, наряду с аналогичными материалами по Венгрии, Польше и Югославии, свидетельствовал, что в ОВП ЦК ВКП(б) развернулась интенсивная работа по обоснованию необходимости перемен в руководстве компартий Восточной Европы и вывода на политическую авансцену тех лидеров, которые готовы были безоговорочно признать единственно возможной советскую модель развития общества и форсировать прямой переход к ней.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достаточно вспомнить беседу И.В. Сталина с Б.Берутом и Э.Осубка-Моравским 24 мая 1946 г., где Сталин, разбирая сущность режима в Польше, говорил: "Демократия, которая установилась у Вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, это демократия, которая приближает Вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя". (См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. I. 1944—1948 гг. — М., Новосибирск: 1997, с. 457, 458).
- ² Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Начало создания соц. лагеря // СССР и холодная война. М., 1995, с. 76—98; Wolokitina T., Murashko G., Noskova A. Das Zenralkomitee der WKP(b) und das Ende der "nationalen Wege zum Socialismus" // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Br., 1994.
- ³ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? М., 1993, с. 128.
- ⁴ В письме Жданова от 2 июня 1947 г., в частности, говорилось: "... ЦК ВКП(б) озабочен последними политическими событиями во Франции, в результате которых коммунисты оказались за бортом правительства... Многие думают, что французские коммунисты согласовали свои действия с ЦК ВКП(б). Вы сами знаете, что это неверно, что для ЦК ВКП(б) предпринятые Вами шаги являются полной неожиданностью..." (Восточная Европа в документах... С. 633).
- ⁵ Копия этого письма была отправлена по утвержденному ЦК ВКП(б) списку И.Тито, Г.Димитрову, Г.Георгиу-Деж, К.Готвальду и М.Ракоши. В.Гомулка был ознакомлен с текстом письма во время своего пребывания в Москве. (Восточная Европа в документах... С. 632).
- ⁶ Восточная Европа в документах... С. 649—653.
- ⁷ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 128, д. 1083, л. 223.
- ⁸ Там же, л. 196.
- ⁹ Там же, ф. 82, оп. 2, д. 1357, л. 229.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ), ф. 0138, оп. 29а, п. 171, д. 3, л. 61.
- ¹² Там же, оп. 29, п. 146, д. 4, л. 6.
- ¹³ Там же, оп. 29а, п. 171, д. 3, л. 5, 6.
- ¹⁴ Там же, оп. 29, п. 146, д. 4, л. 6.
- ¹⁵ Восточная Европа в документах... С. 761.
- ¹⁶ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996, с. 277—279.
- ¹⁷ Kaplan K. Pět kapitol o únoru. Brno, 1997, s. 194—206.
- ¹⁸ Archiv Act Nowych. Zespół act KC. Sygn. 2961, 36/VII, l. 81—83.
- ¹⁹ АВП РФ, ф. 0122, оп. 3, п. 214, д. 5, л. 53.
- ²⁰ Там же, ф. 021, оп. 2, п. 26, д. 397, л. 35.
- ²¹ Восточная Европа в документах... С. 808—810.
- ²² Там же, с. 809, 810.
- ²³ Там же, с. 808.
- ²⁴ Там же, с. 832—858.
- ²⁵ Там же, с. 833.

И.Штёвичек (Чехия)**ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ “ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ
1939—1945 гг.” (Информация о проекте)**

В 1995 г. сотрудники Государственного центрального архива в Праге И.Штёвичек и Г.Новачкова совместно с сотрудниками Института истории АН ЧР д-ром М.Тейхманом и д-ром Я.Немечком приступили к масштабному исследованию на тему “Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939 – 1945 гг.” Результатом работы станет двухтомное издание документов, получившее поддержку Агентства по грантам ЧР на 1998 – 1999 гг.

Систематическое изучение материалов, проводившееся во всех центральных архивах ЧР в 1995 – 1996 гг., в целом завершено. Впервые удалось использовать для исследования этой темы архивные фонды, ранее закрытые для широкой общественности и ставшие доступными лишь после 1989 г. Исследование затруднялось состоянием некоторых из этих архивных фондов, которые не были, а многие остаются и до сих пор не обработаны архивистами, по-настоящему не приведены в порядок и не имеют архивной атрибутики. В результате приходилось изучать большие массивы документации, не зная, что в них содержится.

Работа проводилась в следующих архивах:

1. Архив Института Т.Г.Масарика в Праге – фонды: Э.Бенеш – Лондон: ф.40 (Рукописный архив Э.Бенеша); ф.38 (Научно-исследовательский институт МВД); ф. 38 (В.Клецанда); ф. Я.Смутны.
2. Государственный центральный архив – фонды: ф.1 (Г.Рипка); Президиум совета министров – Лондон; Государственный совет – Лондон; Министерство внутренних дел – Лондон; Чехословацкий национальный комитет в Париже; ф. 6 (Л. Фейерабэнд); ф. 100 (К. Готвальд); ф. 520 (различные частные фонды) и др.
3. Архив Министерства иностранных дел – фонды: Лондонский архив; Полученные телеграммы; Отправленные телеграммы.
4. Архив Национального музея – фонды: Э.Бенеш, З.Фирлингер.
5. Военно-исторический архив – фонды: Чехословацкая военная миссия в СССР; Министерство национальной обороны – Лондон; Военная канцелярия президента республики – Лондон;

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 97 – 01 – 00251).

ф. 20 (НИИ МВД); ф. 22 (НИИ МВД); ф. 37 (НИИ МВД) — МНО — Информационный отдел.

6. Архив Канцелярии президента республики — фонды: Канцелярия президента республики — Лондон; Я. Смутны.
7. Архив Министерства внутренних дел.

За два года работы было выявлено и зарегистрировано почти 4000 документов, включая дубликаты, копии и варианты документации, хранящиеся в различных фондах и архивах. Были сделаны копии около 1500 документов, послуживших затем основой для дальнейшей работы.

Исследование было нацелено прежде всего на документы дипломатического характера — записи бесед о дипломатических переговорах ведущих чехословацких государственных деятелей и политиков — Э.Бенеша, Я.Масарика, Г.Рипки и др. — с представителями СССР — И.В.Сталиным, В.М.Молотовым, И.М.Майским, А.Е.Богомоловым, В.З.Лебедевым, И.Чичаевым и др., а также на записи бесед с представителями великих держав — США и Великобритании — Ф.Д.Рузвельтом, У.Черчиллем, А.Иденом и др. Особое внимание было уделено важнейшим по значимости переговорам, которые вел Э.Бенеш в США в мае-июне 1943 г. и в Москве — в декабре 1943 г. и в марте 1945 г.

Были также изучены телеграфные сообщения З.Фирлингера, в которых содержится информация о беседах с советскими представителями, инструкции, которые он получал из Лондона от Э.Бенеша, Я.Масарика и Г.Рипки.

Дипломатическая переписка (ноты, письма) обнаруживались в фондах лишь изредка, ее полный свод не был обнаружен и, видимо, не сохранился.

В фондах Президиума совета министров (Лондон), Государственного совета (Лондон) и Чехословацкого национального комитета (Париж) изучались документы, отражающие ход переговоров об общих направлениях внешней политики ЧСР и об отношении к СССР. Так был найден и подробный протокол заседания правительства от 11.01.1944 г., на котором Э.Бенеш сделал сообщение о переговорах в Москве; документ опубликован в журнале "Современная история" (1996, № 2, 3).

Собранные материалы весьма разнообразны по содержанию и тематике. При изучении и выборе документов основное внимание было направлено на наиболее существенные вопросы взаимоотношений между нашими государствами. Так, в материалах 1939 г. представлена ситуация поле 15 марта, положение чехословацкого посольства в

Москве, контакты с И.М.Майским в Лондоне, а также изменение позиции советского правительства после заключения советско-германского пакта о ненападении, признания Словацкого государства и завершения миссии З.Фирлингера. Кроме того, отражены полуофициальные контакты в 1940–1941 гг., установление сотрудничества в сфере информации, восстановление дипломатических отношений в 1941 г., позиция СССР в отношении Мюнхенского соглашения, границ ЧСР, чехословацко-польской конфедерации, Закарпатской Украины, переселения немцев, сложный комплекс проблем вокруг заключения чехословацко-советского договора 1943 г. и отношения к нему Великобритании и США. Проблематика чехословацких воинских частей и их финансирование, равно как тема Словацкого национального восстания (уже в полной мере документированы в издании В.Пречана) будут представлены в данной книге в общих чертах, то есть лишь с точки зрения дипломатических шагов. При подготовке труда уделялось внимание и материалам о переговорах по проблемам экономики, послевоенного устройства ЧСР и др. В документах отражается и вопрос о сфере влияния СССР в Центральной Европе, поднимавшийся в дипломатических кругах Лондона уже с января 1942 г., после визита Идена в Москву в декабре 1941 г. В документах зафиксированы и факты давления советской дипломатии на чехословацкую внешнюю политику (например, тактические шаги при подписании договора в декабре 1943 г., во время переговоров о чехословацко-польской конфедерации, при признании Люблинского польского правительства и проч.).

Авторы труда стремились представить чехословацко-советские отношения в широком контексте международной политики. Поэтому здесь отражены и переговоры чехословацких представителей с дипломатами, государственными и политическими деятелями западных держав, Польши и других стран.

На основе документов, выявленных в ходе исследования, авторами подготовлен макет издания, два тома которого содержат около 530 документов. Деление материалов по томам будет иметь чисто технический характер. Первый том, выход которого планируется на конец 1998 г., охватит период с марта 1939 г. по июнь 1943 г., во второй том будут включены документы с июля 1943 г. по март 1945 г. Материалы первого тома уже подготовлены и отредактированы; в настоящее время идет работа над комментариями и примечаниями, в которые предполагается включить и ряд неопубликованных материалов. Каждый том издания будет снабжен подробными резюме на английском языке, чтобы сделать труд более доступным для научной общественности за рубежом.

Большая часть документов, включенных в издание, была до сих пор мало известна или неизвестна вообще, и лишь отдельные материалы (75 документов из первого тома) были ранее опубликованы, да и то чаще всего фрагментарно, без указания на архив и проч. В труде не будут опубликованы документы договорного характера, уже известные и публиковавшиеся прежде.

Хотя подготавливаемое издание и призвано расширить документальную базу и прояснить целый ряд вопросов, наиболее полное освещение всей совокупности рассматриваемых проблем будет возможно лишь после комплексного изучения в условиях доступности документов иностранного происхождения, прежде всего, материалов советской дипломатии. Речь идет о документах, касающихся не только чехословацко-советских переговоров, но и переговоров представителей СССР с дипломатами и политиками Великобритании и США, когда обсуждались вопросы послевоенного устройства в Европе, сфер влияния великих держав, преследуемых ими целей, территориальных претензиях и проч.

Было бы необходимо проанализировать и сопоставить записи бесед чехословацкого и советского происхождения. По некоторым данным, они отличаются друг от друга по содержанию. Так, например, в издании "Документы внешней политики. 1939" (Т. XXII, кн. 2. М., 1992) была опубликована запись И.М.Майского о беседе с Э.Бенешем в сентябре 1939 г., в которой шла речь о Подкарпатской Руси. В этой записи Майский дает свое толкование высказываний Бенеша, весьма заметно отличающееся от записи беседы, сделанной самим Бенешем.

Разумеется, необходимо будет изучить также английские и американские источники. Кроме того, в США хранятся фонды некоторых крупнейших чехословацких политиков — Я.Смутного, Ф.Таборского, Ш.Осуского и др.

Таким образом, исследование, начатое еще в 1995 г. сотрудниками Государственного центрального архива и Института истории Академии наук Чешской Республики, имеет целью издание документов, затрагивающих разные стороны дипломатических переговоров в широком контексте международных отношений.

В готовящемся издании будет впервые опубликован целый ряд неизвестных до сих пор чехословацких документов. Для более полного освещения данной проблематики необходимо изучение и публикация документов из зарубежных архивов, прежде всего советских, а также английских и американских.

М.М.Наринский (Россия)

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ЧЕХОСЛОВАКИЯ И ПЛАН МАРШАЛЛА*

Ситуация в Европе весной 1947 г. была тревожной и нестабильной. В Восточной Европе складывалась система народных демократий, СССР устанавливал все более жесткий контроль над этой частью континента. В Западной Европе наблюдались симптомы возможного экономического кризиса, нарастала социальная напряженность. Миллионы людей оказались без работы, голодали и мерзли суровой зимой 1946/47 г. Ухудшение экономического положения порождало чувство безнадежности и отчаяния.

В мае заместитель государственного секретаря США Дин Ачесон публично заявил о необходимости срочной американской помощи объединению европейских государств, которые, по его словам, сами предпримут все меры для своего восстановления. "Это необходимо, если мы стремимся сохранить наши собственные свободы и наши собственные демократические институты. Этого требует наша национальная безопасность", — подчеркнул Ачесон¹. Толчком, ускорившим принятие решения, стал доклад заместителя государственного секретаря У.Клейтона, вернувшегося в конце мая из поездки по Европе. Американский дипломат нарисовал впечатляющую картину бедственного положения европейцев в условиях надвигающегося кризиса. Отмечая колоссальный платежный дефицит основных стран капиталистической Европы, он предостерегал: крушение Европы будет иметь драматические последствия для мира во всем мире, оно неминуемо и катастрофически отразится на американской экономике².

5 июня 1947 г. госсекретарь США Джордж Маршалл выступил в Гарвардском университете с программной речью, которая стала исходным пунктом осуществления комплекса экономических и политических мер, известных под названием "план Маршалла"³.

Основные цели плана сводились к следующему: стабилизация социально-политической ситуации в Западной Европе, включение Западной Германии в западный блок и уменьшение советского влияния в Восточной Европе⁴. На совещании у госсекретаря США 28 мая было решено, что страны Восточной Европы смогут принять участие в программе восстановления Европы, только если они откажутся от ориентации их экономики почти исключительно на Советский Союз в пользу широкой европейской интеграции⁵. При этом предполагалось использовать сырьевые ресурсы Восточной Европы для

восстановления западной части континента. Фактически план был представлен таким образом, что участие в нем Советского Союза и стран Восточной Европы выглядело весьма проблематичным.

Заместитель государственного секретаря США У. Клейтон 18 июня отметил в ходе пресс-конференции, что СССР не входит в категорию стран, страдающих от долларového дефицита. Он подчеркнул, что до войны Россия, наоборот, экспортировала продовольствие, ткани, уголь, горючее. По мнению Клейтона, «СССР должен был внести свой вклад в реконструкцию европейской экономики, в особенности стран, расположенных непосредственно к западу от его границ»⁶.

Скептицизм в отношении участия СССР в плане Маршалла существовал и в правящих кругах Великобритании. По сообщению французского агента, личный секретарь Э. Бевина г-н Диксон выражал сомнения в том, согласится ли Советский Союз на полную и откровенную публикацию данных о своей экономике; позволит ли СССР комиссиям зарубежных экспертов изучать на месте условия реализации плана Маршалла. Общий вывод был пессимистическим: «...либо отказ СССР участвовать в реализации плана Маршалла; либо согласие в принципе, которое впоследствии натолкнется на серьезные трудности по вышеуказанным причинам...»⁷

Тем не менее министры иностранных дел Великобритании и Франции Э. Бевин и Ж. Бидо согласились сыграть основную роль в обсуждении инициативы Маршалла с Советским Союзом. Они предложили созвать 27 июня 1947 г. в Париже совещание министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР для консультаций по плану Маршалла. Жорж Бидо отмечал в телеграмме, отправленной 14 июня в посольство Франции в Лондоне: «Вместе с тем важно не создавать ощущения, что мы сговариваемся исключительно с Западом относительно предложения, которое сделано нам господином Маршаллом»⁸. При этом Бидо и Бевин в публичных заявлениях выражали заинтересованность в привлечении СССР к осуществлению плана Маршалла, но в то же время каждый из них заверял американского посла в Париже Дж. Кэффери, что надеется на отказ Советов сотрудничать⁹.

В Москве первоначально восприняли предложение Маршалла с интересом, увидев в нем возможность получения американских кредитов для послевоенного восстановления Европы. Министр иностранных дел СССР В.М. Молотов дал указание серьезно готовиться к обсуждению плана Маршалла. 21 июня 1947 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило положительный ответ советского правительства

на предложения британского и французского правительств провести совещание министров иностранных дел трех держав в Париже¹⁰.

Серьезность советских намерений подтверждает и телеграмма, направленная 22 июня 1947 г. советским послам в Прагу, Варшаву и Белград. Послы должны были передать руководству этих стран следующее: “Мы считаем желательным, чтобы дружественные союзные страны, со своей стороны, проявили соответствующую инициативу по обеспечению своего участия в разработке указанных экономических мероприятий и заявили свои претензии, имея в виду, что некоторые европейские страны (Голландия, Бельгия) уже выступили с такими пожеланиями”¹¹.

В связи с советским запросом чехословацкое правительство на своем 93-м заседании 24 июня занялось выработкой позиции в отношении к американскому плану. Доклад представил коммунист В.Клементис, госсекретарь министерства иностранных дел. Он проинформировал правительство о том, что советское руководство “считает желательным, чтобы Чехословакия подготовилась и выступила с инициативной концепцией помощи, подобно голландскому и бельгийскому правительствам”. Поэтому он предложил создать межминистерскую комиссию для подготовки списка чехословацких пожеланий. Что касается самих пожеланий, то, по его мнению, было бы достаточно принципиального заявления о том, что кредитная политика США не должна носить дискриминационный характер. При этом премьер-министр К.Готвальд добавил, что “иначе нам ничего не надо и мы ничего не хотим. Преимущество в том, что нам уже до некоторой степени известна позиция Советского Союза”. В заключение секретной части заседания была принята резолюция, в которой принимался к сведению доклад Клементиса и “учреждалась комиссия в составе министров финансов, внешней торговли, здравоохранения и транспорта, заместителя премьер-министра З.Фирлингера и госсекретаря министерства иностранных дел, имеющая задачей наблюдать за дальнейшим развитием событий и быстро подготовить в сотрудничестве с министром иностранных дел все материалы и соответствующие предложения, чтобы Чехословакия в случае необходимости была в состоянии в подходящее время принять основанную на фактах точку зрения по всем вопросам относительно этого предложения и его возможной реализации”¹².

Тем временем в советских официальных кругах зазвучали голоса недоверия и предостережения. Так, академик Е.С.Варга в докладной записке В.М.Молотову от 24 июня утверждал: “Решающее значение при выдвижении плана Маршалла имело эконо-

мическое положение США. План Маршалла должен был в первую очередь явиться оружием смягчения очередного экономического кризиса, приближение которого уже никто в США не отрицает". Варга доказывал, что в основе плана Маршалла лежали экономические расчеты правящих кругов США: "Американская финансовая олигархия и американские политики ищут средства для смягчения предстоящего экономического кризиса. Таким средством является продажа излишних (в условиях капитализма) товаров за границей, не покупая одновременно на соответствующие суммы товаров из-за границы. Таким образом, США в собственных интересах должны дать гораздо больше кредитов, чем они давали до сих пор, чтобы освободиться от лишних товаров внутри страны, даже если заранее известно, что часть этих кредитов никогда не будет оплаченной".

Исходя из рассуждений о грядущем экономическом кризисе в США, Варга делал вывод: "Смысл плана Маршалла на этом фоне следующий. Если уж в интересах самих США нужно отдать за границу американские товары на много миллиардов долларов в кредит ненадежным должникам, то нужно постараться извлечь из этого максимальные политические выгоды"¹³.

Записка Варги была направлена Молотовым членам политбюро: Сталину, Берии, Жданову, Микояну, Маленкову, Вознесенскому, а также заместителям министра Вышинскому и Малику. Думается, что она сыграла свою роль в определении позиции Советского Союза в отношении плана Маршалла. Уверенность в приближении глубокого экономического кризиса на Западе позволяла советскому руководству рассчитывать на скорое изменение всей международной ситуации в пользу СССР.

Резко негативно оценивал план Маршалла и посол СССР в США Н.В.Новиков, который подчеркивал политический аспект американской инициативы. В телеграмме Молотову от 24 июня Новиков утверждал: "При этом основные цели внешней политики США, составляющие существо "доктрины Трумэна", — приостановка демократизации стран Европы, стимулирование противостоящих Советскому Союзу сил и создание условий для закрепления позиций американского капитала в Европе и Азии — остаются без существенных изменений. Внимательный анализ "плана Маршалла" показывает, что в конечном итоге он сводится к созданию западноевропейского блока как орудия американской политики... Таким образом, "план Маршалла" вместо прежних разрозненных действий, направленных к экономическому и политическому подчинению европейских стран

американскому капиталу и созданию антисоветских группировок предусматривает более обширную акцию, имея в виду решить проблему более эффективным способом"¹⁴.

Советское руководство всячески противодействовало усилению экономического и политического влияния США в Европе, созданию западного блока. Москва решительно отвергала любые формы международного контроля в отношении экономики СССР и стран Восточной Европы. Вместе с тем Советский Союз был заинтересован в американских кредитах для послевоенной реконструкции. Бывший сотрудник секретариата Молотова посол В.И.Ерофеев так охарактеризовал позицию советского руководства: "Надо было согласиться на это предложение и попробовать, если не совсем устранить, то максимально сократить все отрицательные черты, добиться, чтобы они не навязывали нам каких-то условий. Короче говоря, что-то вроде ленд-лиза. Молотов был как раз сторонником такого подхода"¹⁵.

Однако для американской стороны подобный вариант был совершенно неприемлемым. У.Клейтон во время переговоров с британскими руководителями 25 июня 1947 г. решительно возражал против любого упоминания самого термина "ленд-лиз" в подготовленном меморандуме¹⁶.

Отношение советского руководства к плану Маршалла было изложено в директивах советской делегации на встрече министров иностранных дел трех держав в Париже¹⁷.

На первый план выдвигалась задача получения информации "о характере и условиях предполагаемой экономической помощи Европе. В частности, советская делегация должна выяснить следующие вопросы: каковы формы, возможные размеры и условия, на которых эта помощь будет предоставлена". В случае отказа британского и французского министров предоставить советской делегации удовлетворительную информацию, директивы предусматривали "предложить совещанию министров запросить правительство США, в какой мере европейские страны могут рассчитывать на экономическую помощь США и об условиях американского кредита (размеры, длительность, процент и др.)..."

Советской делегации предписывалось исходить из того, что "вопрос об американской экономической помощи европейским странам должен рассматриваться не с точки зрения составления экономической программы для европейских стран, а с точки зрения выявления их экономических потребностей в американской помощи (кредиты, поставки товаров) путем составления заявок самими европейскими странами. При этом делегация не должна допустить, чтобы совеща-

ние министров сбивалось на путь выявления и проверки ресурсов европейских стран, отводя такую постановку вопроса тем, что задачей совещания является выяснение заявок европейских стран и возможностей их удовлетворения со стороны США, а не составление экономических планов для европейских стран". В директиве специально подчеркивалось: "При обсуждении любых конкретных предложений, касающихся американской помощи Европе, советская делегация должна возражать против таких условий помощи, которые могли бы повлечь за собой ущемление суверенитета европейских стран или нарушение их экономической самостоятельности".

Советская делегация последовательно руководствовалась этими директивами. Их сущность делала невозможным принятие советской стороной западных предложений о согласовании усилий европейских стран по восстановлению экономики Старого Света. Советское руководство полностью исключало выявление и проверку ресурсов европейских стран, составление ими какой-то общей программы стабилизации европейской экономики. Москва стремилась трактовать предложение Маршалла как возможность получения американских кредитов для послевоенной реконструкции. Советские предложения ограничиться выявлением потребностей европейских стран в американской помощи и направить эти согласованные заявки в виде запроса США были неприемлемыми для Запада. Парижское совещание подтвердило, что согласовать эти взаимоисключающие позиции не представлялось возможным.

В сообщениях из Парижа в Москву В.М.Молотов подчеркивал наличие принципиальной разницы между предложениями СССР и западных держав. В телеграмме, отправленной 29 июня, после второго заседания министров иностранных дел трех держав, он писал: "... Бидо, прикинувшись простачком, сказал, что ему неясно, есть ли какая-либо принципиальная разница между советским и французским проектом. Я на это ответил, что такая разница есть и заключается она в том, что советский проект ограничивает задачи совещания и комитетов, которые могут быть созданы, только обсуждением вопросов, непосредственно связанных с американской экономической помощью Европе, тогда как французский проект предусматривает также составление экономических программ, охватывающих как вопросы, относящиеся к внутренней экономике европейских стран, так и вопросы, касающиеся экономических отношений между ними"¹⁸. Подобные сущностные расхождения оставляли мало шансов на достижение взаимоприемлемых договоренностей.

По донесениям информаторов западных разведывательных служб, советские представители на парижских переговорах были настроены весьма пессимистически. Так, агенты французской разведки на основании сведений, полученных от сотрудников советского посольства в Париже, утверждали: члены советской делегации смирились с тем, что они делают “массу никчемной работы” на конференции. “Они считают, что не будет никакого практического завершения совещания, но что оно явится интересной прелюдией к другой конференции, которая состоится уже в этом году, “когда созреют условия”. Эта другая конференция будет ни чем иным, как встречей Сталин — Трумэн... По мнению советских делегатов, Молотов прибыл с официальной инструкцией вести переговоры, но не брать никаких окончательных обязательств по существу. Отсутствие США представляет серьезное преимущество для СССР, которым он хочет воспользоваться, чтобы разоблачить политическую подоплеку предложения Маршалла: создание европейского блока под руководством англо-французского альянса.

Но в Москве не хотят быть одураченными “дипломатическими иллюзиями”, которые представляли бы веру в конкретное желание американцев помочь СССР и странам Центральной Европы на тех же основаниях, что Англии, Франции и Западной Европе. Делегаты считают, что даже если СССР подпишет приемлемое для него общее соглашение, то Вашингтон в течение нескольких месяцев найдет повод для дискриминационного разделения стран, которым предполагается оказывать помощь, и исключения из их числа Советов и славянских стран”¹⁹.

В целом французская разведка довольно верно передавала настроения скептицизма и недоверия советских представителей в Париже.

Со своей стороны, советские разведывательные службы получили информацию о намерениях и акциях западных организаторов плана Маршалла. По указанию И.В.Сталина рано утром 30 июня заместитель министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинский шифрованной телеграммой сообщил В.М.Молотову сведения, поступившие по линии советской разведки. Ссылаясь на источники информации в Лондоне, министру телеграфировали, что в результате встреч У.Клейтона с британскими министрами были достигнуты следующие договоренности:

“а) Англия и США согласились, что план Маршалла должен рассматриваться как план реконструкции Европы, а не помощь Европе ...

б) Англия и США согласились, что реконструкция Европы может быть осуществлена посредством создания серии функциональных комитетов по углю, стали, транспорту, сельскому хозяйству и продовольствию, во главе с одним главным комитетом ...

в) Всякая организация, созданная для реализации плана Маршалла, должна находиться вне ООН. Это объясняется тем, что Германия не является членом Объединенных Наций.

г) Англия и США считают, что Германия все еще является ключом к европейской экономике. Поэтому она фактически является одной из основ любого плана восстановления континента.

д) ... Англия и Америка будут сопротивляться выплате Советскому Союзу репараций из текущей продукции”²⁰.

В рассматриваемый период советское руководство имело хорошие источники информации в Лондоне. Основные результаты бесед Клейтона с британскими руководителями были изложены верно. Фактически во время визита Клейтона в Лондон была достигнута договоренность об осуществлении плана Маршалла применительно только к Западной Европе, без Советского Союза. В британском меморандуме, суммировавшем результаты англо-американских переговоров, отмечалось, что “администрация США была бы удовлетворена, если бы осуществление плана началось со стран Западной Европы в качестве некоего ядра”²¹. Правда, при этом американские и британские руководители выражали надежду, что даже если Советский Союз откажется от участия в плане Маршалла, то страны Восточной Европы не последуют его примеру – делался расчет на отрыв этих стран от СССР²².

Что касается Германии, то ей действительно отводилось важное место в осуществлении плана Маршалла. В беседе 9 июля с Бидо Клейтон, отвечая на тревожные вопросы французского министра, признал, что “Германии не должно принадлежать первое место в реконструкции Европы. Тем не менее остается фактом, что добыча рурского угля является основным элементом европейской реконструкции. Не надо надеяться на получение репараций из текущей продукции”²³.

В свете полученной из Москвы информации переговоры Молотова в Париже выглядели бесперспективными и двусмысленными. Получалось, что американские и британские руководители уже все предприняли, а Парижское совещание лишь прикрывает их двойную игру.

Следует учитывать и то, как болезненно Москва относилась к любым попыткам оттеснить Советский Союз при решении германского вопроса, ущемить его права державы-победительницы, особенно в отношении репараций. Не случайно, в директивах советс-

кой делегации четко предписывалось “возражать против рассмотрения на совещании министров вопроса об использовании экономических ресурсов Германии для нужд европейских стран и против обсуждения вопроса об экономической помощи Германии со стороны США”²⁴. Поэтому, выступая на заседании 30 июня, Молотов подчеркнул, что в задачу совещания “не входит составление всеобъемлющей программы для европейских стран”, а “вопрос о Германии подлежит рассмотрению четырех держав: Великобритании, Франции, СССР, США”²⁵.

Это заседание подтвердило невозможность достижения согласованных позитивных решений. Оценивая ход работы совещания, Молотов телеграфировал Сталину: “Ввиду того, что наша позиция в корне отличается от англо-французской позиции, мы не рассчитываем на возможность какого-либо совместного решения по существу данного вопроса. Считаю, что англичане и французы заангажированы перед американцами, по согласованию с которыми они требуют выработки общеевропейской экономической программы, дающей возможность вмешиваться во внутренние дела европейских стран, а также в экономические отношения между ними”²⁶.

2 июля Парижское совещание министров иностранных дел трех держав завершилось отказом делегации СССР участвовать в осуществлении плана Маршалла. Думается, что тактически это был проигрышный дипломатический ход. В сентябре 1947 г. Ж.Бидо в беседе с Дж.Бирнсом так оценил действия Молотова: “Признаюсь, я никогда не мог понять причины его поведения. Либо он получил бы часть выгоды, либо, если бы все предприятие провалилось, то он все равно выигрывал бы от того, что никто ничего не получил. Оставаясь с нами, он ничего бы не потерял в любом случае, но он избрал единственный способ действий, при котором он совершенно определенно проигрывал”²⁷.

Тем не менее в действиях советского руководства имелась своя логика. Жесткая неконструктивная позиция советской делегации в Париже объяснялась главным образом стремлением не позволить Западу, и в первую очередь США, получить возможности воздействовать на ситуацию в странах Восточной Европы — советской сфере влияния.

Подход к межгосударственным отношениям, как к игре с нулевой суммой, требовал сделать все возможное, чтобы не позволить США реализовать их замыслы и усилить влияние в Европе. Молотов в телеграмме Сталину в ночь с 30 июня на 1 июля так суммировал впечатления от парижского совещания: “Как Англия, так и

Франция находится в весьма затруднительном положении и не имеют в своих руках серьезных средств для преодоления своих экономических затруднений. Единственная их надежда на Соединенные Штаты, которые требуют от Англии и Франции создания какого-либо общеевропейского органа для облегчения вмешательства Соединенных Штатов как в экономические, так и в политические дела европейских стран. На использование этого органа в своих интересах рассчитывает также Великобритания и, отчасти, Франция”²⁸. На следующий день Молотов добавил еще одно общее замечание: “По ходу данного Совещания можно считать установленным, что Франция целиком вошла в англо-французский фарватер и уже не претендует на ту небольшую самостоятельность по отдельным вопросам, как это было на прежнем Совещании”²⁹.

Уже в день окончания совещания Э.Бевин и Ж.Бидо опубликовали совместное заявление: от имени правительств Великобритании и Франции они пригласили все европейские государства, временно исключая франкистскую Испанию, принять участие в Европейской экономической конференции. Предполагалось создать специальную организацию для составления в кратчайшие сроки согласованной программы европейской реконструкции, которая отразила бы ресурсы и потребности каждого государства. 4 июля официальные приглашения были направлены правительствам 22 стран Европы. Конференцию предлагалось открыть 12 июля 1947 г. в Париже.

СССР отказался участвовать в конференции и повел линию на ее срыв. Утром 5 июля советские послы в столицах ряда европейских государств получили из Москвы указание посетить министров иностранных дел соответствующих стран и сделать им заявление, в котором давалась негативная оценка предложения Маршалла. В связи с идеей создания руководящего комитета, который составил бы экономическую программу для европейских стран, в тексте заявления подчеркивалось: “Делегация СССР усмотрела в этих претензиях желание вмешаться во внутренние дела европейских государств, навязать им свою программу, затруднить им сбывать свои излишки туда, куда они хотят, и, таким образом, поставить экономику этих стран в зависимость от интересов США. Понятно, что делегация СССР не могла согласиться с этим. Делегация СССР считает, что прежде всего следовало выяснить реальность кредита, его условия и размеры, потом запросить европейские страны об их потребностях в кредите и, наконец, составить сводную программу из заявок, которые следовало бы, по возможности, удовлетворить за

счет кредитов США. При этом европейские страны оставались бы хозяевами своей экономики и могли бы свободно распоряжаться своими ресурсами и их излишками”³⁰.

Советская линия на противодействие реализации плана Маршалла была ясной и последовательной. Другое дело — вопрос о тактике. Как лучше саботировать англо-французскую инициативу? Советский Союз отказался участвовать в намеченной на 12 июля конференции. Должны ли были союзники СССР последовать его примеру?

5 июля советскому поверенному в делах в Праге М.Ф.Бодрову была направлена для передачи лично К.Готвальду телеграмма следующего содержания: “Вы, должно быть, уже получили нашу информацию о Парижском совещании трех министров. Из этой информации Вам не трудно будет установить позицию Советского правительства. 12 июля англо-французы приглашают на совещание представителей европейских государств для обсуждения, видимо, тех же вопросов, которые рассматривались на Парижском совещании. На этот раз Советское правительство не будет участвовать в совещании. Некоторые дружественные Советскому Союзу страны, видимо, думают отказаться от участия в этом совещании... Мы думаем, что лучше было бы не отказываться от участия в этом совещании, а послать туда свою делегацию с тем, чтобы на самом совещании показать неприемлемость англо-французского плана, не допустить единогласного принятия этого плана и потом уйти с совещания, уведя с собой возможно больше делегатов других стран”³¹. Телеграммы аналогичного содержания были отправлены Б.Беруту (Польша), Г.Георгиу-Дежу (Румыния), Г.Димитрову (Болгария), М.Ракоши (Венгрия), И.Б.Тито (Югославия), Э.Ходже (Албания) и лидеру коммунистов Финляндии Х. Куусинен.

Глава болгарского правительства Г.Димитров также высказался именно за то решение, которое было принято в Москве — странам Восточной Европы участвовать в Парижской конференции и отстаивать на ней советскую концепцию реконструкции Европы. Во время приема у американского политического представителя в Софии 4 июля Г.Димитров в беседе с советским послом С.Кирсановым отметил, что “отказ от участия в конференции таких стран, как Болгария, дал бы основание для обвинения в отсутствии у них самостоятельности в политике”³².

Инициаторы плана Маршалла со своей стороны стремились привлечь к участию в нем страны Восточной Европы, в первую очередь Польшу и Чехословакию, в расчете ослабить их ориентацию на

Советский Союз. 3 июля французский посол в Вашингтоне А. Бонне телеграфировал в Париж: "В государственном департаменте горячо желают, чтобы Польша и Чехословакия согласились на приглашение британского и французского правительства, и насколько возможно будут побуждать их дать этому делу ход"³³.

Вечером 6 июля Молотов передал указания советским послам в Варшаве и Белграде сообщить Беруту и Тито о желательности неофициального приезда в Москву выделенных ими ответственных лиц, "чтобы сговориться по вопросу о Парижском совещании заранее и чтобы избежать излишних затруднений в ходе этого совещания"³⁴.

Однако уже через несколько часов в Москве дали отбой. В ночь с 6 на 7 июля советским послам в Белграде, Будапеште, Варшаве, Праге, Софии, Тиране, Хельсинки было направлено указание передать Готвальду, Беруту, Георгиу-Дежу, Димитрову, Ракоши, Тито, Ходже и Куусинен, что "ЦК ВКП(б) не советует давать ответ англичанам и французам до 10 июля, так как в некоторых странах друзья (то есть руководители компартий. — М.Н.) высказываются против участия в совещании 12 июля, поскольку СССР в совещании не будет участвовать"³⁵.

Однако директива Кремля К. Готвальду опоздала. 7 июля в Праге собрался расширенный президиум правительства для обсуждения вопросов, связанных с возможным участием Чехословакии в Парижской конференции. Большинство министров настаивало на принятии решения до отъезда чехословацкой делегации во главе с Готвальдом в Москву, намеченного на 8 июля. При этом заместитель премьера З. Фирлингер и министр иностранных дел Я. Масарик заверяли коллег по правительству, что Чехословакия не будет единственной славянской страной на Парижской конференции, что Польша также примет в ней участие. В конце заседания единогласно было принято коммюнике "об участии Чехословакии в мероприятиях, связанных с планом Маршалла"³⁶.

В тот же день, 7 июля, послам Великобритании и Франции в Праге были вручены дипломатические ноты, в которых сообщалось о принятии приглашения на Парижскую конференцию, посол во Франции И. Носек был назначен представителем Чехословакии на конференции. Позиция чехословацкого правительства сводилась к тому, что оно примет решение о дальнейших действиях после получения более детальной информации от своего представителя о существе предложений Маршалла, а также получения согласованной программы, разработанной для реализации американской экономической помощи.

Сталинское руководство колебалось. С одной стороны, хотелось не просто отказаться от участия в парижском совещании, но и сорвать его работу, устроить на совещании скандал, “хлопнуть дверь”. С другой — искушение получить американскую экономическую помощь могло оказаться слишком привлекательным для правительств некоторых стран Восточной Европы. Учитывая коалиционный характер правительств Чехословакии, Польши, Финляндии и отсутствие абсолютного контроля коммунистов над дипломатическими службами этих стран, Москве было бы затруднительно диктовать конкретные шаги их представителям на парижском совещании. Так, предполагалось, что Чехословакию на совещании будет представлять ее посол во Франции И.Носек. В связи с этим посол СССР в Париже А.Е.Богомолов обращал внимание советского руководства “на то обстоятельство, что посол Носек известен как консерватор во внутренней политике и сторонник западной ориентации во внешней политике”³⁷. К тому же участие стран народной демократии в парижском совещании весьма затруднило бы пропагандистскую кампанию западноевропейских компартий против плана Маршалла.

В итоге все эти опасения перевесили. В ночь с 7 на 8 июля советским послам было дано указание немедленно передать Беруту, Георгиу-Дежу, Готвальду, Димитрову, Ракоши, Тито, Ходже и Херте Куусинен следующую телеграмму ЦК ВКП(б):

“Полученные Советским правительством последние данные о характере парижского совещания от 12 июля выявили два новых обстоятельства. Во-первых, инициаторы совещания, англичане и французы не намерены внести какие-либо изменения в свои планы хозяйственного восстановления Европы без учета интересов суверенитета и экономической самостоятельности малых стран. Во-вторых, под видом выработки плана восстановления Европы инициаторы совещания хотят на деле создать западный блок с включением в него Западной Германии.

Ввиду этих обстоятельств ЦК ВКП(б) отменяет свою телеграмму от 5 июля и предлагает отказаться от участия в совещании, то есть не посылать делегаций на совещание.

Мотивы отказа каждая страна может представить по своему усмотрению”³⁸.

Реально мотивы решения, принятого в Москве, были изложены в записке А.Я.Вышинского. “Это диктуется уже тем, — писал он, — чтобы участием в этом совещании не создавать ему авторитета и таких условий, которые облегчили бы англо-франко-американские интриги среди участников совещания”³⁹.

Приняв решение о бойкоте парижского совещания, намеченного на 12 июля, Москва оказала жесткий нажим по этому вопросу на правительства дружественных государств.

Однако колебания Кремля 5–7 июля осложнили положение. Если правительства Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Югославии и Финляндии послушно выполнили директиву Москвы, то в Праге возникли затруднения. Когда М.Ф.Бодров явился 8 июля к главе правительства К.Готвальду и передал ему телеграмму ЦК ВКП(б), последний заявил, что изменить решение чехословацкого правительства об участии в Парижском совещании уже невозможно — “правительство нас (коммунистов) не поддержит”. С Готвальдом согласился В.Клементис, который сказал Бодрову, “что они ничего не смогут изменить теперь, ибо все уже сделано: англичанам и французам ответ дан, в печати опубликовано, Носеку в Париже дано указание о том, что ему поручается участвовать в совещании”⁴⁰.

В сложившейся ситуации визит правительственной делегации в Москву приобретал особое значение. Утром 9 июля делегация во главе с К.Готвальдом вылетела в Москву. По прибытии в официальную резиденцию для иностранных гостей Готвальд сказал членам делегации, что идет отдохнуть, а сам тайком отправился на беседу со Сталиным. Советский лидер ультимативно потребовал немедленно отменить решение правительства Чехословакии об участии в парижском совещании по плану Маршалла. Готвальд вынужден был дать согласие выполнить требование Сталина. Когда он часов через пять вернулся к своим коллегам по делегации, то сообщил им, что “он никогда не видел Сталина таким рассерженным и что у чехословацкого правительства нет другого выхода, кроме как возможно скорее пересмотреть принятое им решение”⁴¹.

Когда Сталин поздно вечером встретился со всей делегацией Чехословакии, он был настроен более благодушно. Он утверждал, что, по сведениям, полученным советским правительством, парижская конференция призвана стать частью осуществления более широкого западного плана по изоляции СССР. При этом Сталин особо подчеркнул ставку Запада на восстановление германской экономики, и в частности Рурского бассейна, призванного стать промышленной базой западного блока. Он вопрошал, как же Чехословакия может участвовать в акции, направленной на восстановление мощи ее самого грозного врага.

По словам членов чехословацкой делегации, Масарик пытался предложить компромисс: участие представителя Чехословакии в

первой части дискуссии и его последующий уход с конференции, но этот вариант был отвергнут советским лидером. Министр юстиции Дртина заметил, что 70% внешней торговли Чехословакии приходится на западные страны. Сталин ответил на это обещанием самой широкой экономической помощи со стороны СССР⁴².

Отметая все возражения чехословацких министров, Сталин заявил: “Участие в конференции выставит вас в ложном свете. Этот “прорыв фронта” означал бы успех западных держав. Швейцария и Швеция еще колеблются, а ваше участие определенно повлияло бы на их решение. Мы знаем, что вы наши друзья, у нас никто в этом не сомневается. Но своим участием в Париже вы были бы использованы в качестве инструмента против СССР. Этого ни Советский Союз, ни его правительство не допустили бы”⁴³.

10 июля утром вице-премьер коммунист В. Широкий и В. Клементис, ссылаясь на полученное из Москвы от Готвальда требование, уговорили президента Э. Бенеша согласиться на необходимость отказа Чехословакии от участия в обсуждении плана Маршалла. Бенеш нехотя согласился, отметив, что, по его мнению, СССР и Чехословакия делают большую ошибку.

В тот же день в 12 часов было созвано экстренное заседание правительства Чехословакии, продолжавшееся до 9 часов вечера. Давление Кремля и вынужденное решение президента Э. Бенеша сделали свое дело – члены правительства единогласно приняли решение об отказе страны участвовать в парижском совещании по плану Маршалла, ссылаясь на неучастие союзных с Чехословакией стран, включая СССР. Возвратившись 12 июля в Прагу, министр иностранных дел Ян Масарик заметил своим друзьям: “Я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский лакей”⁴⁴.

Советское восприятие плана Маршалла обуславливалось логикой разгоравшейся холодной войны. Сталинское руководство видело в США своего главного соперника на международной арене и всячески стремилось не допустить расширения американского влияния в Европе. В Москве весьма болезненно воспринимали любые попытки создания западного блока при американской гегемонии в этой коалиции.

Со своей стороны, инициаторы плана Маршалла с самого начала были настроены весьма скептически в отношении возможного участия СССР, рассматривая его скорее как потенциального донора, чем получателя американской помощи. 9 июля посол США в Париже Дж. Кэффери заметил советскому послу А. Е. Богомолу: “Жаль, что вы не участвуете, у вас хороший урожай, и вы могли бы

помочь Европе продовольствием, хотя бы в порядке ваших торговых отношений со странами Восточной Европы"⁴⁵.

Анализ советской позиции в отношении плана Маршалла позволяет сделать вывод, что приоритетным направлением во внешнеполитической стратегии Москвы было установление и упрочение советского контроля над странами Восточной Европы. Сталин считал советскую зону влияния важнейшим результатом тяжелейшей войны. Он не собирался идти ни на какие уступки Западу в этой части Европы: для тогдашнего советского руководства контроль над сферой влияния был важен по геополитическим, стратегическим и идеологическим соображениям. Инициаторам плана Маршалла не удалось вовлечь в его осуществление страны Восточной Европы помимо воли СССР и тем самым ослабить их ориентацию на Советский Союз.

Как ни парадоксально, но реализация плана Маршалла без участия СССР и даже при его противодействии в какой-то степени устраивала обе стороны: Советский Союз сохранил и утвердил свое влияние на страны Восточной Европы; США и их партнеры по плану Маршалла получили возможность для осуществления комплекса мер по стабилизации социально-политической ситуации в Западной Европе, а затем и для создания военно-политического западного союза.

Фактически организация плана Маршалла и резко негативная реакция советского руководства означали важнейший рубеж на пути раскола Европы на сферы влияния, а сама разделенная Европа стала частью биполярного мира, характерного для периода холодной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Documents on International Affairs, 1947—1948. London, New York. 1952, p.23.
- ² Цит. по: Jones J.M. The Fifteen Weeks (February 21 — June 5, 1947). New York, 1955, p.247.
- ³ Текст см.: Documents on International Affairs... P. 23—26.
- ⁴ См.: Leffler M.P. The United States and the Strategic Dimensions of the Marshall Plan // Diplomatic History, 1988, т.12, № 3, p.283.
- ⁵ Hogan M.J. One World into Two: American Economic Diplomacy from Bretton Woods to the Marshall Plan. Ohio, 1987, p.28.
- ⁶ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M.Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP 20.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1947. Vol. 3. P.260.
- ¹⁰ Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ), ф.3, оп.63, д.270, л.12.

- ¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ), ф. 6, оп. 9, п. 18, д. 214, л. 19.
- ¹² Цит. по: Кратки И. Кремлевский запрет: Чехословакия и “план Маршалла” / / У истоков “социалистического содружества”. СССР и восточноевропейские страны в 1944—1949 гг. М., 1995, с. 117, 118.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 6, Оп. 9. П. 18. Д. 213. Л. 2-4.
- ¹⁴ Цит. по: Тахненко Г. Анатомия одного политического решения. Документы / / Международная жизнь, 1992, № 5, с. 121.
- ¹⁵ Запись беседы автора с В.И.Ерофеевым 15 октября 1992 г.
- ¹⁶ FRUS. 1947, vol. 3, p. 273.
- ¹⁷ АВП РФ, ф. 6, оп. 9, п. 18, д. 214, л. 4—6.
- ¹⁸ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 270, л. 55.
- ¹⁹ Archives Nationales (Paris). Papiers privés de M. Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP 20.
- ²⁰ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 270, л. 59, 60.
- ²¹ FRUS. 1947, vol. 3, p. 286.
- ²² Ibid, p. 286.
- ²³ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP 20.
- ²⁴ АВП РФ, ф. 6, оп. 9, п. 18, д. 214, л. 6.
- ²⁵ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 270, л. 64, 65.
- ²⁶ Там же, л. 70, 71.
- ²⁷ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP 80.
- ²⁸ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 270, л. 71.
- ²⁹ Там же, л. 74.
- ³⁰ Там же, л. 93, 94. См. также: Тахненко Г. Анатомия одного политического решения... С. 124, 125.
- ³¹ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 270, л. 99, 100.
- ³² Там же, л. 118.
- ³³ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP 20.
- ³⁴ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 270, л. 135.
- ³⁵ Там же, л. 142.
- ³⁶ См.: Кратки К. Кремлевский запрет... С. 121.
- ³⁷ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 270, л. 201.
- ³⁸ Там же, л. 158.
- ³⁹ АВП РФ, ф. 6, оп. 9, п. 20, д. 245, л. 9.
- ⁴⁰ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 270, л. 183, 184.
- ⁴¹ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP 20.
- ⁴² Ibidem; Запись беседы И.В.Сталина с чехословацкой правительственной делегацией см.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. I. 1944—1948 гг. М., Новосибирск, 1997, с.672—675.
- ⁴³ Цит. по: Известия, 1992, 9 января.
- ⁴⁴ Цит. по: Bruce Lockhart R.H. Jan Masaryk. A Personal Memoir. New York, 1951, p. 66.
- ⁴⁵ АВП РФ, ф. 094, оп. 31, п. 190, д. 3, л. 65.

Л.Б.Милякова (Россия)

ПОИСК КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В результате того что Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа была освобождена советскими войсками, а Западная и Южная — англо-американскими войсками, различным оказалось и влияние внешнего фактора на внутреннее развитие каждой из стран региона. Чехословакия попала в советскую сферу влияния и вследствие этого оказалась в противоречивой ситуации. С одной стороны, учитывая опыт мюнхенской трагедии 1938 г., Чехословакия склонялась к военно-политическому союзу с СССР как гаранту безопасности страны, а с другой — экономически и особенно внешне-экономически, расширяя связи с Советским Союзом и восточноевропейскими странами, продолжала тяготеть к Западу. С учетом внешнеполитического фактора и нового соотношения сил в послевоенной Европе строили свои концепции поиска нового места Чехословакии в международном разделении труда все политические силы, представленные в образованном после войны коалиционном правительстве Национального фронта чехов и словаков, где ключевые позиции занимали коммунисты и левые социал-демократы.

В межвоенный период Чехословакия входила в десятку промышленно развитых стран мира по доле промышленности в национальном доходе и по уровню занятости населения в промышленном производстве. На ее территории, главным образом в чешских землях, концентрировались мощная горнодобывающая, машиностроительная и другие виды тяжелой и легкой отраслей промышленности. В целом экономика страны носила внешнеторговый характер. Это определилось еще в период распада Австро-Венгерской империи и образования Чехословацкой Республики, когда три четверти ее бывшего внутреннего рынка оказались за рубежами страны, а внутренний рынок самой республики стал слишком узким для ее огромной производственной базы. Вместе с тем сократилась и сырьевая база чехословацкой промышленности, что предопределило традиционные проблемы чехословацкой экономики на десятилетия вперед, а именно: разрыв между ограниченной сырьевой базой и узким внутренним рынком, с одной стороны, и значительным объемом промышленного производства страны — с другой¹.

Результатом явился тот факт, что в отдельные годы до войны Чехословакия вывозила до 35 — 40% национальной продукции, что

составляло почти половину промышленной продукции страны. В то же время острая потребность в сырье и полуфабрикатах вела к тому, что их доля в импорте страны была очень высока и составляла в отдельные годы 57,2% (1937г.). Ввозились железная руда высшего качества, фосфат, пирит, соли, цветные металлы, каучук, нефть, шерсть, тонковолокнистый хлопок. В импорте этого сырья до войны Чехословакия зависела от Германии, США, Великобритании, Франции и частично от соседних европейских стран — Румынии, Венгрии, Польши, Болгарии и Югославии. Большая часть этого сырья не имела качественных аналогов в СССР, или же Советский Союз не имел возможности предоставлять его в необходимых Чехословакии объемах².

В период войны экономика Чехословакии по сравнению с другими европейскими странами, на территории которых велись боевые действия, пострадала мало. Однако в соответствии с военными потребностями Германии произошли сильные изменения в структуре чехословацкой промышленности в сторону роста тяжелой индустрии за счет уменьшения удельного веса легкой промышленности. Сохранение в послевоенные годы данной тенденции, как это и произошло в действительности, означало бы для Чехословакии необходимость частичной переориентации своей внешней торговли и поиск новых рынков и источников сырья. После второй мировой войны перед правительством Национального Фронта чехов и словаков в качестве основных стояли задачи: с одной стороны, поддержание широких экономических связей страны, а с другой — нахождение места Чехословакии в новом международном разделении труда. Как отмечалось выше, решение этих задач осуществлялось всеми политическими силами, входившими в правительство, с учетом влияния внешнеполитического фактора на внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Обе тенденции, обусловленные вхождением Чехословакии в советскую сферу влияния и наличием традиционных связей страны, в первую очередь экономических, с Западом, пытался политически соединить, обосновать, а также нейтрализовать потенциальные противоречия между ними президент республики Э.Бенеш. Это нашло отражение в разработке им теории, которая отводила Чехословакии роль “моста” между Востоком и Западом. Такая концепция отвечала идеальному послевоенному миру, в котором продолжала бы действовать антигитлеровская коалиция. Однако нарастание конфронтации между великими державами — СССР, с одной стороны, и Великобританией, с другой, в послевоенном мире, сам ха-

рактер тоталитарного сталинского режима в СССР, который нахотдил отражение в его наступлении на суверенитет восточноевропейских стран, привели к тому, что теория “моста” была обречена на провал³.

Наиболее последовательным сторонником концепции “моста” и проводником ее в области внешнеэкономических отношений являлся тогдашний министр внешней торговли Г. Рипка, принадлежавший к младшему поколению буржуазных политических деятелей и эмигрировавший после февральских событий 1948 г. на Запад. Он относился к тем чехословацким политикам, которые считали необходимым прагматически использовать сложившуюся после войны экономическую конъюнктуру на континенте: с одной стороны, временное исчезновение Германии с европейских, в том числе и восточноевропейских, рынков товаров тяжелой промышленности, а с другой — потребности СССР и восточноевропейских стран, предусматривавших в планах послевоенного экономического восстановления углубление процесса индустриализации своих стран. Что касается возможности наследования Чехословакией роли довоенной Германии в области экспорта машиностроительной продукции, то эта идея в 1946 г. в гипотетической форме появлялась в выступлениях чехословацких политических деятелей различной ориентации, в частности в речи президента Э. Бенеша в Моравска Острава в июле того же года⁴. В 1947 г. главными носителями этой идеи стали коммунисты.

Если попытаться классифицировать результаты дискуссий, проводившихся в тот период в Чехословакии ведущими политическими деятелями и экономистами, то можно выделить несколько тенденций при разработке ими перспективных направлений в концепции экономического развития страны. Первую из них можно условно обозначить как экономическую: ее сторонники считали ключом к решению вопроса — решение традиционных чехословацких проблем сырья и рынков сбыта промышленных товаров. Вторую тенденцию можно отнести к социальной: ее сторонники считали необходимым обеспечить полную занятость населения в качестве гарантии его социальных прав. Третью тенденцию можно обозначить как политическую: ее сторонники, коммунисты в первую очередь, и частично социал-демократы, стремились утвердить “славянский” внешнеполитический и внешнеэкономический курс страны, то есть доказывали необходимость экономической переориентации страны на сотрудничество с СССР и странами советской сферы влияния в Восточной Европе, мотивируя это таким сообра-

жением, как возможность решения проблемы обеспечения Чехословакии обширными рынками сбыта⁵.

На практике реализовывалась третья, политическая концепция — это касалось как вопросов внутриэкономического развития, определения места Чехословакии в международном разделении труда, так и тесно связанных с ними вопросов внешнеэкономических связей страны. Период послевоенного экономического восстановления (1945 — 1947 гг.) и, в особенности, подготовка двухлетнего плана восстановления и развития страны (1947 — 1948 гг.), осуществлявшаяся на протяжении 1946 г., несли на себе печать коммунистической концепции развития чехословацкой экономики.

Производственные мощности Чехии по сравнению с другими странами, на территории которых велись боевые действия, как отмечалось выше, сохранились почти полностью. В то же время в Словакии промышленность и транспорт были в значительной степени разрушены. Трудности послевоенного восстановления для всей Чехословакии сводились главным образом к переходу от военного производства к мирному, так как в последние месяцы войны Германия концентрировала в Чехии производство вооружения, в том числе и посредством перевода в страну многих немецких военных заводов. Переход к производству мирной продукции проходил в Чехословакии благодаря сохранности производственных мощностей постепенно.

После победы коммунистов на выборах в парламент в мае 1946 г. и создания правительства К. Готвальда цели “коммунистической” программы послевоенного восстановления были закреплены в правительственной программе. Главной ее опорой стал двухлетний план восстановления и развития экономики страны, проект которого являлся одним из основных звеньев предвыборной программы коммунистов. Вокруг этого плана и разгорелась основная политическая борьба внутри Национального фронта с середины 1946 г.

Идеи перехода к планированию экономики страны по социалистическому типу, по признанию Готвальда, разрабатывались руководством КПЧ еще в период войны в эмиграции. Однако этот переход должен был стать, по замыслу, ступенчатым: первый год после освобождения считалось необходимым посвятить задачам “укрепления органов власти нового режима”, национализации промышленности и банков и овладению управлением национализированными предприятиями, земельной реформе. Поэтому ведущие деятели КПЧ отвергли предложения представителей наиболее радикального крыла партии, требовавших сразу же после освобождения перейти к разработке государственного экономического плана⁶.

Конкретный проект двухлетки был разработан одновременно с государственной программой восстановления экономики страны в мае – июне 1946 г. группой коммунистов-экономистов (Л.Фрейка, Э.Гольдман и др.) и встретил противодействие других партий Национального фронта – национальных социалистов, лидовцев и словацких демократов. Ход и характер этой борьбы свидетельствуют, что все эти партии осознавали фактическое соотношение сил в стране в пользу коммунистов. Кроме того, в качестве второстепенного фактора нельзя исключить и наличие некоторых иллюзий у части представителей этих партий, так как план двухлетки оставлял определенные возможности существования чехословацкой мелкой и средней буржуазии и совпал по времени с усилением на Западе процессов государственного вмешательства в экономику с элементами ее планирования⁷.

Учитывая данные факты, противники плана при обсуждении его в правительстве критиковали не план в целом, а его отдельные разделы: они считали завышенными и нереальными наметки плана развития решающих отраслей чехословацкой промышленности (горной, металлургической, машиностроения); отмечали трудности осуществления плана, указывая на большую нехватку рабочей силы (590 тыс. человек в 1946 г.), недостатки в снабжении чехословацкой экономики сырьем, отсутствие заграничных кредитов и т.д.

Перенесение коммунистами правительственных разногласий на страницы печати, угроза развертывания пропагандистской кампании против этих партий вынудила их представителей в правительстве отступить при обсуждении программы двухлетки. Коммунисты отказывались видеть конструктивную сторону в возражениях своих оппонентов. Они оценивали эти возражения (в чем находили поддержку советского посольства в Праге) как “торможение” разработки плана, “попытки снижения развития отдельных решающих отраслей народного хозяйства”, “преувеличение трудностей”⁸. Основной причиной нежелания коммунистов прислушаться к критике и внести коррективы в план являлось то, что с самого начала двухлетка рассматривалась ими не столько как экономическая, а в первую очередь как политическая акция. Ее реализация связывалась с поставленной КПЧ задачей “углубления революционного процесса в стране”, “создания основы для единства действительно демократического и социалистического планирования”. Представители же наиболее радикального крыла в коммунистической партии уже в те годы рассматривали двухлетку как ступень на пути “построения социализма в Чехословакии”, связывая план с укреплением

позиций КПЧ, утверждением ее методов и форм руководства страной, в том числе и экономических⁹. Политические последствия осуществления двухлетки были ясны для всех ее критиков и оппонентов коммунистов.

Последняя попытка противодействия принятию плана двухлетки была предпринята словацкими демократами, которые, опираясь на полученное ими в Словакии большинство на выборах в парламент, попытались составить ему оппозицию в законодательном Национальном Собрании. Они решили голосовать против его принятия, ибо их требование о выделении особых прав словацким исполнительным органам при осуществлении плана было отклонено правительством. По сути, принятие требования словаков означало предоставление им возможности внесения корректив в план на этапе его реализации. Однако Готвальд заявил демократам, что отказ от положительного голосования будет равнозначен удалению их из правительства, и представители словацкой демократической партии не решились голосовать против предложенного коммунистами проекта. Закон о нем был принят единогласно¹⁰.

КПЧ сделала все возможное, чтобы за выполнение двухлетки отвечали все партии, входившие в Национальный фронт чехов и словаков. Это намерение в целом ей удалось выполнить, что опять же свидетельствовало о соотношении сил в стране. В Законодательном Национальном собрании был создан специальный комитет по контролю за выполнением двухлетнего плана. При Национальном фронте Генеральный секретарь ЦК КПЧ Р.Сланский предложил создать секретариат по координации действий политических партий и массовых организаций в целях реализации двухлетки, который и был создан, но только при чешском Национальном фронте¹¹.

В обосновании плана его создатели отмечали, что пользовались советским опытом экономического планирования. Главной целью двухлетки было восстановление чехословацкой экономики и достижение на этой основе довоенного уровня жизни. Выполнить намеченное предполагалось в первую очередь за счет развития промышленного производства, где рост должен был составить к 1948 г. 110% по сравнению с 1937 г. При этом отличительными особенностями двухлетки являлось сравнительно быстрое развитие тяжелой индустрии (производство чугуна должно было возрасти до 87%, стали — до 103%, электроэнергии — до 180%). Особое место в плане отводилось индустриализации Словакии — самой отсталой в экономическом отношении части страны. Предусматривалось полное восстановление сельского хозяйства и легкой промышленности¹².

Данная концепция экономического развития Чехословакии и определение ее места в международном разделении труда исходили из упрощенных представлений их авторов. Они рассчитывали на то, что в случае реализации этой концепции удастся в первую очередь обеспечить чехословацкий экспорт прежде всего путем капиталовложений на Востоке, а во вторую — осуществлять импорт сырья и современного оборудования с Запада. Создатели “коммунистической” концепции развития чехословацкой экономики строили свои расчеты на сохранении постоянного интереса на международном рынке к продукции тяжелого машиностроения и в то же время — на падении заинтересованности в экспорте потребительских товаров. Переориентация чехословацкого рынка в “восточном” направлении и ставка на рост промышленности, в первую очередь тяжелой индустрии, в ответ на потребности Востока, на первый взгляд, решали одну из традиционных ключевых проблем чехословацкой экономики — вопрос о рынках. Однако подобная переориентация в то же время неизбежно должна была обострить (и обострила) другую не менее традиционную проблему: проблему обеспечения чехословацкой экономики необходимым для ее развития сырьем, прежде всего металлами.

В рамках реализации “коммунистической” концепции экономического развития страны Чехословакия в 1945–1946 г. вела переговоры с СССР, в ходе которых чехословацкая сторона при одобрении советского руководства ставила вопрос координации производства, о расширении торгового сотрудничества и производственной кооперации между обеими странами. Социал-демократ З. Фирлингер, возглавлявший первое правительство Национального фронта, и другие политики в его окружении ставили вопрос о возможности увязать двухлетний план с первой послевоенной советской пятилеткой. Концепция чехословацкой двухлетки напрямую связывала ее выполнение с частичной переориентацией экономических связей страны на СССР, что в документах советского посольства в Чехословакии звучало как “подчинение внешнеторговой политики интересам выполнения двухлетнего плана, а не временным конъюнктурным выгодам”¹³.

В то же время принятие “коммунистической” концепции экономического и внешнеэкономического развития страны означало и поиск рынков сбыта в странах советской сферы влияния. Министр промышленности социал-демократ Б. Лаушман осенью 1946 г. посетил Румынию, Болгарию, Польшу, Югославию, откуда привез заказы на поставки оборудования из Чехословакии. С це-

лью развития этой тенденции в 1946—1948 гг. Чехословакия заключила пятилетние торговые соглашения с СССР, Польшей, Югославией, Болгарией. Подобное соглашение с Польшей, заключенное в июле 1947 г., проходило под эгидой Совета чехословацко-польского экономического сотрудничества. Оно предусматривало, по сообщению из неофициальных источников, координацию развития тяжелой промышленности обеих стран для создания “второго Рура на Востоке”¹⁴. Недостаточная взаимодополняемость экономик обеих стран и настороженное отношение Советского Союза к осуществлению подобного рода зональных проектов, в которых он усматривал опасность появления децентрализаторских тенденций в складывавшемся советском блоке, с самого начала ставили под вопрос возможность осуществления.

Против коммунистической концепции поиска места Чехословакии в международном разделении труда и против быстрых и спонтанных изменений в ее экономике, вызывавшихся принятой ориентацией, выступали представители других партий и экономисты-некоммунисты. Во-первых, они отмечали, что взятые Чехословакией на себя в соответствии с экономическими договорами и соглашениями с СССР и восточноевропейскими странами обязательства превышали возможности ее экономики. Кроме того, они указывали на затруднения в платежах с этими государствами¹⁵. Таким образом, они предостерегали о негативных последствиях чрезмерной перероентации чехословацкой экономики на Восток. Во-вторых, критики коммунистической концепции подчеркивали жизненную важность для чехословацкой экономики поддержания гораздо более высокого, чем предусматривалось этой концепцией, уровня торгово-экономических связей с Западом для модернизации производства страны, обеспечения ее конкурентоспособности на мировых рынках. В-третьих, считая оправданным проведение структурных изменений лишь в тех областях чехословацкой промышленности, которые отстали в развитии от требований мирового технического прогресса и находились в упадке, они выступали против принципиальных перемен в экономике, которые разрушали традиционную естественно возникшую его структуру, и советовали вводить в последнюю лишь дополнительные элементы.

Эти критики, обвинявшие сторонников коммунистической концепции в том, что они отводят Чехословакии роль “станкостроительного или металлургического завода” СССР и стран советского блока, предлагали собственную экономическую программу. Она исходила из реальных условий развития чехословацкой экономики

и учитывала слабую обеспеченность страны сырьем и богатый производственный опыт ее рабочих и техников. Учитывая эти факты, сторонники данной концепции советовали ориентировать структурную перестройку чехословацкой экономики на отрасли, которые требовали минимум сырья и максимум применения квалифицированного труда инженеров, рабочих и техников¹⁶.

Однако сторонники коммунистической концепции ссылались на то, что по сравнению с другими промышленно развитыми европейскими странами Чехословакии в 1945—1947 г. удалось сохранять высокий темп экономического развития. В 1947 г. индекс промышленного производства достиг в стране 92% от довоенного уровня. Потребность послевоенной Европы в товарах благоприятно повлияла на сбыт чехословацкой продукции за рубежом: к середине 1947 г. чехословацкий экспорт составил 83,6%, а импорт — 94,8% по сравнению с уровнем 1937 г.¹⁷

Однако за начальными успехами политики экономического восстановления скрывались слабости, особенно значимые для перспективного развития экономики страны. Восстановление или, как оно еще называлось, обновление экономики опиралось на старые принципы развития промышленно развитых стран. Этот процесс усугублялся еще и тем, что на завершающем этапе войны в ходе боевых действий в Чехословакии пострадали главным образом новые промышленные отрасли, необходимые для перехода страны к индустриальному обществу. Во время экономического обновления Чехословакии в 1945—1947/48 гг. действовали такие же факторы, что и в промышленно развитых странах Европы: наблюдался преимущественный рост производства средств производства, особенно в металлообрабатывающей и химической отраслях. Однако внутриотраслевая структура чехословацкой промышленности, развитию которой отдавалось предпочтение, значительно отличалась от промышленно развитых стран Запада. В то время как на Западе начал обнаруживаться сдвиг в направлении появления и развития таких новых отраслей индустрии, как электротехника, химия искусственных материалов и удобрений, автомобильная промышленность, точные измерительные приборы, оптика, в Чехословакии эти отрасли занимали малый удельный вес или же не были вообще представлены. Творцы утвердившейся экономической концепции, в первую очередь создатели двухлетнего плана, наоборот, именно в развитии тяжелой промышленности, особенно станкостроения, видели главную цель политики хозяйственного обновления и долговременную цель экономического развития ЧСР¹⁸.

“Готвальдовская” концепция строительства экономики вызывала еще в ходе подготовки двухлетки в 1946 г. ряд проблем и часто привлекала внимание Комиссии по планированию. Чехословацкая тяжелая промышленность, прежде всего станкостроение, существовала на собственной металлургической базе, на производстве чугуна и стали. Металлургическая промышленность выросла на домашних коксующихся углях и требовала высокого уровня импорта железной руды. К тому же имело место недостаточное техническое оснащение процессов выплавки металла и проката. Все это определяло и ограничивало производственный потенциал металлургической промышленности. А от ее состояния зависели развитие тяжелой промышленности, ход хозяйственного обновления, размер инвестиций и в значительной степени — техническая реконструкция, а также внешняя торговля, так как в это время экспорт чугуна и стали составлял основу каждого значительного договора Чехословакии.

Два первых послевоенных года восстановление чехословацкой экономики в целом успешно продвигалось вперед, слабости осуществлявшейся концепции были скрыты. Негативные последствия ее реализации обозначились лишь с зимы 1946/47 г. и открыто проявились во второй половине 1947 г., идя по нарастающей. Первым сигналом явились затруднения во внешней торговле. Если до этих пор внешняя торговля и платежный баланс страны развивались благоприятно, и Чехословакия накапливала запасы иностранной валюты и золота (в октябре 1946 г. они составляли 4,2, в январе 1947 г. — 6, а в апреле того же года — 5,6 млрд крон), то во второй половине 1947 г. пассив в торговле со странами свободного рынка составил более 1,5 млрд крон и продолжал в дальнейшем увеличиваться. Особенно тревожным было нарушение платежного баланса в торговле с США и Англией: в конце 1947 г. соответственно 705 млрд крон и 1,537 млрд крон. Пассивный платежный баланс со странами свободного рынка привел к истощению валютных резервов страны, которые с осени 1947 г. постоянно уменьшались¹⁹. В противовес этому во второй половине 1947 г. Чехословакия имела положительное сальдо в торговле со странами советского блока.

Чехословацкие специалисты — в основном сторонники “готвальдовской” концепции, но не только они — сначала не считали внешнеторговую ситуацию серьезной, обратив на нее внимание лишь в начале 1947 г. В середине того же года члены Комиссии по планированию пришли к выводу, что внешнеэкономические сложности Чехословакии обусловлены международно-внешнеполитической и

экономической обстановкой, вызвавшей ухудшение конъюнктуры для чехословацких товаров на Западе. Учитывая это, они полагали, что сложно было бы ожидать улучшения положения в чехословацкой экономике. Специалисты, представленные в Комиссии, считали нереальными оценки ведущих экономистов Министерства внешней торговли, которые ожидали, что принятие плана Маршалла Западной Европой (даже при неучастии в нем Чехословакии) улучшит условия для чехословацкой торговли со странами, не ставшими участниками плана. Оппоненты этой точки зрения в распространении плана Маршалла лишь на страны Западной Европы усматривали ослабление позиций Чехословакии на международных рынках и дальнейшее ухудшение ее внутризкономической ситуации²⁰.

Если чехословацкие специалисты зачастую сходились в оценках главных причин тревожного положения в хозяйстве страны, то они радикально расходились в оценках способов преодоления возникших трудностей. Коммунисты видели выход в усилении ориентации на развитие тяжелого машиностроения и расширения связей ЧСР со странами советского блока.

Их оппоненты, в частности генеральный управляющий Национальным банком Л. Хмеля, указывал и на внутреннюю противоречивость подобной ориентации: «Увеличение товарооборота со странами с плановой экономикой предполагает продолжение импорта из долларовой и фунтовой зон. Иначе нельзя выполнить наши экономические обязательства и возникнет угроза безработицы внутри страны»²¹. Для выхода из тупика, в который неуклонно загонялась чехословацкая экономика, Комиссия по планированию приняла решение о проведении безотлагательных и срочных мер. Она предложила, во-первых, максимально увеличить экспортную активность страны; во-вторых, сократить в целом импорт не менее чем на 20% и одновременно обеспечить ввоз сырья; в-третьих, создать специальный экспортно-импортный фонд, который защищал бы промышленность от нестабильности мировых рынков.

Ситуация на мировых рынках была одной из причин трудностей, возникших в чехословацкой внешней торговле, что можно было предугадать и принять превентивные меры. Однако этого не произошло: среди функционеров, связанных с экономикой, преобладал оптимизм, вызванный успешным ее развитием в течение двух послевоенных лет. На успехи во внешней торговле в 1945—1947 гг., кроме всего прочего, оказывали влияние поставки ЮНРРА и товарный голод в послевоенной Европе. До середины 1947 г. Чехословакия в рамках ЮНРРА получила оборудования, сырья и продо-

вольствия на сумму 12,64 млрд крон. Поставки ЮНРРА в 1945 г. превышали оплаченный импорт страны в 3 раза, в 1946 г. они составляли 70%, а в середине 1947 г. — 40% ее импорта²². Таким образом, эти поставки стали одним из источников пополнения валютных запасов страны. С середины 1947 г. они практически прекратились, и основным источником поступления иностранной валюты в Чехословакии стали доходы от чехословацкого экспорта. По времени это совпало с нормализацией мирового рынка и ликвидацией конкуренции вследствие товарного голода в Европе.

В сложившихся условиях конкурентоспособность чехословацкой промышленности значительно упала: многие виды ее продукции по ценам и качеству не могли соперничать с продукцией промышленно развитых стран Запада. (Уже весной 1946 г. западные фирмы отказывались от чешской продукции из-за ее слишком высоких цен.) Чехословацкие экономисты и политики, которые сначала считали, что достаточно длительное время — по меньшей мере в течение жизни одного поколения — Чехословакии удастся сохранить торговые позиции на бывших немецких рынках (в особенности), стали опасаться начавшейся конкуренции со стороны немецкой промышленности. Ее восстановление, особенно легкой, которое имело место весной 1947 г., осуществлялось при помощи США и проходило быстрыми темпами.

Падение конкурентоспособности чехословацких товаров на внешних рынках объяснялось и социальной политикой правительства: рост уровня зарплаты и социального обеспечения населения страны не координировался с увеличением производительности труда, что отразилось на росте цен.

Важнейшей причиной кризиса внешней торговли Чехословакии явилась принятая правительством концепция ее экономического развития, а точнее внешнеэкономической ориентации страны. Программа правительства Готвальда, представленная Национальному собранию 8 июля 1946 г. и наметившая основные направления двухлетнего плана восстановления ЧСР, акцентировала свое внимание на расширении экспорта в страны советской сферы влияния (где предполагалось обеспечить постоянные рынки сбыта) и на осуществлении импорта необходимого сырья и современного технологического оборудования с Запада. Однако стремление коммунистических экономистов и политиков решить трудности внешней торговли путем расширения экономических связей с государствами советского блока не привело, как предполагалось, к ослаблению зависимости от нестабильного мирового рынка и от Запада: более

того, на протяжении 1945—1948 гг. прослеживалось возрастание этой зависимости. Торговля с восточноевропейскими странами и СССР не могла заменить торговлю с Западом в том, что касается ассортимента необходимого Чехословакии сырья, а также в обеспечении страны иностранной валютой. По некоторым видам сырья зависимость чехословацкой промышленности от Запада была полной либо близкой к этому, по другим видам — довольно сильной (шерсть, кожа, олово, медь, свинец, железная руда и т.д.). В то же время импорт оборудования в целях проведения необходимой для страны модернизации производства, по единодушному мнению специалистов всех политических направлений, мог осуществляться только из промышленно развитых западных стран²³.

Внутренняя противоречивость осуществлявшейся в стране экономической концепции к концу 1947 г. начала осознаваться специалистами различных политических лагерей, особенно в связи с неудачами экспорта в страны свободного рынка. Близкие к правительству экономисты, продолжая действовать в рамках избранной экономической концепции, начали выделять в ней в качестве приоритетной меры необходимость обеспечения производства необходимым ему сырьем, что должно было предотвратить угрозу его падения и появления безработицы в стране. Такое смещение акцентов неизбежно начало негативно сказываться на технической реконструкции чехословацкой промышленности, на снабжении внутреннего рынка и валютном обеспечении страны.

Сложности, с которыми столкнулась экономика Чехословакии, усугублялись засухой, а также необходимостью в конце 1947—1948 гг. осуществлять выплаты за национализированное после войны имущество. Засуха 1947 г. наряду с последствиями проведения аграрной реформы явились причинами сокращения сельскохозяйственной продукции в стране. Неурожай обусловил необходимость экстренного импорта зерна и кормов.

В правительстве и Комиссии по планированию существовали два различных подхода к устранению нехватки зерна и кормов. Некоторые специалисты советовали восполнить потребность за счет неприкосновенного золотого запаса страны. Коммунисты и поддерживавший их в этом вопросе министр внешней торговли Г.Рипка были против экстренных закупок хлеба на Западе, ссылаясь на то, что из-за нехватки зерна в тот период на мировом рынке такие закупки были бы возможны лишь по высоким ценам или же в результате продажи части чехословацкого золота. Кроме того, они могли привести к дальнейшему снижению импорта технологического

оборудования в страну. В этих условиях К. Готвальд 25 ноября 1947 г. обратился к И. В. Сталину с просьбой об увеличении поставок зерна в Чехословакию. Исходя из политических мотивов, СССР вместо уже обещанных ей 40 тыс. вагонов обещал поставить 60 тыс. вагонов зерна по чрезвычайно выгодным для ЧСР ценам. Взамен же Сталин предложил чехословацкому правительству поставить необходимую Советскому Союзу продукцию металлургии — товары, составлявшие основу торговых договоров Чехословакии с Западом²⁴. Итак, для чехословацкой экономики середины 1947 г. были характерным наличие кризисных моментов и появление ее традиционных проблем, связанных с сырьем и рынком сбыта. В то же время экономика страны оказалась на распутье: стоял вопрос, пойдет ли она по пути развития новых видов производства и его технической реконструкции, то есть путем, ведущим к новому технологическому обществу, или же будет идти по пути преимущественного развития старых отраслей производства. Концепция экономического развития, одержавшая победу в Чехословакии после войны, скорее отвечала второму пути. Возникшие в результате ее реализации трудности коммунисты пытались решить путем ускорения развития производства в рамках принятой экономической модели. Однако это входило в противоречие с реальными тенденциями складывания как мировой политико-экономической ситуации, так и внутреннего развития страны.

Зависимость чехословацкой экономики от западной была значительной, что понимали и учитывали политики и экономисты различной политической ориентации; они также стремились к сохранению торговли с Западом. Для того чтобы удержаться на его рынках в условиях усиления мировой конкуренции, чехословацкой промышленности требовалось модернизировать свою производственную структуру и оборудование, то есть пойти по пути современного индустриального общества.

До середины 1947 г. последствия победы коммунистической экономической концепции остро не ощущались. Участвовавшие в ее реализации представители партий некоммунистической ориентации предполагали возможность возникновения трудностей в торговле с Западом, но они не могли предугадать последствий распада антигитлеровского блока и предусмотреть возможные в этой ситуации действия СССР. Важнейшим последствием подобного распада было то, что Чехословакия должна была бы самостоятельно, без внешней помощи продвигаться к современному индустриальному обществу. Однако у нее не доставало финансовых средств, производственно-

го опыта и необходимого уровня технического развития, необходимых для модернизации производственной базы страны. Продвижение к современному технологическому обществу было невозможно без опоры на западную помощь.

Еще в 1945 г. Чехословакия пыталась получить долгосрочный заем на Западе для приобретения промышленного оборудования. В 1946 г. она получила заем у США на покупку сырья и товаров в размере 72 млн долларов²⁵. Предоставление дальнейших кредитов связывалось с вопросом о выплате компенсаций за национализированное в стране имущество американских граждан. Согласие Праги на компенсацию не улучшило положения с кредитами, переговоры по этому вопросу были сложными, а главное — на первый план выдвинулись причины внешнеполитического характера. Несмотря на ряд предшествовавших отказов в американских кредитах, Чехословакия в феврале 1947 г. обратилась в Международный банк с просьбой о кредите в 350 млн долларов для покупки оборудования. Если в начале года руководство страны было уверено в его получении, то к середине 1947 г. оно уже сомневалось в возможности этого, считая основным препятствием на этом пути причины внешнеполитического характера²⁶. По мере осознания нереальности получения кредитов росло понимание их необходимости.

Экономические трудности, потребность в технической реконструкции промышленности и особенно исчезновение надежды на получение кредитов в США, а также сложность их получения на Западе привели к тому, что в кругах чехословацких экономистов и политиков, включая некоторую часть коммунистов, план Маршалла был встречен с одобрением. С ним связывались надежды на экономическую помощь в решении насущных проблем чехословацкой экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ), ф. 0138, оп. 28, п. 140, д. 2, л. 110, 111; См. также: Frejka L. O významu dvouletého plánu // *Nová mysl.*, 1947, № 2.
- ² АВП РФ, ф. 0138, оп. 28, п. 140, д. 2, л. 111—114, оп. 29, д. 5, п. 146, л. 73. Feierabend L. Pod vládou národní fronty. Wash., 1968, s. 66, 68.
- ³ Поп И.И. Чехословакия — Советский Союз 1941—1948 гг. М., 1990, с. 189, 190. Táborský E. Beneš and the Soviets // *Foreign Affairs.* 1949, v. 27, p. 302—314; Idem. The Triumph and Disaster of Eduard Beneš // *Foreign Affairs.* 1958, v. 36, p. 669—684.
- ⁴ UNRRA. Industrial Rehabilitation in Czechoslovakia. 1947, № 16, p. 16. О взглядах Г. Рипки и их эволюции дает частичное представление его работа. См.: Ripka H. Eastern Europe in Post-war world. N. Y., 1961.

- ⁵ Slezský sborník. 1991, № 3, 4, s. 232.
- ⁶ Gottwald K. Spisy. Sv. 12. Pr., 1955, s. 265.
- ⁷ Czechoslovak two year plan // The Journal of Central European Affairs. 1947, v. 6, p. 375—391; Three plans // The New Statesman and Nation. 1947, Apr. 19, p. 270.
- ⁸ АВП РФ, ф. 0138, оп. 28, п. 140, д. 2, л. 40-41.
- ⁹ Gottwald K. Spisy. Sv. 12. Pr., 1955, s. 207.
- ¹⁰ АВП РФ, ф. 0138, оп. 28, п. 140, д. 2, л. 41. Czechoslovakia under commu-nism // The New Statesman and Nation. 1948, Dec. 18, p. 543, 544.
- ¹¹ Veselý Z. Československo a Marshallův Plán. Pr., 1985, s. 19.
- ¹² Zaklady československé dvouletky. Projevy a dokumenty o prvním hospodářs-kém plánu. Pr., 1946; АВП РФ, ф. 0138, оп. 28, п. 140, д. 4, л. 73, 74.
- ¹³ АВП РФ, ф. 0138, оп. 28, п. 140, д. 4, л. 74.
- ¹⁴ The Times. 1947. 5. VIII; Storm W. Recovery without Marshall // The Labour, 1948, March, p. 86—91.
- ¹⁵ Поп И.И. Чехословакия — Советский Союз... С. 203.
- ¹⁶ Warriner D. Three plans // The New Statesman and Nation, 1947, Apr. 19, p. 270.
- ¹⁷ Slezský sborník... S. 233.
- ¹⁸ АВП РФ, ф. 0138, оп. 28, п. 140, д. 2, л. 40, 41; Základy československé dvouletky...; Goldmann J. and Flek J. Planned Economy in Czechoslovakia. Pr., 1949.
- ¹⁹ В связи с тенденцией истощения валютных запасов Чехословакии советским посольством в Праге была подготовлена для заместителя министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинского специальная справка "О валютных затруднениях Чехословакии в области внешней торговли" (АВП РФ, ф. 0138, оп. 28, п. 146, д. 5, л. 66-73).
- ²⁰ Slezský sborník... S. 233.
- ²¹ Ibidem.
- ²² АВП РФ, ф. 0138, оп. 29, п. 146, д. 5, л. 35-38.
- ²³ АВП РФ, ф. 0138, оп. 29, п. 146, д. 2, л. 38. Поп И.И. Чехословакия — Советский Союз... С. 219.
- ²⁴ Советско-чехословацкие отношения 1945-1960: Документы и материалы. М. 1972. С. 122-123.
- ²⁵ Там же, с. 128, 129. Foreign Relations of the United States. V. IV. Eastern Europe. The Soviet Union. Wash., 1972, p. 223—226.
- ²⁶ Поп И.И. Чехословакия — Советский Союз... С. 218.

И.И.Орлик (Россия)

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС В ФЕВРАЛЕ 1948 ГОДА И ПОЛИТИКА ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Позиции западных держав в отношении февральских событий 1948 г. в Чехословакии только в последнее время стали привлекать внимание исследователей. В оценке этих позиций проявились две тенденции, причем обе критического плана. Первая — критика Запада за подготовку якобы "буржуазного реакционного переворо-

та". Вторая — обвинения западных держав в отказе от помощи Э.Бенешу и некоммунистическим демократическим партиям накануне февраля 1948 г., в нежелании противодействовать Советскому Союзу в его стремлении утвердить свое господство в Центральной и Восточной Европе.

Первая тенденция преобладала в советской и чехословацкой историографии. Вторая проявлялась в работах бывших политических деятелей Чехословакии, потерпевших поражение в феврале 1948 г. и вынужденных покинуть свою родину.

Обе эти тенденции обозначил чешский историк П.Мареш, опубликовавший в 1991 г. перевод секретной аналитической записки американского посла в Чехословакии Л.Штейнгардта о февральских событиях в Праге, отправленной в Вашингтон 30 апреля 1948 г.¹ Трудно согласиться с П.Марешем, считающим, что читатель сам может определить справедливость или несправедливость политики Запада в отношении Чехословакии. Сделать это не так просто, даже располагая более обширными сведениями, чем те, которые содержатся в записке Л.Штейнгардта.

Попытаемся охарактеризовать эту политику, опираясь в основном на рассекреченные в 1974 г. американские архивные документы (это серия донесений американского посла из Праги в конце февраля, марте и апреле 1948 г.)², на документы Архива Министерства иностранных дел Чешской Республики (шифровки из Вашингтона, Лондона, Парижа и материалы Секретариата МИД ЧСР за январь-апрель 1948 г.)³, а также некоторые материалы Секретариата министра иностранных дел СССР В.М.Молотова из Архива внешней политики МИД Российской Федерации⁴.

Анализ этих документов и ряда свидетельств лиц, близких к президенту Э.Бенешу, дает возможность ответить на три основных вопроса: 1. Было ли известно лидерам западных держав о возможном государственном перевороте в Чехословакии? 2. Как реагировали они на февральские события 1948 г. в Праге? 3. Как оценивались ими возможные международные последствия февральского переворота?

Уже летом 1947 г. вопрос об угрозе чехословацкой демократии поднимался в Праге, и в частности Э.Бенешем. Хотя политики из его окружения полагали, что ситуация в общем находится под их контролем, тем не менее президент в беседе со своим бывшим секретарем, затем чехословацким послом в Швеции Э.Таборским считал, что "многое зависит от американцев и англичан". Бенеш заявил ему: "Мы можем сохранить себя только в том случае, если советское продвижение будет остановлено мощной манифестацией силы Запада"⁵.

В беседе с депутатом парламента О.Горой 2 июня 1947 г. Э.Бенеш говорил о возможности коммунистического путча. Тот же О.Гора со ссылкой на Г.Трумэна и Л.Штейнгардта утверждает, что “когда чехословацкие политики обращались к западным деятелям с прямыми вопросами, что Запад будет делать, если коммунисты совершат переворот, они получали ответ: не ждите от нас иной помощи, чем моральная поддержка”⁶.

30 июля 1947 г. ситуация в Чехословакии, тема свободы в стране стали предметом обсуждения в британском парламенте. Судя по одному из секретных донесений в Прагу из Лондона, там 30 июля выступил перед парламентариями чехословацкий посол Б.Кратохвил, выразивший надежду на поддержку со стороны Великобритании. “Вы наша надежда”⁷, — заявил он в конце своей речи.

10 сентября 1947 г. Э.Бенеш в беседе с председателем Национально-социалистической партии П.Зенклом говорил о возможных действиях чехословацких коммунистов: “Не исключено, что они попытаются пойти на путч”⁸.

30 сентября Л.Штейнгардт сообщал из Праги в Государственный департамент США, что “Москва проявляет сейчас больший интерес к чехословацким делам, чем прежде, и, возможно, будет стремиться к тому, чтобы чехословацкое правительство было полностью подчинено Кремлю так скоро, как это возможно”⁹. Эта же тема обсуждалась Э.Бенешем с американским послом 20 ноября 1947 г., о чем свидетельствует телеграмма Л.Штейнгардта в Вашингтон 24 ноября¹⁰.

Э.Бенеш утверждал, что “если на Западе будут последовательны и тверды, то у меня нет опасений. Тогда удержим равновесие. Думаю, — говорил он, — что мюнхенский урок учтен Западом, что умиротворение и принесение в жертву других в конечном счете не оплатится”¹¹.

Можно привести и другие свидетельства, подтверждающие, что и в Праге, и в Вашингтоне, и в Лондоне предвидели возможность государственного переворота в Чехословакии. Но ничего конкретного, хотя бы по дипломатической линии, западными державами не предпринималось для предотвращения назревавших драматических событий.

Как реагировали на февральские события Вашингтон, Лондон и Париж?

25 февраля 1948 г. после согласования по телефону между правительствами США, Англии и Франции был принят текст совместной декларации трех держав по поводу событий в Праге. В основу

декларации был положен проект, подготовленный французской стороной. На другой день, 26 февраля, декларация была опубликована в трех столицах¹².

Трудно представить себе, на что рассчитывали ее составители. Кроме общего заявления о том, что три державы “не могут не осудить такое развитие событий”¹³ в Чехословакии, в декларации не были даже названы конкретные “виновники” переворота — ни руководство компартии, ни советские лидеры.

Но даже и в таком виде эта декларация вызвала весьма резкую реакцию со стороны новых властей Праги и в Москве.

В архивных фондах Секретариата Молотова автор обнаружил текст указанной декларации. В левом углу по тексту синим карандашом рукой Молотова написана резолюция: “С т. Вышинским (очевидно, согласовать. — *И.О.*) Надо в печати отхлестать за это выступление против демократической Чехословакии, показав, что это является отражением недовольства иностранных реакционных кругов, планы которых сорвались. В.Молотов. 26/II”¹⁴.

Так реагировала Москва на позицию Запада. А в столицах трех западных держав поднялась волна осуждения собственных правительств в связи с их реакцией на пражский февраль. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения в Прагу из чехословацких посольств.

В политическом отчете Посольства Чехословакии в Вашингтоне (февраль) сообщалось, что “развитие событий в Чехословакии на прошлой неделе было сенсацией американской печати и радио”, что “кризис в Чехословакии использован и печатью, и политиками в качестве свидетельства нового Мюнхена, угрозы советской экспансии и описания мрачного будущего, которое ждет Америку”. По сообщению посольства, “государственный департамент снова критикуют за то, что он не имеет четкой линии заграничной политики”¹⁵.

В конце февраля и в марте 1948 г. Вашингтоном был сделан ряд заявлений относительно событий в Праге. По сообщению чехословацкого посольства в Вашингтоне 18 марта президент Г. Трумэн в американском конгрессе заявил: “Трагическая смерть Чехословацкой Республики потрясла весь цивилизованный мир”¹⁶. 23 марта в Нью-Йорке на митинге, посвященном памяти Яна Масарика¹⁷, отмечалось: “Мир опять стоит на перекрестке, оказавшись перед необходимостью великих решений. Жертва — Чехословакия снова бьет в набат, как это было в роковые дни Мюнхена”¹⁸.

Наиболее полно и разносторонне позиции Запада в связи с февральскими событиями в Праге изложены в пространной (на 10 стра-

ницах) аналитической записке Чехословацкого посольства в Париже от 11 марта 1948 г. Здесь и обзор печати, и точки зрения представителей различных слоев французской общественности. События в Праге трактуются в основном как “коммунистический путч”; капитуляцию президента Э. Бенеша приравнивают к Мюнхену. По поводу Декларации трех западных держав отмечается, что “эти государства протестовали против событий в Чехословакии без иллюзий, что их заявление будет иметь какие-либо последствия”. В записке подчеркивается, что против нынешнего Мюнхена “протестуют бывшие мюнхенцы, которые бросили Чехословакию в немецкие объятия”, и с горечью констатируется: “Все мы мюнхенцы”¹⁹.

Польский историк К. Каминьски в своей монографии “Польша и Чехословакия в политике Соединенные Штатов и Великобритании. 1945-1948” приводит многочисленные сведения о том, как реагировал Лондон на пражские события. Но большого отличия от позиции Вашингтона или Парижа у Англии не было. Единственное, что можно отметить, это более активную деятельность британского посла в Праге П. Диксона по сравнению с деятельностью Л. Штейнгардта. Но, как отмечает автор, действия Диксона “уже не могли иметь какого-либо практического значения”²⁰.

Среди многих документов, отражающих позиции трех западных держав в отношении чехословацких событий, заслуживает особого внимания уже упоминавшаяся аналитическая записка Л. Штейнгардта, которую он отправил в Государственный департамент 30 апреля 1948 г. Здесь нет возможности подробно анализировать этот документ. Оставляя в стороне объяснения его автором причин февральского переворота особыми национальными чертами чехов и другие его довольно спорные объяснения истории Чехословакии, следует обратить внимание на два утверждения американского посла: 1) связь результатов февральских событий с чехословацко-советским договором 1943 г.; 2) признание, что в случае активного вмешательства США в дела Чехословакии может разразиться война между США и СССР.

В заключительной части аналитической записки Л. Штейнгардта предлагается серия мер, главным образом пропагандистско-идеологического плана в отношении Чехословакии, нельзя без иронии читать последние строки этой записки, где Л. Штейнгардт признает эффективность мер советской политики в отношении Чехословакии (?!) и призывает “более широко использовать советские методы, что может привести к положительным результатам, а также послужит как превентивная мера”²¹.

В целом записка Штейнгардта объясняет позицию Соединенных Штатов и их союзников: Чехословакия считалась частью признанной ими сферы влияния Советского Союза. Поэтому США, имея более серьезные интересы в Западной Европе и других частях мира, не желали ставить под угрозу эти интересы из-за, как писал Штейнгардт, “маленького народа”.

Судя по архивным документам, однозначного мнения относительно пражских событий на Западе не было. Сначала весьма сдержанная, а потом по мере ужесточения холодной войны все более резкая официальная позиция правительств. Что касается общественного мнения, то оно с самого начала было высокоэмоциональным, критическим не только в отношении Советского Союза и чехословацких коммунистов, но и в адрес собственных правительств за их бездействие накануне и во время пражского переворота.

Как оценивали на Западе последствия пражских событий? Судя по аналитической записке чехословацкого посольства в Париже от 11 марта 1948 г., там, и вообще на Западе, все более убеждались, что “включение Чехословакии в восточный блок означает ухудшение международной ситуации и раздел Европы”, что “коммунистический переворот будет иметь глубокие международные последствия и будет усложнять отношения свободных демократий со сталинской империей”. Представления о том, что Чехословакия могла стать мостом между СССР и Западом, оказались иллюзией: “новый Мюнхен потряс народы своим драматизмом, тем более что, вспоминая о первом Мюнхене, думаем о том, что бездейственность, продиктованная страхом, поощряла насилие”. В записке приводится распространенное среди западных политиков мнение относительно будущего Европы. “Нужно смириться с окончательным разделом Европы и создать прочное единство западно-европейских государств, мир не может быть сохранен как единая система, включающая все народы, мир может быть сохранен равновесием сил”²².

В начале марта 1948 г. французский министр иностранных дел Ж.Бидо обратился к государственному секретарю США Д.Маршаллу с настоятельной просьбой “укрепить политическое и как можно быстрее военное сотрудничество Старого и Нового света”²³. Западные державы с опасением ожидали возможных новых акций Советского Союза. Обсуждались различные варианты противодействия. По сообщению из Вашингтона, 13 марта бывший госсекретарь Д.Бирнс заявил, что в течение 4 или 5 недель США могут столкнуться с острым международным кризисом и должны быть

готовы к “более решительным действиям, чем письма протеста, если Россия будет угрожать Италии, Франции, Греции или Турции”²⁴. На Западе всерьез были обеспокоены остротой международной ситуации. Не случайным среди вопросов, которые задал Я. Масарику 2 марта американский корреспондент К. Смит, был вопрос: “Есть ли угроза третьей мировой войны?” На что последовал весьма уклончивый ответ Я. Масарика²⁵.

Уже через неделю после пражского переворота, 28 февраля, посольство Чехословакии в США сообщало в политической записке о требованиях американских политических и общественных кругов “укрепить связи трех западных держав”²⁶ и оказать существенную помощь Западной Европе. Приводились требования ввести экономические санкции против Чехословакии и принять другие меры. 17 марта Л. Штейнгардт получил от Государственного департамента более подробные указания относительно конкретной политики в отношении ЧСР²⁷.

США сделали весьма жесткие выводы из событий в Праге для уточнения своей военной программы. В шифровке из Вашингтона чехословацкое посольство 26 марта сообщало об обновленной военной программе, изложенной в сенате США накануне, 25 марта, секретарем по обороне Дж. Форрестолом. Признав, в частности, что “Советы понесли колоссальные потери во второй мировой войне”, Форрестол, не утруждая себя какими-либо аргументами, утверждал: “Чтобы вернуть потери, они разграбили промышленно развитые страны, куда вошла их армия. Они получили заводы Шкода и современную промышленную технологию Чехословакии”²⁸.

На Западе широко обсуждались перспективы укрепления всестороннего сотрудничества США, Англии, Франции и других западноевропейских стран, но ничего не говорилось о судьбе Чехословакии. Нельзя в связи с этим не согласиться с известным британским дипломатом Б. Локкартом, который в июне 1948 г. в журнале “Форин афферс” писал, что февральский переворот в Праге является следствием Мюнхена, что “Чехословакия как малая центральноевропейская страна была разменной картой в игре великих держав и не могла иметь и не имела простора самостоятельной дипломатической и экономической деятельности”²⁹.

Итак, приведенные здесь архивные и другие свидетельства политики Запада в отношении чехословацкого государственного переворота в феврале 1948 г. позволяют сделать следующие выводы:

— стратегия западных держав, в первую очередь Соединенных Штатов, определялась прежде всего государственными интересами

США, которые тогда, в первые послевоенные годы, не были заинтересованы в острой конфронтации с Советским Союзом;

— США в связи с этим соблюдали достигнутую договоренность с Советским Союзом относительно сфер влияния в Европе;

— в стратегии США на первом месте находились их интересы в Западной Европе, возможность реализации плана Маршалла;

— США считали, что их вмешательство в дела Чехословакии могло еще более осложнить их отношения с СССР и тем самым поставить под сомнение возможность реализации американской стратегии в Западной Европе;

— что касается Англии и Франции, то они не могли тогда проводить какую-либо отличную от США политику в отношении Чехословакии.

Можно согласиться с чешским исследователем В. Моулисом, который пришел к выводу: “Вашингтон не желал втягиваться в упорную борьбу за демократию в стране, которую он уже считал частью сферы интересов Советского Союза”³⁰. Этим и определялась политика Запада в отношении Праги в феврале 1948 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mareš P. Únor očima amerického velvyslance v Praze // Dějiny a současnost. Praha, 1991, № 2, s. 51—55.

² Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1948, vol. IV. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1974, p. 733—758.

³ Archiv Ministerstva zahraničních věcí (далее — AMZV). Politické zprávy.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Фонд Секретариата министра иностранных дел СССР В.М. Молотова.

⁵ Taborský E. Prezident Beneš mezi Západem a Východem. Praha, 1993, s. 252.

⁶ Hora O. Svědectví o puči. Toronto, 1978, s. 399.

⁷ AMZV. Londýn. Polit. zpráva č. 2103 (dův.) 7.08.1947.

⁸ Цит. по: Edvard Beneš československý a evropský politik. Praha, 1994, s. 113.

⁹ FRUS. 1947, p. 234—235.

¹⁰ Taborský E. Prezident Beneš... S. 40; См. также: National Archives. Washington, 860 F. 00/11—2447.

¹¹ Цит. по: Taborský E. Prezident Beneš... S. 245.

¹² Текст декларации см.: FRUS. 1948. Vol. IV. P. 738.

¹³ Ibidem.

¹⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 10, п. 76, д. 720, л. 2.

¹⁵ AMZV. Washington. Polit. zpráva č. 15. 28.02.1948.

¹⁶ Ibidem. Polit. zpráva č. 18. 18.03.1948.

¹⁷ Министр иностранных дел Чехословакии Ян Масарик утром 10 марта 1948 г. покончил с собой, выбросившись из окна служебной квартиры во двор Чернинского дворца. Поразительно по своей бездушности соболезнавание советского правительства, текст которого был подготовлен самим Молотовым. В фонде секретариата министра находится текст соболезнавания на отдель-

ной странице: "Для опубликования. Соболезнование советского правительства. Прага, 10 марта (ТАСС). Поверенный в делах Советского Союза в Чехословакии Бодров посетил статс-секретаря Министерства иностранных дел Клементиса и выразил соболезнование Советского правительства по случаю кончины Масарика". Ни имени, ни официальной должности покойного не указано. Не говоря уже о каких-либо словах памяти о видном государственном деятеле Чехословакии. На отдельном листе с текстом сообщения Чехословацкого телеграфного агентства о кончине Я.Масарика скупая резолюция синим карандашом в левом углу: "С т. Вышинским. В печать + сообщить, что Сов. Пр-во выразило соболезнование. В.Молотов". (АВП РФ, ф. 06, оп. 10, п. 76, д. 720, л.3).

- ¹⁸ AMZV. Washington. Polit. zpráva č. 21. 23.03.1948.
- ¹⁹ AMZV. Paříž. Polit. zpráva č. 24. 11.03.1948.
- ²⁰ Kamiński M. K. Polska i Czechosłowacja w polityce Stanów Zjednoczonych i Wielkiej Brytanii. 1945—1948. Warszawa, 1991, s. 315.
- ²¹ FRUS. 1948, vol. IV, p. 751—758.
- ²² AMZV. Paříž. Polit. zpráva č. 24. 11.03.1948.
- ²³ ЦИТ.ЛО: Mezinárodní vztáhy. 1997, № 1, s. 75.
- ²⁴ AMZV. Washington. I periodická zpráva za leden-březen 1948. 672/res/31.03.1948.
- ²⁵ AMZV. Kabinet, č. 46213 (A). 7.03.1948.
- ²⁶ AMZV. Washington. Polit. zpráva č. 15. 28.02.1948.
- ²⁷ FRUS. 1948, vol. IV, p. 746.
- ²⁸ AMZV. Washington. Polit. zpráva č. 23. 26.03.1948.
- ²⁹ Foreign Affairs. July 1948, vol. 26, № 4, p. 632.
- ³⁰ Moulis V. Podivné spojení. K československo-sovětským politickým a hospodářským vztáhům mezi dubnem 1945 a únorem 1948. Praha, 1996, s. 76.

И.Билек (Чехия)

К ВОПРОСУ О СОВЕТИЗАЦИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ДО ФЕВРАЛЯ 1948 г.

Сложные процессы развития Чехословакии в 1945—1948 гг. все еще ждут своей объективной оценки. Это объясняется деформацией так называемой чехословацкой историографии после февраля 1948 г., а также недоступностью архивных материалов на протяжении всего существования коммунистического режима. Первые независимые исторические исследования по названному периоду были написаны в эмиграции, а также в период после 1989 г. Среди них доминирующее положение занимают документальные публикации и труды Карела Каплана, изданные в серии "Sešity" Институтом современной истории Академии наук Чешской Республики и напи-

санные на основе глубокого знания архивных документов, в первую очередь архива ЦК КПЧ¹. Эти труды дополняют наши знания целым рядом важнейших сведений, но все же и они не дают ответ на целый ряд принципиальных вопросов, в частности, на такие, как: особенности положения Чехословакии в Европе, характер политической системы Чехословакии до февраля 1948 г. и др.

Практически то же можно сказать и о военной историографии 1945—1948 гг. Вплоть до 1989 г. эта история трактовалась с позиций так называемой военной политики КПЧ, при этом главное внимание было уделено строительству вооруженных сил после февраля 1948 г., когда оно рассматривалось опять-таки в свете идеологии и задач КПЧ. Даже последние годы, когда интерес военных историков сконцентрировался на белых пятнах строительства и жизни армии после февраля 1948 г., в первую очередь на проблематике репрессий против офицерского корпуса и военнослужащих на действительной военной службе, не принесли в этом плане коренного перелома².

Не остается ничего другого, как признать, что и здесь мы находимся в начале пути и нам следует детально и объективно проанализировать состояние военного строительства в Чехословакии после войны во всей его глубине и сложности.

Об этом следует напомнить еще и потому, что говорить о проблеме советизации чехословацкой армии на каком-либо этапе ее послевоенного строительства непросто, так как неизвестен ряд основополагающих документов, которые, видимо, хранятся не в чешских, а в других военных и прочих архивах. Проблематично и само употребление термина “советизация” применительно к условиям военного строительства в Чехословакии или же ее армии. Думается, речь идет о двух весьма тесно взаимосвязанных вопросах:

1. В какой мере советское политическое и военное руководство могло оказывать влияние не только на строительство чехословацкой армии, но и ее возможное боевое применение?

2. Насколько далеко зашло создание чехословацкой армии по образцу Советской армии, иными словами, в какой мере соответствовали организация, дислокация, вооружение, боевая подготовка, система командования и связи и т.д. советским потребностям и положению, существующими в Советской армии?

Первую сферу можно назвать военно-политической, которую следует считать первоочередной и определяющей; вторая же — скорее военно-профессиональная и подчиненная, вытекающая из первой. Весьма сложным можно назвать и характер отношений между ними.

Попытаемся с учетом этих соображений рассмотреть проблему советизации чехословацкой армии в период с мая 1945 г. по февраль 1948 г. Чехословацкая армия — это, несомненно, вооруженные силы суверенного государства; решения по принципиальным проблемам ее строительства и возможного использования принимались чехословацкими органами в соответствии с положениями Конституции и других правовых норм: Президентом Республики как верховным главнокомандующим вооруженными силами Чехословакии, Национальным собранием и правительством, с одной стороны, и специальными органами, такими как Высший совет обороны государства, а также Межминистерский комитет обороны государства — с другой. Нельзя забывать о Министерстве национальной обороны и Генеральном штабе — высших, с военной точки зрения, исполнительных органах. Влияние политических партий на армию было значительно ограничено требованиями ее надпартийности, хотя этот принцип и не соблюдался в полной мере.

Таким образом, решения принципиальных вопросов военного строительства находились в компетенции чехословацких органов. Что касается политических партий, то они могли оказывать воздействие на это строительство двумя способами: легальным, то есть через влияние представителей этих партий в законодательных и исполнительных органах государственной власти, или же нелегальным — посредством работы членов партий непосредственно в армии. Надо признать, что многое по этому вопросу мы пока что не знаем, поскольку так называемая военная политика КПЧ, как и политика других партий Национального фронта в отношении армии, не являлась предметом критического анализа. Тем не менее ясно: не только коммунисты, но и национальные социалисты, лидовцы (представители народной, католической партии. — *Ред.*), социал-демократы и словацкие демократы пытались оказывать влияние на строительство армии двумя указанными способами.

На положение и внутреннее развитие Чехословакии все в большей мере оказывала влияние новая расстановка политических сил в Европе. Не только московское руководство КПЧ, но во все большей мере и чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне главную гарантию безопасности и независимости новой Чехословакии, а также гарантию неповторения Мюнхена видели в Советском Союзе, с которым Чехословакия в декабре 1943 г. подписала Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. То есть оно не могло не учитывать советские интересы, поскольку нуждалось в поддержке для реализации собственных потребностей

и интересов, таких как гарантия домюнхенских границ, выселение немецкого и венгерского меньшинства и др. Нельзя забывать и о том, что Москва в то время была единственным весомым союзником Чехословакии, с которым имелся подписанный союзный договор. Уже в мае 1945 г. ориентация на сотрудничество с СССР была в значительной мере необратимой и вопросом оставался только характер этого сотрудничества, а именно: чем будет Чехословакия для советской сверхдержавы — союзником или вассалом.

Из внешнеполитической ориентации республики вытекала и направленность ее военной политики. Главным потенциальным врагом все еще по-прежнему считалась Германия, а Советский Союз рассматривался в качестве основного гаранта того, что Германия не только не возродит свою военную мощь, но что Чехословакия и Польша с помощью СССР могут создать прочный барьер в случае немецкой экспансии. Важную роль здесь играла идея славянской взаимности, которая была в значительной степени возрождена опытом военных лет и которую Москва поддерживала в своих интересах.

Основные направления строительства новой республики и ее армии были определены Кошицкой правительственной программой, подготовленной в Москве в марте 1945 г. в ходе переговоров представителей чехословацкого внутреннего и зарубежного движения Сопrotивления. Кошицкая программа провозглашала главным курсом чехословацкой внешней политики самый тесный союз с Советским Союзом и практическое сотрудничество с СССР в политической, экономической, культурной и военной сферах. Что касается военной сферы, то правительственная программа подчеркивала: правительство рассматривает Красную армию в качестве образца строительства новой, действительно демократической, антифашистской чехословацкой армии; в интересах теснейшего боевого сотрудничества двух армий организация, вооружение и военное обучение в новой чехословацкой армии должны быть аналогичными существующим в Красной армии. Тем самым и задавались главные направления строительства чехословацкой армии после мая 1945 г., усиленные тем, что ее основой должен был стать 1-й чехословацкий армейский корпус в СССР вместе с другими зарубежными и отечественными вооруженными формированиями. Это означало одновременно окончательное решение главного спора о сути послевоенной чехословацкой армии, а де-факто и о дальнейшей направленности ее строительства. Видимо, нет необходимости напоминать о том, что чехословацкая военная часть в СССР, включая и персональное комплектование ее командного со-

става, создавались под сильным влиянием Москвы и московского руководства КПЧ.

Преемственность новой чехословацкой армии с военной частью в СССР проявилась не только в реорганизации 15 мая 1945 г. 1-го чехословацкого армейского корпуса в 1-ю чехословацкую армию, но и в том, что министром национальной обороны стал создатель и командующий чехословацкой военной частью в СССР генерал Людвик Свобода, а также другие офицеры части, занявшие в Министерстве национальной обороны и Главном штабе важные посты — такие как, например, Ярослав Прохазка, Бедржих Рейцин, Богумир Ломски и многие другие. Некоторые из них помимо этого по своему статусу являлись представителями армии и в государственных органах — так, Ярослав Прохазка был секретарем Военного совета при президиуме правительства. “Люди с Востока” заняли и другие важные посты — скажем, Войтех Эрбан, бывший офицер разведки 1-го чехословацкого армейского корпуса стал председателем военного комитета Временного национального собрания.

Можно лишь догадываться о степени советского влияния при подобном распределении постов, но, разумеется, оно не было малым. Такой вывод можно сделать, основываясь на реакции советских органов на попытки лондонского правительства передать все чехословацкие воинские части на освобожденной территории, включая и партизанские отряды, в подчинение генералу Антонину Гасалу, представителю верховного командующего чехословацкой армии генерала Сергея Ингра на освобожденной территории; это означало бы подчинение формирующейся чехословацкой армии военному командованию чехословацкого правительства в Лондоне. Советские политические органы и командование Красной армии однозначно не признали должности командующего освобожденной территорией, обосновывая свою позицию тем, что такая функция не была закреплена в соглашении от мая 1944 г. и генерал Гасал стал лишь неким посредником между командованием Красной армии и генералом Ингром с весьма ограниченными полномочиями. Это также явилось свидетельством того, что военные круги в Лондоне теряли возможность играть значимую роль в создании новой чехословацкой армии. Более того, еще в декабре 1944 г. Москва подвергла критике военную политику эмигрантского правительства, выступив в первую очередь против его предложений о персональном составе, в частности, относительно генерала Ингра. Видимо, лучше всех положение дел и их перспективу определил тогдашний чехословацкий посол в Москве Зденек Фирлингер в своей депеше в Лондон:

”... если мы хотим, чтобы наши отношения с СССР каким-то образом принципиально изменились, нам следует сделать следующие выводы: перестроить всю нашу военную организацию, вселив в нее новый дух, и приспособить нашу внешнюю политику к советским требованиям, которые советское правительство хотя зачастую и не формулирует конкретно, однако ожидает их выполнения”³.

С другой стороны, ситуация не была столь однозначной, поскольку вопрос о назначении ведущих военачальников находился в компетенции чехословацких органов, в первую очередь президента Эдуарда Бенеша, который проводил линию на сохранение преемственности новой чехословацкой армии с домюнхенской, кроме этого поддерживал курс на более значимую роль офицерского корпуса чехословацких западных частей. Результатом явилось то, что ни одной группе вплоть до февраля 1948 г. не удалось занять столь весомых позиций, чтобы самой определять направление строительства чехословацкой армии.

Это проявилось, в частности, в том, что попытки принять в качестве образца советскую модель наталкивались в армии на несогласие части командного состава, а сотрудничество проходило далеко не так, как себе это представляли советская сторона и чехословацкие коммунисты. Советский Союз предоставил чехословацкой армии ряд своих инструкций и служебных материалов, которые частично были переведены. К примеру, полевой устав Красной армии должен был изучаться командным составом, но практика была весьма отлична. Сопротивление встретило и стремление развивать военное мышление в духе советской военной науки, главным образом трудов М.В.Фрунзе. Чехословакия же продолжала вести разработки собственной военной доктрины, которая хотя и должна была основываться на союзе с СССР, но также базироваться и на идее Бенеша о “мосте между Востоком и Западом”. Безуспешно закончились и попытки организационных изменений — введение в чехословацкой армии советских организационных принципов — например, создание в октябре 1945 г. четырех мобильных дивизий свидетельствовало об однозначном возврате к домюнхенской армии. Влияние советских инструкторов в чехословацкой армии также оказалось не слишком успешным — их возможности были достаточно ограниченными, более того, их численность постоянно снижалась: с 86 человек в 1945 до 8 человек в конце 1947 г. Не наладилась и отправка чехословацких офицеров в военные учебные заведения СССР: если в 1946 г. на учебу уехали 28 офицеров, то в 1947 г. отправка на обучение в СССР была практически прекращена.

Единственная сфера, где наблюдались значительные успехи СССР, это сфера материально-технической помощи, в первую очередь поставки нового вооружения и боевой техники; здесь Чехословакия целиком и полностью зависела от советской помощи, и ее требования к СССР, учитывая концепцию строительства так называемой большой армии, были достаточно высокими. Но и здесь не удавалось реализовать главное требование — проведение унификации вооружения, так как армия имела на вооружении оружие и технику не только советского, но и британского, американского, немецкого и домюнхенского чехословацкого производства, более того, производство нового вооружения на чехословацких оружейных заводах не ориентировалось, за некоторыми исключениями, на унификацию.

Коммунистическая партия, выступавшая за тесное сотрудничество чехословацкой и советской армий, была одинокой в своих усилиях. Негативная позиция президента Бенеша и других политических партий помешали ей занять те ключевые посты в Министерстве национальной обороны, с помощью которых можно было бы реализовать свои намерения. Хотя компартия имела “своих людей” на ряде важнейших постов, но они находились под контролем окружения, ограничивавшего их возможности. Только в двух сферах КПЧ обеспечила доминантное и, по существу, не поддававшееся контролю положение — в военной разведке и в сфере воспитания и просвещения.

Управление военной разведки и контрразведки возглавлял бывший военный служащий 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР Бедржих Рейцин, под руководством которого произошла трансформация этого органа, собиравшего сведения о командном составе армии с целью их использования в будущем. Управление стремилось в первую очередь собрать компрометирующие материалы и на самых высших деятелей армии, а также приступило к составлению списков тех профессиональных военных, которым по разным причинам нельзя было доверять и которых необходимо было в будущем устранить. Оставим в стороне рассуждения о том, являлся ли Рейцин или отдельные его подчиненные — подобно другим деятелям армии — сотрудниками советской разведки, поскольку у нас пока нет доказательств на этот счет, но фактом остается то, что Управление проявляло интерес прежде всего к тем офицерам, которые не устраивали советскую сторону и уже задолго до февраля 1948 г. готовило их отставку. Однако нам пока неизвестно, в какой мере здесь можно говорить о сотрудничестве двух разведок в выполнении приказов из Москвы, а в какой

это явилось личной инициативой и даже стремлением свести личные счета.

КПЧ удалось настолько подчинить себе военную разведку, что она могла и до февраля 1948 г. использовать ее не только для реализации своего влияния на армию, но и для компрометации неудобных ей противников. После же прихода КПЧ к власти военная разведка стала одной из важнейших составных частей армии, которая фактически проводила кадровую политику, включая чистки офицерского состава.

Второй опорой КПЧ в армии стал корпус офицеров-политработников. Данная институция не была новой, “политпросвет” существовал еще в чехословацкой домюнхенской армии, а также в чехословацких воинских частях за рубежом, но коммунистам, благодаря Кошицкой правительственной программе, удалось придать политпросвещению и воспитанию новое содержание и обеспечить новые возможности, что позволило облегчить политическое и идеологическое влияние Советской армии. Это было связано с окончанием периода существования так называемой аполитичности армии: военнослужащие получили политические права, включая избирательное право и право быть членом политических партий, хотя заниматься политической деятельностью в служебное время и на воинских объектах было запрещено. Политработники в армии, среди которых было более 90% членов КПЧ, не столько оказывали влияние на солдат в антифашистском демократическом духе, как это фиксировалось в Кошицкой правительственной программе, сколько проводили свою работу прежде всего с учетом потребностей КПЧ и ее идеологии. Подобное злоупотребление служебной деятельностью для ведения политической агитации и пропаганды неоднократно подвергалось критике как в армии, так и в военном комитете Национального собрания, а также в правительстве. Но КПЧ не намеревалась сдавать позиции, и это ей удавалось.

Сфера воспитания и политпросвещения находилась под руководством Главного управления воспитания и просвещения, возглавлявшегося Ярославом Прохазкой, бывшим политработником в чехословацкой воинской части в СССР. Именно благодаря ему сфера просвещения была тесно связана с нелегальной сетью КПЧ в армии, налаженной вплоть до уровня роты и направляемой армейским командованием по партийной работе, которое подчинялось Центральной военной комиссии ЦК КПЧ во главе с Рудольфом Сланским. Все более тесные связи устанавливались также между внутриармейской секретной службой КПЧ и ее территориальными

органами, где появилась сеть военных комитетов и референтов. Одной из задач коммунистов в службах воспитания и просвещения воинских частей и других подразделениях армии было установление как можно более тесного сотрудничества с Советской армией, усвоение ее опыта, методов военной подготовки и т.д. Главному управлению воспитания и просвещения еще в 1945 г. удалось частично провести эту тенденцию даже в служебные предписания — директивы по морально-политическому воспитанию, просвещению и информации.

Военная разведка совместно с офицерами политпросвещения и коммунистами сравнительно точно отслеживали положение и настроения в армии как среди командного состава, так и рядовых срочной службы. Информации передавались руководству КПЧ, которое, таким образом, могло достаточно быстро и гибко корректировать свои конкретные шаги в отношении к армии и военного строительства. Несмотря на это, ей вплоть до февраля 1948 г. не удалось добиться значительных успехов в реализации советской модели при строительстве чехословацкой армии.

О том, что советская сторона связывала большие надежды в реализации своих планов именно с создаваемым коммунистами аппаратом воспитания и просвещения, создаваемого коммунистами, свидетельствует внимание, которое она ему уделяла главным образом с середины 1947 г., когда СССР приступил к созданию своей будущей империи. В этот период для ЦК ВКП (б) было подготовлено несколько информационных материалов, которые являлись составными частями более пространных аналитических документов о положении в Чехословакии и очень подробно описывали положение в чехословацкой армии, прежде всего в ее командном составе и среди рядовых срочной службы, и влияние коммунистов на их воспитание и позиции⁴.

Из анализа материалов, подготовленных Главным политическим управлением вооруженных сил СССР и сотрудниками аппарата ЦК ВКП(б) Л.Барановым, И.Медведевым и П.Гуляевым, которые следили за ситуацией непосредственно в Чехословакии, вытекает, что советская сторона выражала большое недовольство положением в чехословацкой армии и позициями коммунистов, а к чехословацкому командному составу испытывала значительное недоверие.

Ему ставилось в вину то, что в его составе есть и офицеры, которые “без борьбы сложили оружие перед немецкой армией, а также и такие, кто воевал в ее составе против Советской армии”. Большая часть офицерского корпуса, согласно мнению советской

стороны, стремилась при поддержке некоммунистических политических партий как можно сильнее преуменьшить роль морально-политического воспитания и значения аппарата просвещения, а также выступала против односторонней ориентации на дружбу и союз с СССР. Большие претензии имела советская сторона и к верховному командованию чехословацкой армии, в том числе и к министру Людвигу Свободе, который характеризовался как “человек, сидящий на двух стульях” и работающий на две партии: официально — на коммунистическую, а на деле — на национально-социалистическую. В информации констатируется, что “позиции коммунистов в армии не только не упрочились, но в последнее время возникли и новые проблемы. Антисоветская группа офицеров значительно увеличилась после прибытия большого числа офицеров из Англии, которые усилили позиции реакции в высшем и среднем командном составе армии”. Это, а также незначительные усилия, прилагавшиеся КПЧ, чтобы занять решающие позиции в государственном аппарате, являлось, по мнению советских эмиссаров, причиной того, что коммунисты сдают свои позиции. О том, какие директивы и указания были получены КПЧ в середине 1947 г. из Москвы, пока можно только догадываться. Однако уже на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ Клемент Готвальд поставил задачи: “искоренить во внешней политике все явления, тенденции и действия, которые могли бы ослабить наши союзнические отношения с Советским Союзом”; “против вредителей, саботажников и агентов внутренней и внешней реакции во всем мире вести непримиримую борьбу не только политическими, но и административными методами”⁵.

КПЧ начала подготовку к форсированию захвата власти в Чехословакии, что не могло не проявиться и в армии, где активизировались не только разведка и органы воспитания и просвещения, но также и нелегальная сеть коммунистов. Их задачей стало не допустить участия армии в решении политического кризиса, добиться нейтралитета армии в решающие моменты борьбы за власть, поскольку КПЧ не могла положиться на большинство командного состава. Поэтому КПЧ стремилась вывести армию из игры, но одновременно с помощью своих членов и приверженцев на разных уровнях командования готовила ее к тому, чтобы в случае необходимости поддержать борьбу КПЧ за власть и военными методами. Был разработан план использования некоторых соединений и изоляции части командного состава.

Говорить о советизации чехословацкой армии до февраля 1948 г. в высшей степени проблематично, поскольку этот процесс далеко не

продвинулся и во всем объеме не реализовался. Тем не менее можно проследить некоторые попытки советизации как на военно-политическом, так и профессиональном уровнях; вследствие объективных и субъективных факторов развития чехословацкого общества и армии, они не удавались и не удовлетворяли советскую сторону и чехословацких коммунистов. Однако они создали предпосылки для процесса советизации армии после февраля 1948 г., хотя нельзя сказать, что и этот процесс был с самого начала простым. Если возможность СССР направлять строительство чехословацкой армии и возможность реализации этого с февраля 1948 г. не подвергались сомнению, то в военно-профессиональной сфере советская модель внедрялась с трудом и это внедрение постоянно сталкивалось с несогласием довольно значительной части командного состава. Только в 1948—1949 гг. после проведения в командном составе чисток и прихода в апреле 1950 г. в Министерство национальной обороны нового руководства во главе с А.Чепичкой смогла начаться реальная и очень жесткая советизация чехословацкой армии, которая приобретала в отдельные периоды даже абсурдные формы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: Kaplan K. Československo. 1945-1948. Mnichov. 1985; Idem. Československo a Maršallův plán. Sb. dokumentů. Pr. 1992; Idem. Kadrová nomenklatura KSČ. 1946—1956. Sb. dokumentů. Pr. 1992; Idem. Pražské dohody. 1945-1947. Sb. dokumentů. Praha. 1992; Idem. První povalečná vláda. Pr. 1993 etc.
- ² См., например: Vojenské osoby odsouzené státním soudem Praha, Brno, Bratislava v letech 1948—1952. Historický Ústav čsl. armady. 1992; Destrukce čsl. důstojnického sboru po únoru 1948. Historický ústav AV ČR. 1993; práce J. Bileka (Plzeň, 1996).
- ³ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 2. Pr., 1948, s. 481.
- ⁴ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории., ф. 17, оп. 128, д. 250. 4.IV.47.
- ⁵ Gottwald K. 1946—1948. Bratislava, 1949, s. 331.

Т.В.Волокутина (Россия)

ФЕВРАЛЬ 1948 г. В ЧЕХОСЛОВАКИИ И СУДЬБЫ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ*

Оценить влияние февральского кризиса 1948 г. в Чехословакии на судьбы восточноевропейской социал-демократии нельзя без

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 97—01—00308).

хотя бы краткого рассмотрения наиболее характерных процессов, развивавшихся в международном социалистическом движении в первые послевоенные годы. Тогда среди социалистов доминировало стремление к единству рабочего класса. В сентябре 1945 г. была создана Всемирная Федерация профсоюзов, объединившая в своих рядах профсоюзы коммунистической, социал-демократической и прочих ориентаций. Активно набирал силу процесс консолидации европейских социалистических партий под лозунгом восстановления Рабочего Социалистического Интернационала (РСИ). На протяжении 1944-1946 гг. вопрос о возрождении РСИ неизменно дискутировался на встречах и совещаниях социалистов в Лондоне, Кляконе, Париже, Борнмуте, Праге. Сам этот факт свидетельствовал о наличии среди социалистов значительных расхождений, которые, в конечном счете, упирались в вопрос об отношении к национальным компартиям. Занимавшая ведущие позиции в соцдвижении Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) стремилась, по оценке английских исследователей В. Патерсона и Й. Кэмпбелла, "предотвратить слишком тесное сотрудничество с коммунистами"¹.

В указанные годы ясно определилась тенденция со стороны ведущих европейских социалистических партий к оттеснению и определенной изоляции той части социал-демократии, которая позитивно оценивала идею сотрудничества с коммунистами и реализовывала ее на практике в рамках национальных, народных и отечественных фронтов. Примером может служить факт строгого отбора приглашаемых на социалистические конференции. На встречу в Лондоне (декабрь 1944 г.) не получила приглашение румынская делегация, а в Кляктон (май 1946 г.) оказался закрытым путь для болгарских социал-демократов. Естественно, это было не случайным. Хотя руководству Социал-демократической партии Румынии объяснили, что их западные коллеги опасались возникновения "неприятностей" по возвращении делегации на родину², а болгар заверили, что встреча в Кляктоне является сугубо "информационной", и присутствие всех партий не предусматривается³, все это являлось не более чем отговоркой. Английская "Эдинбург Ивнинг Ньюс" в мае 1946 г. констатировала, что социал-демократические партии Болгарии и Румынии "считались слишком левыми"⁴. Заметим, что уже в августе 1946 г. на Парижскую конференцию социалистов приглашение получила вышедшая из состава Отечественного фронта оппозиционная Болгарская рабочая социал-демократическая партия (объединенная), не признававшаяся болгарскими коммунистами, но

теперь уже официальные органы страны воспрепятствовали выезду ее представителей в Париж, отказав в выдаче виз⁵.

Факты дискриминации отдельных восточноевропейских социал-демократических партий послужили одной из причин, по которым последние решили укрепить взаимные связи. Крайне важно также учесть, что к 1946 г. определилась четкая позиция ведущих социалистических партий Запада по вопросу о сотрудничестве с социал-демократической партией Германии во главе с К. Шумахером. Это вызывало серьезное беспокойство прежде всего польских социалистов и чехословацких социал-демократов, которые видели для своих стран опасность проявления в будущем “германского фактора”, а также “недружелюбия” по отношению к СССР.

Руководители польской и чехословацкой социал-демократии стали инициаторами созыва в декабре 1946 г. в Праге конференции социалистов Центральной Европы с участием представителей Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии и Австрии. Речь на этой встрече шла об установлении такого уровня взаимодействия социалистов указанных стран, чтобы на будущих международных конференциях “выступать единым фронтом против социал-демократов Германии и их сторонников. В беседе 9 декабря 1946 г. с советником посольства СССР в Варшаве В.Г. Яковлевым генеральный секретарь ЦИК Польской социалистической партии (ППС) Ю. Циранкевич подчеркивал: “Опыт первых международных встреч представителей социалистических партий после войны показал необходимость создания единого блока прогрессивных социалистических партий Польши, Чехословакии и других стран”⁶. Тем не менее решительность Циранкевича и, главное, идею блока разделяли не все участники встречи в Праге. Лидер чехословацких социал-демократов З. Фирлингер, например, резко осудил политику формирования любых блоков “географического или идеологического характера”, в том числе и социалистического блока, “который напоминал бы II Интернационал...”⁷ Большинство делегатов не поддержали и австрийских представителей, выдвинувших среди прочих тезис: социалисты ни с Востоком, ни с Западом, они против капитализма и коммунизма, сотрудничество с коммунистами не является необходимым⁸.

В целом, отбросив крайние точки зрения, и Пражская, и последовавшая за ней в мае 1947 г. Будапештская конференции (в Будапеште круг участников был расширен за счет приглашения делегации БРСДП) выявили “открытость” как Западу, так и Востоку. Венгерский представитель А. Сакашич, в частности, заявил: “... Мы

верим в СССР, в великие и красивые стремления Лейбористской партии, а также и рабочим партиям всех стран”⁹.

В 1947 г. ситуация в международном рабочем движении серьезно обострилась. Конфронтация великих держав, приобретая к осени законченный вид противостояния двух блоков, опускавшийся “железный занавес” непосредственно отразились и на состоянии дел в рабочих партиях. “Холодная война” поставила их перед необходимостью более четко определить свои позиции и, несомненно, углубила имевшиеся трещины в международном рабочем движении, ускорила процесс его поляризации. Английский лейборист Д. Вейзи так оценивал создавшуюся ситуацию: “К середине 1947 г. положение выглядело почти безнадежным. Увеличивалась опасность, что коммунисты могут победить на выборах в Италии и что мощная французская коммунистическая партия придет к власти в стране. Тяжелое экономическое положение Великобритании и страх потери Греции привели к принятию плана Маршалла. Поэтому социал-демократы должны были подготовиться к новому периоду — усилению военных и экономических связей с США...”¹⁰. Эту точку зрения разделяют и французские исследователи. Они отмечают, что лидеры большинства западных социал-демократических партий, восприняв план Маршалла, были вынуждены фактически солидаризироваться с доктриной “сдерживания” коммунизма, которая в накаленной международной обстановке не могла не быть расценена противоположной стороной как стремление “заставить отступить все формы социализма”¹¹. Попытки социалистов Запада сформировать в этих условиях представление о демократическом социализме как “третьей силе” или “третьем пути” развития с тем, чтобы на этой основе “укрепить узы мировой социалистической солидарности”¹², не могли коренным образом изменить положение. Ориентация западных стран на США фактически предопределила провал замысла объединить европейские социалистические партии на платформе демократического социализма. Со своей стороны, страны Восточной Европы, вошедшие в сферу интересов СССР, испытывали на себе воздействие “советского фактора”, хотя, как показывают новейшие исследования, роль его в регионе нельзя рассматривать однозначно и однонаправленно. В противном случае не избежать упрощения, а, следовательно, и искажения картины прошлого. Таким образом, формирование блоковой структуры мира самым непосредственным способом отразилось на положении дел в социалистическом движении. Сильный резонанс на Западе вызвало создание в сентябре 1947 г. Ин-

формационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ). Социалисты большинства стран справедливо угадали в новой организации “возрождение Коминтерна”. Газеты предсказывали образование до конца года “левого Социнтерна” со штаб-квартирой в Праге, “Коминтерна Западного Полушария” и “Коминтерна Дальнего Востока”¹³. В качестве противодействия в западной прессе предлагалось ускорить восстановление Социнтерна. В сложившихся условиях вхождение восточноевропейских социалистов и социал-демократов в РСИ выглядело весьма проблематичным.

10 января 1948 г. по инициативе французских социалистов и английских лейбористов была созвана конференция социалистов стран, принявших план Маршалла. В противовес ей руководство ППС и итальянские левые социалисты предприняли попытку создать международную организацию левых социалистов. 9 января в Варшаве Ю. Циранкевич обсуждал этот вопрос с З. Фирлингером¹⁴.

Встает вопрос, была ли инициатива ППС целиком самостоятельной? К сожалению, ясного ответа известные автору документы не дают. Интересно, однако, что еще осенью 1947 г. поляки провели зондаж югославского руководства. 20 октября заместитель председателя Сейма левый социалист Ст. Швальбе встретился с Й. Б. Тито и в ходе беседы высказал мысль о целесообразности созыва конференции левых социалистов европейских стран. Тито поддержал это намерение и в тот же день информировал о состоявшейся беседе советского посла в Белграде А. И. Лаврентьева. Запись беседы Лаврентьева с Тито сохранилась в материалах секретариата министра иностранных дел В. М. Молотова¹⁵, то есть дошла до верхов советского руководства. Понятно, что сама идея раскола социалистов на правых и левых, поддержка до определенного времени одних и компрометация других была не нова и, если и не исходила в данном случае из Москвы, то не могла не получить ее одобрения.

Таким было, вкратце, положение в социалистическом движении накануне февральских событий 1948 г. в Чехословакии. На наш взгляд, можно констатировать, что это положение отличалось значительной определенностью: соцдвижение было фактически уже расколото в соответствии с осуществившимся разделением мира на два блока, два лагеря. Февраль 1948 г., по существу, лишь поставил последнюю точку в этом процессе. Позднее, в конце 60-х годов, видный деятель австрийского и международного социалистического движения Ю. Браунталь подчеркивал, что события февраля “разрушили все мосты взаимопонимания рабочим движением демокра-

тического социализма и коммунистическим движением”¹⁶. Итоги политического кризиса в Чехословакии были расценены на Западе как фактическое установление в стране диктатуры пролетариата, а действия левых сил социал-демократии — как внутреннее предательство. Именно эти формулировки содержались в специальном заявлении ЛПВ от 2 марта 1948 г. Лейбористское руководство подчеркивало, что страна стала жертвой внешней агрессии, народ сломен, а национальное единство разбито. С этих исходных позиций ситуация в стране анализировалась и на Лондонской конференции Международного социалистического консультативного комитета (КОМИСКО) в марте 1948 г.

В ответ Президиум Чехословацкой социал-демократической партии (ЧСДП) принял ряд документов, преследовавших цель опровергнуть обвинения лейбористов. Эти документы были разосланы другим социалистическим партиям. Особый упор авторы документа делали на отрицании наличия в стране диктатуры меньшинства. После февраля, подчеркивали они, “правительство было изменено парламентскими методами с одобрения главы государства — президента Бенеша, который известен не только своей конституционной позицией, но и моральным авторитетом (так в тексте. — Т.В.) и философскими устремлениями при применении демократических методов и укреплении основ Чехословацкой республики”. Руководство партии констатировало, что социальное движение раскололось: силам реакции противостоят социалистические партии, “оставшиеся верными принципам научного социализма и созидательного строительства, нашедшим выражение в создании революционной народной демократии”. Отношение к недавним событиям в Чехословакии, выраженное на социалистической конференции в Лондоне в марте 1948 г., лишь укрепляет наше убеждение, что дальнейшее участие чехословацкой социал-демократии в КОМИСКО “возлагает на нас ответственность за предательство рабочего класса”¹⁷.

С аналогичными заявлениями выступило и руководство ППС. 22 марта 1948 г. в специальной Декларации, разосланной социалистическим партиям, оно констатировало, что большинство социалистических партий Европы пошло “по пути компромисса с консервативными общественными силами и международной реакцией”, разрушения единства рабочего класса, атак против левого крыла международного социалистического движения. Наиболее ярким примером тому стали, по мнению ППС, отношение большинства социалистических партий Западной Европы к февральским событиям в

Чехословакии и “открытая атака” на чехословацкую социал-демократию, а “венцом этой политики явилась поддержка... плана Маршалла и активное участие... в создании военного союза пяти западноевропейских стран”. Особое опасение ППС вызвало “разрушение системы безопасности и мира после войны, основанной на Потсдамских соглашениях”, и проблема экономического восстановления Западной Германии, которую поляки считали “источником опасности новой агрессии”. Критику польской стороны вызвало отношение большинства социалистических партий к СССР и странам народной демократии. “... Политика слепой ненависти к СССР понемногу распространяется и на страны народной демократии, — отмечалось в документе, — где после войны осуществились подлинные революции и где рождаются новые, прогрессивные формы общественной организации, открывающие путь к социализму”. Оценивая участие ППС в послевоенном социалистическом движении, руководство партии заявило, что считало своим долгом таким путем “влиять как можно дольше на социалистические партии в плане изменения их политики в подлинно социалистическом духе, а также восстановить единство рабочего движения”. Но к моменту принятия данной Декларации стала очевидной “бесполезность” этих усилий. Декларация ППС констатировала углубление раскола рабочего движения, ответственность за которое возлагала на руководство большинства социалистических партий Западной Европы. Более категорично, чем чехословацкая социал-демократия, ППС обвиняла западные социал-демократии в разрушении любого сотрудничества с социалистическими партиями Восточной Европы, исповедывавшими принципы марксизма и наиболее последовательно реализовывавшими идею единства рабочего класса. Исходя из всего вышесказанного, руководство ППС заявило, что “ее участие в международных конференциях, организованных КОМИСКО, более не имеет смысла”. В то же время ППС специально подчеркнула свою готовность сотрудничать с “социалистическими рабочими массами всего мира”, “помочь им в их борьбе против наступления капитализма и реакции”. Достижение “подлинного рабочего единства” руководство ППС связывало с освобождением рабочих от влияния правых социалистов и выразило свою твердую уверенность, что этот час наступит¹⁸.

Столь решительная позиция ППС в поддержку чехословацкой социал-демократии и явно согласованные действия двух партий становятся более понятными, если учесть ту роль, которую сыграли пэпэсовцы в дни февральского кризиса. В статье Г.П.Мурашко

(см. настоящий сборник) вкратце сказано об этом. Хотелось бы лишь несколько дополнить приведенные там сведения.

Итак, 21 — 25 февраля 1940 г. в Праге со специальной миссией находилась делегация ППС в составе К. Русинека, А. Рапацкого, Х. Яблоньского и С. Арского. Главной ее задачей было повлиять на руководство ЧСДП “в духе левосоциалистической и революционной политики”. В АВП РФ хранятся заключение о работе делегации (на польском языке)¹⁹ и аннотация докладной записки членов делегации (на русском языке), из которых видно, что решение об отправке делегации было принято высшим руководством ППС накануне, 20 февраля. Основным побудительным мотивом, как следует из документов, явилось опасение, что ситуация в ЧСДП после съезда в Брно (ноябрь 1947 г.), принесшего усиление позиций правых в партии, “немыслима с точки зрения левого социализма”, что в этих условиях она “с легкостью может оказаться... в лоне оппортунизма и попытаться сыграть роль “третьей силы”²⁰.

Активная деятельность поляков в Праге, неоднократные встречи и консультации с руководителями КПЧ К. Готвальдом, Р. Сланским, Я. Доланским свидетельствуют о том, что ее действия инициировались ППР и, возможно, осуществлялись с согласия Москвы. Имеющиеся в нашем распоряжении документы подтверждают лишь первый вывод: в обзоре внутривластного развития Польши за 1948 г. посол В. З. Лебедев прямо указал, что делегация отправлена “по совету руководства ППР”²¹. На некоторые размышления наводит информация, содержащаяся в материалах АВП РФ. 20 февраля 1948 г. секретарь ЦК ППР Я. Берман сообщал советнику посольства СССР в Варшаве В. Г. Яковлеву о том, что в тот же день должен состояться разговор В. Гомулки с Ю. Циранкевичем. “Гомулка намерен рекомендовать ему направить в Прагу Арского (редактор п[ечатного] о[ргана] ППР “Роботник”) с письмом Циранкевича к Фирлингеру. Возможно, Берут пошлет какое-то послание Бенешу. Однако последнее еще не решено”, — записал Яковлев в своем дневнике²². Остается неясным, по своей ли инициативе или с подсказкой Москвы поляки трансформировали первоначальный план: в Прагу направилась целая делегация ППС. Известно другое — ее задачи были весьма многоплановыми. В отчете делегации они сформулированы следующим образом: 1) склонить руководство социал-демократической партии к немедленным переговорам с КПЧ; 2) вынудить его перейти с позиции нейтралитета “на другую сторону баррикады”; 3) пригрозить Бенешу и правым, что в случае их дальнейшего сопротивления социал-демократы безоговорочно поддержат КПЧ;

4) добиться прекращения репрессий против левых социал-демократов; 5) отказаться от выжидательной позиции и принять активное участие в происходящей схватке на стороне активизирующихся рабочих масс; 6) склонить руководство социал-демократической партии к анализу сложившейся ситуации с точки зрения ее революционности и формулирования собственной позиции; 7) подорвать у правых лидеров социал-демократии уверенность в себе и их моральный дух и припугнуть последствиями их сопротивления революционной волне; 8) вбить клин между правыми и центром, перетянуть колеблющихся на сторону “левицы”²³. Нельзя не обратить внимание на весьма характерную лексику документа: “припугнуть”, “пригрозить”, “вынудить”, отражавшую готовность к силовому воздействию в принципе не совсем типичному для социал-демократии. Объяснить этот факт, думается, можно наличием в обществе после второй мировой войны своего рода силового “синдрома”, то есть привычки разрешать сложные вопросы, прибегая к действию силы. На это обстоятельство, кстати, обращено внимание исследователей²⁴.

Судя по развитию кризиса и процессам, протекавшим в среде чехословацкой социал-демократии, делегации ППС удалось содействовать расколу в руководстве социал-демократической партии, а также укреплению позиции левых. При активном участии Русинька и Арского, проводивших по просьбе Готвальда переговоры с Лаушманом, Немцем и Эрбаном, удалось добиться реорганизации руководства, удалив из его состава Мейера, Вилима и Бернарда. Свою роль делегация оценила достаточно высоко, особенно подчеркивая, что ей удалось не только “нейтрализовать в партии влияние Ги Молле (генерального секретаря Французской социалистической партии. — Т.В.), который, находясь неделей раньше в Праге, склонял руководство партии действовать в духе “третьей силы”, но и продемонстрировать “пригодность левосоциалистических принципов в ходе разрешения политического кризиса”, принципов, давших возможность революционного выхода из него при условии единства действий обоих отрядов рабочего движения²⁵. Вышеприведенная оценка интересна еще и с той точки зрения, что позволяет зафиксировать факт нажима на чехословацких социал-демократов со стороны французских социалистов.

Думается, что у лидеров КПЧ были основания испытывать удовлетворение от итогов визита польской делегации, а роль последней в Праге, видимо, не была чисто “символической”, как констатировал посол В.З.Лебедев, подчеркивая, что делегаты “приписали себе солидную долю успеха”²⁶.

Несомненно, миссия ППС не осталась тайной для Запада, и судьба польских социалистов была окончательно решена. 12 марта 1948 г. Я. Берман сообщил В. Г. Яковлеву о том, что, по сведениям из Лондона, “лейбористы готовятся выступить с предложением исключить из Международной социалистической организации социалистические партии стран народной демократии”. “Руководство ППР, — подчеркнул Берман, — предупредило Циранкевича, что для ППС лучше не ждать, когда ее выбросят, а, выбрав удобный момент, самой заявить о выходе. Циранкевич изучает его предложение”²⁷.

Дальнейшие события показывают, что предложение было изучено и принято. Заявление руководства ППС о фактическом разрыве с КОМИСКО предстает как превентивная мера польской стороны, направленная на то, чтобы избежать участи Итальянской социалистической партии, исключенной в марте 1948 г. из этой организации.

В начале 1948 г. в странах Восточной Европы усилился процесс концентрации власти в руках коммунистов. Предлагая “прибавить шаг”, национальные коммунисты стремились укрепить позиции левых в руководствах социалистических и социал-демократических партий при одновременном ослаблении и вытеснении правых. Объективно эти действия были направлены на интенсификацию объединительного процесса, то есть создания единых рабочих партий. Еще в начале февраля 1948 г. один из лидеров венгерских левых социал-демократов Д. Марошан жаловался в советском посольстве в Будапеште, что руководители компартии торопят его с чисткой партии от правых элементов. А 18 февраля, воспользовавшись отъездом лидера социал-демократической партии Венгрии (СДПВ) А. Сакашича в Москву в составе правительственной делегации, Марошан и его сторонники собрали пленум ЦК СДПВ, исключили из партии 35 наиболее последовательных правых (Кетли, Бан, Кишхази и др.) и объявили о созыве чрезвычайного съезда для решения вопроса об объединении с компартией. Фактически в партии был произведен переворот. Выбор Марошана в качестве нового лидера был не случайным. Руководство компартии не устраивала фигура центриста Сакашича, защищавшего лозунг “мир в партии любой ценой”. Как свидетельствуют документы, критическое отношение к Сакашичу сложилось и в Москве, где считали, что он не желает вести решительную борьбу с правыми²⁸.

По аналогичному сценарию развивались события в Болгарии, где в феврале 1948 г. также наблюдалась активизация левых в социал-демократической партии. Группа З. Митовского, временно

блокировавшись с правыми и пуская в ход прямые угрозы, воспользовалась пребыванием в Бухаресте лидеров партии Д.Нейкова и Г.Попова и 21 февраля заняла партийный Олимп. Митовский не постеснялся открыто объявить, что “указание о замене Нейкова он получил от Рабочей партии”²⁹.

Временная “нестыковка” этих событий и решающей фазы кризиса в Чехословакии не дает основания для вывода о том, что на положение в социал-демократических партиях Венгрии или Болгарии повлияли чехословацкие реалии. Скорее, наоборот: чехословацкие социал-демократы, наблюдая за процессами в братских партиях стран, регионов, их направленностью, ходом и темпами, не могли не проецировать все это на себя.

Если же говорить о влиянии февраля 1948 г. в Чехословакии на социал-демократию Восточной Европы, то оно, на наш взгляд, было морально-психологического порядка. Факты свидетельствуют, что, по существу, был сломлен А.Сакашич, согласившийся сделать доклад на будущем съезде партии по тезисам, подготовленным левыми социал-демократами, и последовательно выступать за объединение рабочих партий³⁰. Излишне говорить, что тезисы были согласованы с руководством компартии. 11 марта 1948 г. на конфиденциальном совещании с лидерами ППР Ю.Циранкевич обязался выступить перед активом Варшавской организации ППС с новыми установками и, в частности, выдвинуть задачу осуществления на практике соглашения о Едином Фронте рабочих партий в Польше³¹. Частично о том, какие чувства испытывал в то время Циранкевич, узнаем из письма посла Лебедева В.М.Молотову от 30 марта 1948 г. Советский дипломат так передал слова Циранкевича: “Обстановка в отношениях (так в документе. — Т.В.) между ППР и ППС отчаянная... ППР проводит бешеными темпами работу по массовому перетягиванию рабочих из ППС в ППР. Видимо, руководство ППР намерено еще до объединения свести ППС на нет, оставить руководство без армии. Это нечестная политика. Я не желаю быть куклой Гомулки в ППС. Пусть он проводит объединение с Матушевским. Я вижу только один выход из положения — это обратиться за помощью к т. Сталину...” Судя по письму, Циранкевич всерьез раздумывал об отставке с поста премьер-министра; “настроение” у него подавленное, и он даже поговаривает о ... Масарике (отточие документа. — Т.В.), т.е. о самоубийстве”, — отметил Лебедев³².

Из документов явствует, что немало социалистов и социал-демократов были в то время настроены довольно оптимистически по

отношению к перспективам объединения рабочих партий. Прозрение ко многим из них придет позже, проявившись в глубокой депрессии и так называемом пассивном сопротивлении: слабой активности, уклонении от уплаты членских взносов, неявке на партийные собрания и проч.

Последним международным форумом, в котором участвовали социалисты и социал-демократы Восточной Европы, явилась конференция левых социалистических партий, состоявшаяся в июне 1948 г. в Варшаве. В ее работе участвовали делегации Венгрии, Чехословакии, Польши, Италии, представители Финляндской социалистической партии единства и Социалистического движения демократического единства Франции (“Батай-социалист”). Судя по материалам конференции, на ней обсуждались сравнительно узкие вопросы: обоснование роли современных левых социалистов в осуществлении единства действий рабочего класса, критика правых, определение причин “банкротства Социнтерна”. В общей резолюции конференции подчеркивалось, что левые остались верны идеалам “революционного социализма”, в то время как правые изменили им, превратились в “третью силу” империализма, роль которой сводится к расколу рабочего класса. КОМИСКО характеризовалось как “инструмент раскола и угнетения рабочего движения”.

Варшавская встреча продемонстрировала наличие у ее участников определенных иллюзий относительно идейного облика будущих единых партий рабочего класса. В докладе лидера итальянских социалистов Л. Бассо, в частности, подчеркивалось, что в странах народной демократии “режим двух партий рабочего класса, связанных пактом о единстве действий, уступает место новой партии, которая является синтезом двух партий рабочего класса и политика которой может удовлетворить всем требованиям. В этих условиях объединенная партия сохраняет все наиболее жизненное из двух движений и прекращает соперничество, всегда существующее при наличии двух партий...” Такое состояние Бассо определил как “момент органического единства”, отметив, что в Западной Европе, где рабочий класс не находится у власти, такой момент еще не наступил, что диктует иную задачу — единство действий³³.

Таким образом, объединение рабочих партий мыслилось как естественный процесс интегрирования, заимствования из их теоретического и идейно-политического “багажа” всего наиболее жизненного, целесообразного, нужного для создания социалистического общества. В общем виде это, по мнению левых, дало бы возможность сочетать революционные и эволюционные методы действия

на пути к новому строю. Жизнь, однако, очень скоро развеяла эти иллюзии.

Варшавская конференция преследовала, по всей видимости, конкретную цель: продемонстрировать мировому сообществу, что социалистические и социал-демократические партии Восточной Европы существуют как вполне самостоятельные, что они имеют возможность проявить себя в международном масштабе, определяясь как левые и отделяя себя, таким образом, от правых партий будущего Социинтерна. Насколько убедительны были эти действия? Думается, что никого на Западе конференция обмануть не могла, резонанс ее был невелик. Социалистические партии в Восточной Европе стремительно шли к закату, отсчитывая последние месяцы, а кое-где и недели своего существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Paterson W., Campbell J. *Social-Democracy in Post-War Europe*. London, 1971, p. 19.
- ² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 128, д. 900, л. 38.
- ³ Централен партиен архив при Българската социалистическа партия (далее — ЦПА при БСП), ф. 205, оп. 3, а.е. 573, л. 57.
- ⁴ Цит. по: Сибилев Н.Г. *Социалистический Интернационал: История. Идеология. Политика*. М., 1980, с. 20.
- ⁵ Свободен народ. 1946. 28.VIII.
- ⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ), ф. 0122, оп. 28, п. 201, д. 9, л. 90.
- ⁷ Там же, ф. 077, оп. 27, п. 120, д. 4, л. 15, 32.
- ⁸ Там же, ф. 0138, оп. 28, п. 140, д. 3, л. 51—53.
- ⁹ РЦХИДНИ, ф. 575, оп. 1, д. 59, л. 215, 213.
- ¹⁰ Vaizy I. *Social-Democracy*. London, 1971, p. 167, 172.
- ¹¹ *L'Histoire générale du Socialisme*. Т. IV. 1945 à nos jours. Paris, 1978, p. 22.
- ¹² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 1137, л. 149.
- ¹³ Там же, л. 30.
- ¹⁴ Там же, д. 484, л. 50.
- ¹⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 9, п. 82, д. 1285, л. 17.
- ¹⁶ Braunthal J. *Geschichte der Internationale*. Bd. III. Hannover, 1971, s. 234.
- ¹⁷ ЦПА при БСП, ф. 205, оп. 3, а.е. 583, л. 78—80.
- ¹⁸ Там же, а.е. 576, л. 43, 44.
- ¹⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. I. 1944—1948 гг. М., Новосибирск: 1997, с. 770—775.
- ²⁰ АВП РФ, ф. 0122, оп. 30, п. 214, д. 5, л. 45.
- ²¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 484, л. 50.
- ²² Восточная Европа в документах... С. 769.
- ²³ АВП РФ, ф. 0122, оп. 30, п. 214, д. 5, л. 51-52.
- ²⁴ См., например, Чубарьян А.О. Происхождение «холодной войны» в историографии Востока и Запада // Новая и новейшая история, 1991, № 3, с. 65.

²⁵ АВП РФ, ф. 0122, оп. 30, п. 214, д. 5, л. 56, 57.

²⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 484, л. 50.

²⁷ Восточная Европа в документах... С. 781.

²⁸ РЦХИДНИ, ф. 575, оп. 1, д. 14, л. 192.

²⁹ АВП РФ, ф. 074, оп. 37, п. 142, д. 13, л. 59.

³⁰ Там же, ф. 077, оп. 29, п. 132, д. 12, л. 14.

³¹ Восточная Европа в документах... С. 780.

³² РЦХИДНИ, ф. 82, оп. 1, д. 1301, л. 9, 10.

³³ Там же, ф. 17, оп. 128, д. 483, л. 25, 26.

А.С.Стыкалин (Россия)

ПРОПАГАНДА СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Вторая мировая война повлекла за собой существенные изменения в сознании населения европейских государств, переживших долгие месяцы гитлеровской оккупации и террора. Особенно характерным было резкое усиление германофобии в странах Центральной Европы, на которое постоянно обращали внимание в своих донесениях советские эмиссары¹. В этих условиях послевоенный курс чехословацкого и польского правительств на переселение трех миллионов судетских немцев в Германию пользовался решительной поддержкой населения этих стран.

Опыт военных лет не мог не способствовать переоценке многих ценностей, корректировке прежних представлений чешской и словацкой интеллигенции о культурной ориентации своих наций, о их месте в Европе. Стремление дистанцироваться от той традиции, которая ориентировала на близость с Германией, не ограничивалось лишь сугубо политической сферой. В чешской публицистике первых послевоенных лет, и отнюдь не только коммунистической, остро и подчас с некоторыми полемическими перехлестами поднимался вопрос о том, сколь негативные последствия для национального развития чехов имело в разные века соседство их земель с немецкими. Германскому воздействию противопоставлялись как более благотворные другие культурные влияния — западные (из Франции и англо-саксонского мира) и восточные. Духовная атмосфера в чешском обществе первых послевоенных лет располагала к весьма заметному оживлению в национальном сознании славянской идеи, что учитывали и умело использовали в своих политических целях коммунисты.

Известно, что в 1945 — 1946 гг. в прессе и на различных интеллектуальных форумах (прежде всего на съезде писателей летом 1946 г.) развернулась дискуссия о путях развития чешской и словацкой культур. Она далеко переросла рамки события собственно культурной жизни, поскольку за каждой из заявленных позиций явственно проступали определенные политические предпочтения. Начало дискуссии было положено докладом министра культуры коммуниста З.Неедлы в мае 1945 г. на собрании работников культуры в Праге. “Чехословакия, — по мнению Неедлы, — после войны... будет играть гораздо более значительную роль в международном масштабе, чем прежде... Но это невозможно без совершенно четкой культурной ориентации” на Восток, на Советский Союз². Далеко не все участники дискуссии согласились с главным оппонентом коммунистов, тяготевшим к национально-социалистической партии публицистом В.Черным, по мнению которого “западный характер чешского духа и чешской культуры не есть проблема, которую можно было бы ставить, не есть предмет для дискуссии. Это абсолютная очевидность”³, при всей несомненности того факта, что идея принадлежности Чехии к славянскому миру в конкретно-исторических условиях второй половины 40-х годов однозначно подразумевала просоветскую политическую ориентацию, с ней так или иначе в те годы солидаризировались влиятельнейшие деятели национальной культуры — крупнейший чешский поэт XX века В.Незвал, его талантливый собрат по перу Ф.Галас, выдающиеся театральные режиссеры Э.Ф.Буриан и Й.Гонзл, один из основателей всемирно известного Пражского лингвистического кружка Я.Мукаржовский, ряд музыкантов и архитекторов с европейским именем. Подобное увлечение чешской интеллектуальной элиты славянской идеей, свидетельствовавшее о совершенно определенном политическом выборе, едва ли может быть объяснено только страхом перед Красной армией и смирением перед все более жестким натиском коммунистических сил внутри страны (большинство из этих людей проявило себя в годы войны как стойкие антифашисты, некоторые, например Буриан, прошли гитлеровские концлагеря). Гораздо важнее был, на наш взгляд, “мюнхенский синдром”: политика демократических держав в отношении Чехословакии в конце 30-х годов, облегчившая Гитлеру задачу уничтожения чехословацкой государственности, вела к серьезному разочарованию чешской интеллигенции в идейных и моральных основах западной демократии.

Очень показательно, что на съезде писателей 1946 г. критика либерализма, который отождествлялся с безответственным индиви-

дуализмом, подрывавшим ряды антифашистских сил и несущим немалую долю вины за крах Чехословацкой республики в 1939 г., звучала даже из уст оппонентов КПЧ. В публицистике первых послевоенных месяцев и последователи взглядов Т.Г. Масарика из национально-социалистической партии, и социал-демократы, и сторонники иных идеологий обращались к критическому осмыслению всего пути, пройденного страной между двумя мировыми войнами и завершившегося бесславной мюнхенской концовкой. Без осознания многими чешскими интеллектуалами и в более широких слоях населения разочарования в западной демократии не могут быть поняты ни широкая поддержка КПЧ снизу на последних свободных выборах 1946 г. и даже во время февральских событий 1948 г., когда работа прокоммунистических комитетов действий приобрела весьма большой размах, ни живучесть социалистических идеалов в 50 – 60-е годы. З.Млынарж, объясняя мотивы приверженности реформаторов “пражской весны” идее “социализма с человеческим лицом”, замечал в начале 90-х годов: “У поколений, которые были причастны к событиям 1968 г., имелся и опыт до 1948 г., и довоенный опыт. Мы хорошо представляли себе, что означают парламентаризм, многопартийная система. Не надо нас считать наивными. Мы прекрасно понимали, что в 1938 г. и парламентаризм, и многопартийная система оказались слишком слабыми, чтобы защитить существование национального демократического государства от гитлеризма. Наши западные союзники – Англия и Франция – пошли на мюнхенский сговор, продав тем самым Чехословакию Гитлеру. Все это имело значение. Ведь люди принимают решения исходя не только из своих идеологических убеждений, но и учитывая исторический опыт. А он тогда был именно таким”⁴.

В условиях послевоенной Чехословакии нашла очень яркое проявление общая тенденция, в той или иной мере характерная и для других стран. Речь идет о существенных левых сдвигах в общественном сознании под влиянием пережитого в годы войны опыта. Расширилась социальная база левых партий, во Франции и Италии коммунисты вошли в правящие коалиции. Извлекая уроки из свершившегося, различные силы послевоенной Европы (христианско-демократические, либеральные, социал-демократические и т.д.) предлагали многообразные проекты совершенствования не выдержавших испытания войной политических институтов; поиск новых общественных форм, стремление к глубокому (хотя и по-разному понимаемому) обновлению духовной, политической жизни оттесняли на второй план идею верности довоенным образцам, сохранения

преимущества с ними. Одним из стержневых направлений европейской общественной мысли становится критика идеологических установок и политической практики веймарской Германии, где в обстановке глубокого экономического кризиса существовавшая демократическая система так и не смогла выработать надежные защитные механизмы против прихода нацистов к власти.

Подобные перемены в настроениях масс при недостаточной информированности о сути советской системы создавали питательную среду для усиления симпатий к СССР, тем более, что этому в огромной мере способствовала роль Красной Армии в победе над гитлеризмом. Характерно, что даже в инструкции для офицеров американской армии, которым предстояло на Эльбе вступить в контакт с советскими войсками, черным по белому отмечалось: за годы войны "мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело"⁵. Документы российских архивов содержат многочисленные свидетельства, подтверждающие правоту этого утверждения. Так, в отчете советских кинематографистов об участии в первом Каннском фестивале (1946 г.) говорилось, что хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики "не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры... каждое появление тов. Сталина (при демонстрации одного из советских пропагандистских фильмов. — А.С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала"⁶.

Как значительные левые сдвиги в политическом сознании, так и заметное оживление славянской идеи делали послевоенную Чехословакию одной из наиболее восприимчивых к пропаганде советской идеологии и культуры европейских стран. Немаловажно в этой связи и то, что распространение советской культуры имело в этой стране довольно богатую традицию. В 30-е годы по объему культурных связей с СССР Чехословакия занимала второе место после Франции, выставки советского искусства, гастроли Камерного театра А. Таирова вызвали в то время огромный интерес публики. Несомненное влияние советского авангарда 20-х годов испытали многие видные чешские литераторы, художники, архитекторы (левый фланг в художественной жизни межвоенной Чехословакии вообще был чрезвычайно силен).

На основании поступавшей из разных стран мира информации о повышении интереса широкой публики к СССР и советской культуре председатель Всесоюзного общества культурных связей с заг-

раницей (ВОКС) В.С.Кеменов в докладной, адресованной ЦК ВКП(б), сделал в августе 1945 г. вывод о “происшедшем переломе в признании советской культуры за границей”: если до войны ВОКС мог ориентироваться в своей работе лишь на узкий круг левой интеллигенции, то теперь потенциальная аудитория его пропагандистской деятельности заметно расширилась. Этот перелом, говорилось в записке, “налагает на ВОКС огромные обязательства”⁷. Понимая, что в изменившейся ситуации открываются новые возможности для формирования в пользу СССР зарубежного общественного мнения, Кеменов отмечал: “Необходимо... ковать железо пока горячо, чтобы не дать распасться просоветским обществам из-за отсутствия у них материалов об СССР, чтобы не дать остыть интересу деятелей зарубежной культуры к советской науке и искусству из-за отсутствия ответов на их многочисленные запросы”⁸.

Такая опасность действительно существовала и в полной мере касалась Чехословакии. После войны масштабы пропаганды советской культуры по линии ВОКСа, “Совэкспортфильма”, объединения “Международная книга”, Совинформбюро, Славянского комитета СССР и других соответствующих ведомств заметно расширились в сравнении с довоенным временем. Однако из Чехословакии, как, впрочем, и из других стран, в Москву поступали тревожные сигналы, свидетельствовавшие о крайней нерасторопности и некомпетентности тех, кто ведал по долгу службы распространением информации об СССР, о слабой отлаженности пропагандистского механизма, низком качестве предлагаемой зарубежной публике печатной, художественной, кинематографической продукции.

Пропагандистские статьи, присылаемые Совинформбюро для публикации в чехословацкой периодике, написаны так, что “с трудом используются даже левой печатью”, сетовал в июне 1947 г. посол СССР в Чехословакии В.Зорин⁹. Оперативность радиовещания из Москвы на Чехословакию была столь невысока, что чешский радиослушатель, как правило, узнавал о важнейших внешнеполитических заявлениях В.М.Молотова из западных источников.

Едва ли отвечала поставленным задачам повышения престижа СССР и пропаганда художественной культуры. Один советский журналист, побывавший в 1947 г. в Праге, в своем отчете проявил нечастую по тем временам откровенность в оценке официальной советской культуры, отметив, что “тенденция, заложенная в наших фильмах, носит слишком лобовой характер и для успеха нашей пропаганды в условиях Чехословацкой Республики нужны кино-

фильмы и пьесы с более глубоко запрятанной в них политической тенденцией, менее лобового характера и более интересно построенные в драматургическом отношении”¹⁰. Падение интереса публики к советскому кино не замедлило сказаться на прокате. Если в 1945 г. в нем доминировали именно советские фильмы, то в течение двух последующих лет произошло заметное смещение пропорций в пользу западного, в первую очередь, американского кино¹¹.

В поставке художественной, научной, специальной литературы советские службы также явно не выдерживали конкуренцию с западными. В материалах Архива РАН за вторую половину 40-х годов содержатся письма из стран Центральной и Восточной Европы, отправители которых (научные работники, врачи, инженеры и т.д.) жалуются, что вопреки усилению позиций СССР в регионе им, как это ни парадоксально, стало иной раз труднее получать необходимую специальную литературу из СССР, чем до войны¹².

Выражение озабоченности по поводу активной пропагандистской деятельности недавних союзников на протяжении нескольких лет было общим местом в донесениях советских эмиссаров из Праги, как и из других восточноевропейских столиц. “Англичане и американцы во все больших масштабах развертывают свою пропагандистскую деятельность в Чехословакии”; “Обилие английской и американской литературы по вопросам медицины и отсутствие советской литературы может привести к тому, что и та часть врачей, которая настроена просоветски, сможет попасть под нежелательное влияние”, — читаем в разных докладных¹³.

На чехословацком рынке зарубежной книжной продукции англо-американская литература доминировала в торговле и обращении в течение долгих месяцев после Февраля¹⁴. Только после того как специальный указ в январе 1949 г. фактически свел на нет частное предпринимательство в сфере книгоиздания и книготорговли, пропорции резко изменились. В том же январе 1949 г. вышел закон, согласно которому частные лица лишились права подписки на западную прессу. В административном порядке было распущено популярное среди интеллигенции общество друзей США. Но и после всего этого культурно-библиотечные центры, функционировавшие при британском и американском посольствах, пытались, и не безуспешно, в очень сложных условиях поддерживать контакты с частью интеллигенции, снабжать ее литературой¹⁵.

Таким образом, культурная жизнь даже тех стран, где (как в Чехословакии) Советский Союз в своем политическом влиянии имел явный перевес над западными державами, была в первые послево-

енные годы полем острой конкурентной борьбы за овладение умами, развернувшейся между СССР, с одной стороны, США, Великобританией и Францией, с другой. Поставленные в неравные с СССР объективные условия, западные державы старались тем не менее использовать все возможности для проникновения своих культур в эти страны и для усиления через культуру своего политического влияния. Эта работа приносила свои плоды, чему в немалой мере способствовали проамериканские симпатии значительной части населения. Характерно, например, что в самых западных районах Чехословакии, освобожденных американской армией, численность обществ дружбы и культурных связей с США вплоть до февраля 1948 г. была заметно выше численности аналогичных просоветских обществ, несмотря на то, что последние пользовались покровительством все более доминировавших в политической жизни коммунистических сил и функционировали в более благоприятных условиях¹⁶.

Низкая эффективность пропагандистского механизма, обращенного к зарубежной аудитории и призванного выполнять важную внешнеполитическую задачу формирования общественного сознания зарубежных стран в благожелательном по отношению к СССР духе объяснялась рядом причин и не в последнюю очередь тем, что ВОКС и другие соответствующие ведомства, будучи неплохо укомплектованными кадровыми гэбистами, вместе с тем испытывали недостаток в людях творческих профессий. Сказывалась также царившая в СССР атмосфера страха и всеобщей бдительности. Принимая решения об отправке тех или иных материалов за рубеж, в ВОКСе и других учреждениях руководствовались в первую очередь критерием их идеологической выдержанности подчас в ущерб другим, в частности, эстетическим и познавательным критериям. В ответ на запросы чешских издательств издать ту или иную советскую книгу "Международная книга" "отмалчивается, видимо, перестраховываясь и стараясь на международный рынок выбрасывать только такие произведения, которые прошли у нас уже самую высокую апробацию", — отмечалось в докладной одного из советских литераторов, побывавших в Праге¹⁷.

Важно заметить также, что зарубежные коммунисты не всегда оказывались хорошими партнерами советских органов в ведении пропаганды. В условиях, когда (как в Чехословакии до февраля 1948 г.) политическая борьба еще носила открытый характер, чрезмерное усердие в восхвалении СССР могло их скомпрометировать как силу, служащую инациональным интересам, и ослабить их позиции на политической арене. Показательно, что венгерско-че-

хословацкие межправительственные трения 1945 — 1948 гг., связанные с переселением венгерского меньшинства из Словакии в Венгрию, в немалой мере осложнили и отношения между компартиями обеих стран, поскольку каждая из партий хотя бы из тактических соображений должна была доказывать своим внутривнутриполитическим оппонентам, что является не просто “агентурой” иностранной державы, а силой, ставящей во главу угла национальные интересы.

С самого начала делу пропаганды СССР в немалой мере вредило участие Красной армии и органов безопасности в различных акциях по дефашизации — их жертвами стали не только лица, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с фашистами. Характерно, что насильственные действия Красной армии и спецслужб, сводившие на нет все усилия гигантской пропагандистской машины, распространились не только на страны — союзницы Германии. “Все, что мы строили 25 лет, Красная армия разрушила в течение одной ночи”, — с горечью заметил словацкий коммунист К.Шмидке под влиянием самых первых дней пребывания советских войск на территории Словакии¹⁸.

Применительно к интеллигенции (и в первую очередь к творческой) можно говорить о том, что снижению ее симпатий к СССР способствовали известные идеологические постановления 1946 — 1948 гг., ознаменовавшие собой еще более воинствующее, чем ранее, наступление догматизма и нетерпимости в культурной политике ВКП(б). В грубом попрании творческих свобод в СССР виделся тот тип отношений между властью и деятелями культуры, который в случае крушения коалиционных форм правления и единоличного утверждения коммунистов у руля мог стать реальностью и в странах этого региона. В Чехословакии даже некоторые левые издания проявили такую обеспокоенность новыми постановлениями, что руководителю Союза советских писателей А.Фадееву пришлось срочно вылететь в Прагу, чтобы в ходе встреч с чешскими литераторами сделать разъяснения, едва ли, впрочем, успокоившие тех левых интеллектуалов, которые симпатизировали социалистической идее, но отнюдь не желали подчинения своего творчества идеологическому диктату КПЧ¹⁹. К этому времени перед чешским обществом особенно явственно обозначилась дилемма, которую точно выразил функционер КПЧ И.Халупецкий: “Сущность проблемы в том, должны ли мы перенять для себя тенденции, реализованные в СССР или же разделить политические и культурные судьбы тех стран, которые имеют общее определение как западные демократии”²⁰.

Конечно, было бы явным упрощением говорить, что из СССР по официальным пропагандистским каналам переправлялись только парадные портреты и бюсты Сталина, напичканные унылой дидактикой романы о передовиках производства да начисто лишённые конфликта современные пьесы и фильмы. О том, сколь сложна и неоднозначна проблема советской культурно-идеологической экспансии, свидетельствует обстоятельство, о котором иной раз склонны забывать: по одним и тем же каналам и в одно и то же время из СССР передавалась не только низкопробная пропагандистская продукция, но и русская литературная, музыкальная классика, которая в Чехословакии гораздо шире, чем до войны, издавалась, исполнялась, ставилась на сцене. Не только коммунистическая и близкая ей пресса отмечала высокий профессионализм гастролировавших советских музыкантов — пианистов С.Рихтера, Э.Гилельса, скрипача Д.Ойстраха, дирижера Е.Мравинского, балерины Г.Улановой. Именно они были лучшими пропагандистами СССР.

Распространение подлинных духовных ценностей не могло не способствовать подтверждению высокого престижа русской культуры, при том что последняя преподносилась зарубежной аудитории официальными путями в крайне усечённом виде — за бортом оставалось все то, что не укладывалось в схемы сталинско-ждановской эстетики. Характерно, что границы разрешённого фонда культуры расширялись и сужались в зависимости от политической конъюнктуры. Так, до 1948 г. советские пропагандистские службы много делали для популяризации произведений С.Прокофьева и Д.Шостаковича, после же принятия в 1948 г. постановления ЦК ВКП(б), объявившего войну “формализму” в музыке, они явно в ущерб престижу русской культуры стали препятствовать их распространению.

Даже те из ведущих чешских и словацких художников, кто однозначно поддерживал КПЧ и выступал за социалистическую альтернативу, часто видели в обращении к советскому опыту прежде всего путь к обогащению национальной культуры, приобщению ее к новым источникам развития. Крупный словацкий поэт Л.Новомеский писал еще в 1945 г.: “мы не воспринимаем однозначность нашей культурной ориентации как односторонность, а наше дальнейшее развитие открыто плодотворным веяниям с любой стороны”²¹. Однако что бы ни стояло за подобными декларациями, их утопизм обнаружился довольно быстро. Раскол антифашистского лагеря, резкое обострение противоречий между недавними союзниками, нагнетание “холодной войны” ускорили вытеснение западных держав из стран советской сферы влияния. Установление к концу 40-х годов в ряде

государств Центральной и Юго-Восточной Европы диктатур, типологически близких сталинской в СССР, создало принципиально новую ситуацию в культурной жизни этих стран. Если ранее культурный поток из СССР сосуществовал с иными, западными, то к началу 50-х годов он занял монопольное положение. О масштабах распространения в это время культурной продукции СССР в странах советской зоны влияния свидетельствует хотя бы тот факт, что советские фильмы к 1950 г. составляли 75 — 90% кинопроката, тогда как американские практически перестали быть доступны широкому зрителю. Пьесы современных западных авторов исчезли из театральных репертуаров. Причем массированная советизация культур означала не столько ее русификацию, сколько вполне определенную ее идеологизацию.

Иллюзии славянского единства оказались недолговечными в сознании даже той части чешской интеллигенции, которая в обстановке послевоенной эйфории, оказалась на время им подвержена. Выступая весной 1956 г. с трибуны съезда чехословацких писателей, будущий Нобелевский лауреат Я.Сейферт сорвал бурные аплодисменты аудитории, когда сказал: “Еще во времена гуситских войн мы были страной сплошной грамотности. Нам нечему учиться на Востоке”. Стремление чешских и словацких интеллектуалов преодолеть обозначившуюся после 1945 г. односторонность культурного влияния с Востока, расширить горизонты национальных культур за счет обращения к иным духовным источникам было одной из движущих сил “пражской весны” 1968 г.

Надо сказать, что в Москве даже на самом верху иногда осознавали, сколь неблагоприятно положение не только в деле пропаганды советской культуры, но (что серьезнее) в деле “единения славянских народов”, и пытались найти причины этого. В декабре 1956 г. министр иностранных дел СССР Д.Т.Шепилов на совещании в Кремле говорил о том, что в своей практической работе по линии связей с заграницей “мы часто проявляли бестактность, небрежность, чванливое отношение к тем или иным народам”, пытались иногда ущемить чувство национальной гордости. Вот, например, один уважаемый писатель присылает в “Правду” статью, где пишет: румынские колхозники говорят спасибо советскому народу за то, что тот научил их сажать кукурузу, а чешские рабочие научились у нас варить сталь. “Это чепуха, — продолжал Шепилов, — страна тончайшей и сложнейшей индустрии, страна технического прогресса без русского народа не может варить сталь. Это же хамство, и вот из таких мелочей, из такой чепухи накапливались такие вещи”, которые дали о себе знать осенью 1956 г. в Венгрии²².

Перемены второй половины 50-х годов привели к отказу от наиболее одиозных крайностей в подчеркивании культуртрегерской миссии СССР в отношении чешского и словацкого народов. Но сохранявшееся неравноправие межгосударственных отношений в рамках советского блока еще более 30 лет препятствовало налаживанию нормального диалога культур и формированию свободного от политики, непредвзятого взгляда интеллигенции Чехии и Словакии на проблему культурного влияния с Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ “Злоба и ненависть к немцам настолько велика, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами”, — отмечалось, например, в докладной политуправления советских войск, адресованной в ЦК ВКП(б) летом 1945 г.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 320, л. 161—163. А в информации о положении немецких военнопленных в концлагере в чешском городе Терезине, направленной в отдел международной информации ЦК ВКП(б) в июне 1945 г., говорилось: “Управляют лагерем и охраняют немцев бывшие заключенные в этом лагере чехи. Если посмотреть на их глаза, можно ясно себе представить, что только чувство дисциплины сдерживает их от расправы, от самосуда”. (Там же, оп. 128, д. 748, л. 134). Аналогичные свидетельства поступали и из других стран, прежде всего из Польши.
- ² Nejedlý Z. Z české literatury a kultury. Praha, 1972, s. 335, 336.
- ³ Цит. по: Шерлашимова С.А. Борьба за социалистическую ориентацию чешской литературы (1945 — 1948) // Выбор пути. Литературы европейских социалистических стран в первые послевоенные годы. М., 1987, с. 226.
- ⁴ Млынарж З. Восточная Европа на историческом переломе // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992, с. 77.
- ⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 391, л. 42.
- ⁶ Там же, д. 469, л. 58, 62.
- ⁷ Там же, д. 371, л. 138.
- ⁸ Там же. Распространение по многочисленным каналам даже идеологически нейтральной печатной продукции должно было преследовать в первую очередь политическую цель — способствовать укреплению советского влияния. Об этом недвусмысленно говорилось во внутриведомственной документации. Так, инструкция ВОКСа от 1946 г., сопровождавшая советскую техническую литературу, направляемую в страны Центральной Европы, с полной определенностью указывала, что снабжение иностранных инженеров специальными книгами и журналами, изданными в СССР, приобретает “все большее политическое значение” (Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 5283, оп. 17, д. 118, л. 45).
- ⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 509, л. 278. По некоторым данным, чехословацкая пресса использовала не более 10% материалов, поступавших от Совинформбюро.
- ¹⁰ Там же, оп. 132, д. 75, л. 198-199.

- ¹¹ “Редкий советский фильм, если и промелькнет на экране, то держится в кино-театре один, два дня, после чего спешно заменяется американским”, — значит в одном из донесений, относящемся к 1947 г. (там же).
- ¹² Архив РАН, ф. 579, оп. 2, д. 776, л. 48 и др. Одна из причин этого заключалась в том, что развернувшаяся в 1947 г. в СССР кампания по повышению секретности резко ограничила возможности советских учреждений налаживать международные контакты. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Пропаганда СССР на зарубежную аудиторию и общественное мнение стран Запада в первые послевоенные годы (по документам российских архивов) // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1997, № 1, 2.
- ¹³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 383, л. 38; Архив внешней политики РФ, ф. 077, оп. 26, п. 119, д. 43, л. 98. Как видно из письма Союза друзей СССР в Чехословакии, аналогичную обеспокоенность выражали и просоветски настроенные круги в самих странах: “Ваша помощь необходима нам, чтобы противостоять пропаганде Англии и Америки” (ГАРФ, ф. 5283, оп. 17, д. 433, л. 35).
- ¹⁴ В течение 1948 г. чехословацкими издательствами было опубликовано 692 книги иностранных авторов, из которых 258 принадлежало англоязычным авторам и 135 русским и советским (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 137, д. 73, л. 135). Характерно также, что уже после февральских событий в Праге удалось провести выставки английского плаката, современного английского искусства, о современном английском театре (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 137, д. 73, л. 133).
- ¹⁵ “В сегодняшней Чехословакии не так уж безопасно открыто, днем, в самом центре города, посещать американское и английское информационное бюро. Точно так же не каждый, даже реакционно настроенный гражданин согласится открыто по почте получать газеты, журналы, книги, посылаемые из информационных органов Америки или Англии”, — откровенно признал в своей записке, относящейся к весне 1949 г., представитель Совинформбюро в Праге (ГАРФ, ф. 8581, оп. 1, д. 265, л. 30). Тем показательнее приводимые в документах данные о масштабах участия чешской и словацкой интеллигенции в работе западных культурных институций.
- ¹⁶ “В Чехословакии с ее большой прослойкой мелкой буржуазии и интеллигенции, годами воспитываемой и ориентируемой на культуру западных стран, англо-американская пропаганда имеет среди этой части населения немалый успех и стремится проникнуть во все поры чехословацкой жизни. Об этом говорит и тот ставший известным посольству факт, что спустя более года после февральских событий в ряде чехословацких детских садов разучивается и распевается американская песенка на чешском языке, восхваляющая ложную доблесть американского морского флота”, — говорилось в одном из донесений советского посольства за 1949 г. (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 137, д. 73, л. 137).
- ¹⁷ Там же, оп. 132, д. 75, л. 199.
- ¹⁸ Цит. по: Поп И.И. Крутые повороты карьеры Густава Гусака // Бывшие “хозяева” Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995, с. 273.
- ¹⁹ Один из лидеров авангарда в межвоенной чешской культуре критик К.Тейге, выступая на съезде писателей в 1946 г., с отвращением высказался о вульгарной марксистской критике, которая “свои умозаключения подчиняет целесообразности политической тактики и умудряется свои оценки менять в зависимости от тактических колебаний” (Učtování a výhledy. Sborník prvního sjezdu českých spisovatelů. Redigoval J.Kopecký. Praha, 1948, s.209).

- ²⁰ Цит. по: Копашева М.И. Интеллигенция в культурной политике Чехословакии (1944 — 1948) // Власть и интеллигенция (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). Киев, 1992, с.185.
- ²¹ Новомеский Л. Стихи. Поэмы. Статьи. М., 1976, с. 373.
- ²² Центр хранения современной документации, ф.5, оп.36, д.12, л.175.

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" "Т.Г.МАСАРИК. К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА ЧЕХОСЛОВАКИИ"

Ведущий — **Р.Г.Пихоя** (Россия). Открывая круглый стол, посвященный памятной дате — 60-летию со дня смерти первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика и 85-летию первого издания его книги "Россия и Европа" (на немецком языке), подчеркнут: многие его идеи не утратили своей актуальности. Это в первую очередь касается идей, изложенных в книге "Россия и Европа".

Лишь сейчас при поддержке Российского гуманитарного научного фонда готовится ее первый полный перевод на русский язык. Есть все основания считать, что книга станет событием в научной жизни, и не только в ней. Потому что Россия идет по пути демократии, хотя и с большими трудностями. Часть из них предвидел Масарик столь ярко, что его анализ и некоторые элементы прогноза значимы и к концу XX века. Хотелось бы увидеть книгу как можно скорее. В связи с этим думаю, что помочь в ее издании могут и должны не только РГНФ, но и другие чешские и российские научные фонды и спонсоры. 85 лет — это и так очень уж много времени. Затягивать ожидания нельзя, книга должна дойти до ответственного читателя.

Э.Г.Задорожнюк (Россия). Думаю, что наш "круглый стол" — не только о монографии 85-летней давности, но и о современности. И в этом плане книга Масарика читается больше чем с интересом. Не случайно в Британской энциклопедии подчеркивается, что книга "Россия и Европа" — **классический** труд по анализу и трактовке проблемы. Это очень высокая и очень точная оценка, что подкрепляется как раз современным видением процессов соотношения России и Европы.

Что имеется в виду? В первую очередь то, что Масарику за процессами столкновения литературных и философских мнений удалось выявить некоторую **формулу связи переменных и постоянных величин** в соотношении России и Европы. Книга написана во времена тяжелых неопределенностей в связи с революцией 1905—1907 гг., затем 1914 г. По видимости, она представлялась антирусской и антиромановской (я имею в виду династию Романовых, отмечавшую в следующем после выхода книги году 300-летие своего правления). Да, Масарик написал ее по заказу немецкого издателя

Дидерихса (выпускавшего книги в основном по истории и теории культуры) и за это его обвиняли, кстати говоря, многие русские — но кто и за что только не обвинял Масарика!

Здесь важнее другое: Масарик писал о России и в основном о Западной Европе, но думал при этом о Чехии, Словакии, Чехословакии и даже шире: Европе Центральной, о судьбах пояса государств между Балтикой и Адриатикой в период кризиса господствовавших здесь империй и в первую очередь — Австро-Венгрии. Это, в частности, подчеркивалось Г.Гаеком в книге "T.G.Masaryk Revisited" (1983), в которой он прямо писал о значении "России и Европы": книга ориентирована именно на Чехию и Словакию (р.136).

В целом можно сказать, что вся "философия истории" Масарика была ориентирована на разгадку "загадки России". Возможен ли безболезненный ее отказ от теократии и беспроблемный путь приобщения к демократии? Еще до опыта революций и войн, которые обошлись в десятки миллионов жизней, Масарик отвечал — нет. И в этом он был во многом прав. Но это не снимало необходимости и для Европы, и для всего мира сотрудничества — даже дружбы с Россией; формы такого сотрудничества менялись, но суть оставалась и остается.

Мне хотелось бы остановиться в этом плане на сопоставлении взглядов на отношения России и Европы Масарика и другого великого мыслителя А.И.Герцена.

Намеренное замалчивание идейного наследия многогранной деятельности Т.Г.Масарика — неотъемлемая черта "социалистической идеологии", превалировавшей в СССР и ЧССР вплоть до конца 80-х годов. В какой-то мере это можно отнести и к А.И.Герцену, хотя официально ему даже воздавались почести, но скорее — как революционеру, а не как мыслителю. Знакомство с идеями Масарика и Герцена, этими гигантами славянской и общечеловеческой мысли, показывает, что у них есть много общего. Можно указать лишь на отвержение ряда положений марксизма, в первую очередь его аморализма, глубокую вовлеченность в славянский вопрос в его соотнесенности с вопросом о судьбе Европы в целом; опору на демократию и гуманизм в обосновании и осуществлении политических действий, приверженность идеалу свободы личности.

Для современности, на мой взгляд, важна еще одна ключевая идея, к которой в разное время, но похоже подходили Масарик и Герцен. Это проблема государственного обустройства славянских государств и шире — народов, составляющих ныне регион Центральная Европа.

В своем произведении “Славяне после войны” (Прага, 1923) Масарик писал, что еще Гердер, а за ним и Коллар, предсказывали падение Германии, а за ней и тевтонской расы вообще, предвидя подъем славянства на высшую ступень развития. Мы должны относиться критически к такого рода предсказаниям даже после поражения Германии, предупреждал Масарик и оказался прав. Ведь не только указанные мыслители, но также представители славянофильства трактовали данную тему скорее метафорически. Масарик же трезвее смотрел на перспективу Германии и вовсе не связывал ее с ослаблением недавно родившегося имперского рейха. Даже последовавшее поражение Германии в войне не считалось им признаком такого упадка.

В то же время он признавал и большой потенциал идеи славянской взаимности, которая получила после 1918 г. новый шанс: строиться как бы изнутри, а не по указке скипетра российского императора или схемам императоров — австро-венгерского или германского.

Масарик в связи с этим проявлял глубокий интерес к идеям славянской взаимности Герцена. Тот часто обсуждал проект “славянских соединенных штатов” (Письма Бакунина к Герцену и Огареву. СПб, 1906, с.57, 102), что предполагало необходимость освобождения славян и от австронемецкого (Чехия), и от российского (Польша) диктата. В дальнейшем допускалась и федерация этих государств в регионе. Конечно, у Герцена это было на уровне идеи, а не политической инициативы, хотя и он делал некоторые шаги в данном направлении. Масарик более конкретизированно подходил к этой проблеме уже как политик. И здесь он предельно трезв, учитывая роль славянской взаимности, но относясь к ней без мистических восторгов (кстати, он неоднократно подчеркивал, что трезво смотреть на славянский вопрос его научил Гавличек-Боровский).

После войны, пишет Масарик, каждый из славянских народов “именно благодаря своему освобождению получил особую задачу, в которой лишь частично может быть поддержан остальными славянскими народами” (Масарик Т.Г. Славяне после войны... С. 17). При покупке и продаже национально-лингвистическое родство не играет решающей роли, проницательно замечает он. Поэтому для панславизма, естественно, необходимо **политическое** руководство, причем со стороны большого народа. “От этой задачи, — писал Масарик, — Россия удалена на долгие годы, на целые поколения” (с. 18).

Однако существует “частичный” панславизм: Малая Антанта, возможный союз Чехословакии с Польшей и т.п. В этом плане Масариком и вспоминается выдвинутая Герценом идея соединен-

ных славянских штатов (к слову, ее контуры намечались еще в Обществе соединенных славян как составной части движения декабристов, и в Кирилло-Мефодиевском братстве).

Но Масарик смотрел на идею Герцена даже шире. Славянские соединенные штаты могут послужить опорой и Европейских соединенных штатов. “Новая Европа будет создаваться понемногу и по частям”, — заключает Масарик (с.23). Подобного рода мысли Герцена и Масарика о единой Европе и месте славянских народов в ней — предвидение, значимое, скорее, для ХХI века, и в этом, как представляется, современность диалога Масарика и Герцена.

Похоже эти мыслители решали вопрос о соотношении свободы личности и принадлежности к социальной общности, гуманности и политической необходимости. Не случайно И.Горак в сборнике к 80-летию Масарика, называл его “человеком мира” и сравнивал с Герценом и Мицкевичем.

Во многих интерпретациях мысли Масарика относительно роли России и ее культуры первостепенное внимание уделяется таким действительно мощным фигурам, как Л.Толстой и Ф.Достоевский. В один ряд с ними, думается, должна быть поставлена и фигура А.Герцена. Особо важно отметить общность взглядов А.Герцена и Т.Масарика и на перспективы федерации юных славянских государств. Первый обосновывал ее идею; второй — делал шаги по ее осуществлению, оба — в разное историческое время — видели в ней зародыши единой Европы, Европы без конфликтов.

В.Дубек (Чехия). Позвольте мне кратко остановиться на некоторых основных тенденциях, касающихся отношения Т.Г.Масарика к России, которые сопровождали его работу над книгой “Россия и Европа”. Я прекрасно знаю, насколько сложна эта задача — в коротком выступлении осветить его отношение к государству и народу, столь могущественному и духовно богатому — и несмотря на это в значительной степени незнакомому Европе и европейцам того времени.

Масарик узнавал русскую духовную культуру посредством художественной литературы. Русская литература — это некий форум политики, философии, религии и также искусства и литературы. Нужно особо подчеркнуть слова — искусства и литературы. (Masaryk T.G. Rusko a Evropa. III. Pr., 1996, s. 9).

Этим путем Масарик стремится понять русскую сущность, обычаи и духовный мир русского народа, его основную роль в разви-

тии человечества. Гердеровское понимание народа — как рабочего на всемирной стройплощадке, на космическом труде божьем — было очень близко и Масарику.

Этим задачам был также подчинен выбор и интерес к писателям, которых Гете называл поэты-мыслители, и которые, с точки зрения Масарика, лучше всего сумели узнать и понять духовную сущность русского народа. Масарик посетил Россию до войны три раза (1887, 1888 и 1910 гг.), он встречался здесь несколько раз с Л. Толстым, а позднее и с М. Горьким, вел переписку с другими русскими писателями, учеными и политиками (Радлов, Грот, Ястребов, Страхов, Милюков и др).

Через Достоевского и целый ряд других русских писателей и мыслителей Масарик проникал в суть русского духовного мира. “Русский вопрос” привлекал к себе Масарика всем своим бурным развитием, замечательным культурным подъемом, широким разнообразием духовных течений до самых крайностей религиозного или революционного экстаза, своей евро-азиатской раздвоенностью и содержал много побуждений для его собственного идейного мира.

Говоря об отношении Масарика к каким-либо культурам, следует особо подчеркнуть следующее: он стремился их узнать, понять, но прежде всего получить от них новые импульсы для своих собственных философских и политических концепций; он ищет новые выводы на основе противопоставления и полемики разных традиций и культур. С этой точки зрения Масарик пользуется идейными импульсами русского и более шире — славянского — духовного мира в сопоставлении с привычными философскими системами Западной Европы.

Жажда узнать русский мир — и это надо выделить особо — сначала определялась у Масарика стремлением узнать Россию как неотъемлемую и основную часть более широкого славянского целого. Нельзя назвать однозначным ответ на вопрос: не предпочтеть ли в дальнейшей работе русской тематике общеславянскую. Но в конце 80-х годов из этих тематических поисков появилась первая из “Славянских статей”, в которых Масарик хотел “отыскать в мировой литературе все то, что может принести пользу в объяснении так называемого славянского вопроса” (Masaryk T.G. *Slovanské studie. Slavjanofilství Ivana Vasil'jeviče Kirejevského // Athenaeum.* 6 (3). 1888). Данная первая славянская работа была посвящена Ивану Васильевичу Киреевскому.

Масарик снова вернулся к русскому вопросу в первые годы XX века — в различных статьях и прежде всего в трехтомном

произведении “Россия и Европа”, однако эти произведения уже находятся под сильным влиянием политических тенденций программ Масарика.

Вместе с тем здесь открывается вторая сторона проблематики отношения Масарика к России — интерес к ее политическому, историческому и современному развитию. Общественная деятельность Масарика постепенно перерастала в непосредственное участие в активной политической жизни и в политическую деятельность — с 1891 г. Масарик работает депутатом в Вене. Литературно эти политические пристрастия проявляются во всех его главных теоретических работах, которые содержат выразительные черты политической программы. В эти произведения, как и в практическую политику, Масарик приносил всю тонкость критики, но также определенную привязанность позитивистского ученого XIX века, которым Масарик считался и позже — несмотря на его прогрессивные взгляды на политическое и социальное развитие человечества.

Эта склонность к политическим вопросам неизбежно проявилась в новом или “другом” отношении к России. Наряду с литературно-философскими статьями мы все чаще встречаем попытки цельных взглядов на русскую политическую деятельность, которые звучат в парламентских речах Масарика. Царскую Россию Масарик рассматривал в своих выступлениях как значительную геополитическую державу, подчеркивал ее силу и предостерегал от угрожающей политики Австрии, которая была бы основана на непрочной связи с Германией. Он требовал от австро-венгерской внешней политики “признать, что значит Россия, и жить с ней в мирном сосуществовании” (Kovtun J. Slovo má poslanec Masaryk. Pr., 1991, s. 162).

При всем восхищении русской духовной культурой Масарик осуждал царскую политическую систему с точки зрения собственных политических созерцаний о необходимости позитивного развития человечества к идеям демократического, социально справедливого общественного строя. Не будучи скованным идеями слепого панславизма, Масарик критиковал царское самодержавие, консервативное влияние православной церкви, русской аристократии и т.п.

С этих идейных позиций подходил Масарик к обширной работе над книгой о России. Импульсом к этой работе оказались события русско-японской войны и революция 1905 г., которую Масарик приветствовал как частичное проявление необходимых демократических изменений в России.

В 1913 г. в немецком городе Иена были напечатаны только первые два тома книги под названием “Россия и Европа”. Издание на

русском языке прекратила цензура. Окончание работы над третьим томом совпало с началом первой мировой войны. В этой войне Австро-Венгрия и Россия противостояли друг другу, находясь во вражеских военных коалициях. Масарик, который уже в довоенное время склонялся к позициям антиавстрийского движения, эмигрировал и вел борьбу за границы. Однако цель его оставалась одной и той же: поддержка держав Антанты до победоносного конца, который приведет к распаду Австро-Венгрии и возникновению самостоятельного чешского или же чехословацкого государства.

Из этой точки зрения вытекает еще одно отношение Масарика к России — так сказать, “военное”. В то время Масарик рассматривал Россию прежде всего как союзника Антанты и гаранта чешских и словацких землячеств, а также воинских частей в России: “Исторические факты и документы подтверждают, что царская Россия официально не сделала для нас почти ничего, или совсем ничего. Напротив, Россия революционная, Россия демократическая и республиканская для нас в 1917 году сделала многое. Россия советская сначала для нас сделала кое-что [...]. Со временем советская Россия оказала нашей армии сопротивление” (Masaryk T.G. *Cesta demokracie*. III. Pr., 1994, s. 261). Если февральскую революцию 1917 г. Масарик приветствовал, хотя и с опасениями за влияние этих событий на ход военных действий, то к октябрьской революции он относился крайне настороженно. Чехословацким воинским частям, находившимся в сложном положении, Масарик советовал прежде всего соблюдать осторожный нейтралитет. Его личное отношение к революции было все же отрицательным. Он верил и после Октября в дальнейшие демократические изменения, но вместе с тем трезво видел недостатки и ошибки большевистского переворота, опасные черты массового террора. “Царизм романовцев был необразованный и суровый и именно тем менее опасный для мира — хуже теперь царизм русской массы и революционеров. Устранили царя, но царизма не превзошли.” (Masaryk T.G. *Nová Evropa*. Brno, 1994, s. 140).

Таковы, на мой взгляд, основные тенденции, отношения и обстоятельства, которые непосредственно связаны с работой Масарика над трехтомным произведением “Россия и Европа”.

М.А.Абрамов (Россия). Масарика связывали с Россией прочные духовные узы. Он неоднократно бывал здесь и до революции, и после нее, был знаком со многими выдающимися людьми, деятелями культуры, науки и политиками. Особое значение имело тесное обще-

ние с Л.Н.Толстым, перед художественным гением которого Масарик преклонялся, что не мешало ему вступать в полемику с яснополянским старцем, в частности по коренному вопросу толстовства о непротвлении злу насилем. Масарик осуждал агрессивное насилие, но признавал право на сопротивление ему. Со своей стороны, Толстой любил своего младшего друга, и хотя не принимал некоторые его религиозные взгляды, высоко ценил его "искреннюю, твердую, горячую и самую разнообразную общественную и ученую деятельность" (см. телеграмму Л.Н.Толстого Масарику на его 60-летний юбилей в 1910 г. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 81. С. 114).

Масарик объехал всю Россию и хорошо знал ее жизненные реалии. Глубокая симпатия и знание русской культуры, России, энциклопедическая образованность — все это давало ему право со всей ответственностью приняться за титанический труд и успешно его выполнить.

Книга "Россия и Европа" была написана в начале 10-х годов и издана в Германии в 1913—1914 гг., накануне первой мировой войны, когда резко возрос интерес к художественной культуре России после триумфально начавшихся в 1907 г. Дягилевских сезонов. Но книга вызывала не только эстетический и научный интерес. Русская революция 1905—1907 гг., последовавшая после поражения царизма в русско-японском конфликте на Дальнем Востоке, явственно засвидетельствовала всему миру, что русский богатырь пробуждается. Что ждать от России? Кто она? Потенциальный противник или союзник? Над такими вопросами ломали головы многие государственные мужи Европы. Мощное рабочее движение и социал-демократия имели свои виды на Россию, полагая, что центр революционного движения перемещается в Россию. В книге Масарика можно было искать ответы, но... царская администрация увидела в ней скрытую угрозу и запретила книгу, а ее автора объявила персоной нон-грата.

Но и культурная и интеллектуальная элита, медитируя о России-сфинксе, предавалась "обольщению всемирного водительства" (по выражению участника нашего круглого стола И.Е.Задорожнюка (см. его интересную статью о переписке Тургенева и Герцена в журнале "Русское богатство", 1997, № 1) или покорно ожидала пришествие хама, что будет позже трактоваться как осуществление пророчества Чаадаева о великом уроке, который Россия преподаст миру. Силясь сдвинуть с места критицизм Канта, чтобы освободить место мистической интуиции, русским философам было скучно вникать в скрупулезное, дотошное и неспешное исследование чешского профессора. Единственная развернутая рецензия на труд вышла

из-под пера русского социал-демократа Л. Д. Троцкого и опубликована она была в венском ежегоднике “Kampf (Борьба)”.

Надо заметить, что книгам Масарика в России вообще не везло. Его ранняя работа о самоубийстве, рост которых вызван, по мнению Масарика, утратой религиозной веры, была уже набрана и все-таки не увидела свет. Его книга “Философские и социологические исследования марксизма. Этюды по социальному вопросу”, изданная в Москве в 1900 г., была крайне неряшливо переведена, что и отметил ее рецензент, тоже социал-демократ Г. В. Плеханов. Плеханов, как и впоследствии Троцкий, не сомневаясь в компетентности автора, признавал, что Масарик — критик ученый, внимательный и беспощадный, хотя и не лишен некоторого снисходительного добродушия.

Идейная близость к Карееву и Михайловскому окончательно губит репутацию Масарика как серьезного ученого. Авторы “Философской энциклопедии” в пяти томах (1960—1970) разделяли мнение Плеханова и не включили книгу Масарика в библиографию его работ. Еще больше согласны с ним составители “Философского энциклопедического словаря” (1983), вообще не включившие в словник имя Масарика.

Но кто же оказался прав в историческом споре? Коммунисты, завершившие свой прыжок в царство свободы в яме тоталитаризма, или чешский профессор, лидер народной реалистической партии, создавший вместе со своими единомышленниками неустанными трудами чехословацкую демократическую республику — анклав либеральных свобод, зажатый между сталинским и гитлеровским режимами?

Большевики никогда бы и не признали правоту Масарика, но у них были с ним особые счеты. После февральской революции Масарик организовал в России из пленных и перебежчиков чехословацкий легион — корпус в 92 тыс. штыков. Часть его была отправлена в Европу, оставшаяся в 1918 г. приняла участие в гражданской войне в качестве “белочехов”, после чего создатель легиона подвергся бессрочной опале и отныне не издавался, не переводился и не комментировался. Впрочем, как политического деятеля по “протоколу” его нельзя было игнорировать, и справочные статьи о Масарике можно встретить в советских энциклопедиях 1930 и 1938 гг. Там он назван чешским буржуазным политическим деятелем и ученым, вождем и идеологом народно-социалистической партии, опирающейся на мелкую буржуазию и националистически настроенных рабочих. В послевоенном издании БСЭ (1954), когда Чехословакия оказалась в

социалистическом лагере, оценки ужесточаются: Масарик — чешский реакционный политический деятель, среди “смертных грехов” которого — финансирование эсеров, религиозный демократизм, родственный этическому социализму. В первые годы застоя в БСЭ в статье о Масарике уже не названо ни одной его книги, но зато рекомендуются к чтению “Документы об антинародной и антисоциалистической политике Масарика” (М., 1954. Пер. с чешского).

Такое нетерпимое положение не могло продолжаться вечно и теперь, наконец, исчезли политические и идеологические преграды, стоящие перед книгой Масарика и российским читателем. Небольшая группа философов и историков объединили усилия и добились поддержки Российского фонда гуманитарных исследований в подготовке к изданию труда великого славянина. Задача чрезвычайно сложная. Предстоит перевести и прокомментировать около 80 печатных листов текста. Но работа началась, она идет, и близится к завершению подготовка первого тома. Редколлегию издания возглавляет к.ф.н., ст.н.сотрудник Института философии РАН М.А.Абрамов. Члены редколлегии: д.и.н. Э.Г.Задорожнюк (Институт славяноведения и балканистики РАН), к.ф.н. И.Е.Задорожнюк (Международная академия педагогических наук им. Я.А.Коменского), И.И.Мюрберг (Институт философии РАН). С нами сотрудничают другие ученые Москвы и Санкт-Петербурга. Существенную помощь оказывает возглавляемый известным чешским ученым Я.Опатом Институт Т.Г.Масарика в Праге. Особо можно отметить организационную помощь общества братьев Чапек в Москве и сотрудников посольства Чешской республики в РФ.

Редколлегия сразу же столкнулась со значительными текстологическими и теоретическими трудностями. Дело в том, что существуют три частично авторизированные версии трехтомного труда “Россия и Европа”: первая — немецкая, вторая — английская, третья — чешская. Какой текст считать аутентичным? Каждая версия имеет аргументы “за” и “против”. Видимо, есть резоны учесть все три в переводе. Вторая значительная трудность заключается в идентификации цитируемых Масариком текстов русских писателей, публицистов и философов. Их круг весьма широк, автор использует русские и зарубежные издания, а также периодику, причем не всегда обозначает точно или вовсе не обозначает цитируемый текст. Иногда перевод расходится с русским оригиналом до неузнаваемости и здесь также надо принимать ответственное решение.

Теоретическое осмысление глубоко философски фундированных социологических и политических взглядов Т.Г.Масарика ос-

ложняется недостаточной разработанностью базы масариковедения в России и за рубежом. Правда, нельзя не отметить заметные подвижки, происшедшие в последние годы: в Чехии был воссоздан Институт Т.Г.Масарика, проводятся международные конференции, посвященные первому чехословацкому президенту, выпущен трехтомник “Россия и Европа” на чешском языке с обширными комментариями. Мы благодарны чешским коллегам за предоставление в распоряжение редколлегии этого ценного издания и надеемся на дальнейшее сотрудничество. Общими усилиями мы решим задачу – довести до русского читателя великий труд Масарика “Россия и Европа”. Это наш научный долг и нравственный императив.

Е. Ф. Фирсов (Россия). Остановлюсь на восприятии Т.Г.Масарика в России и на формировании его геополитических ориентиров. Несмотря на то, что эпохальный в творчестве Т.Г.Масарика труд “Россия и Европа” так и не увидел свет ни в дофевральской, ни в советской России, смею утверждать, что все же он как мыслитель, как государственный деятель ЧСР был по заслугам оценен в русской общественной мысли еще при жизни.

Уже в 90-е годы в русскую публицистику просачивались отголоски текущей межпартийной борьбы в чешских землях. Причем эти отголоски принадлежали, как удалось выявить, чешским корреспондентам. В частности, следует указать на статью под заголовком “Письмо из Праги”, некоего Утиса, опубликованную в “Славянском обозрении” (под редакцией И.С.Пальмова) в 1894 г. Утис писал, что Масарик “прибыл в Прагу с надменной наивностью, как будто жизнь чешская была необработанной почвой, новью своего рода, дожидаящейся сохи нового пахаря. Он сумел выставить себя универсальным реформатором науки, политики и народной жизни вообще...” (Утис. Письмо из Праги. Ноябрь 1893 г. // Славянский обзор. Год второй. СПб., 1894, с. 461, 462). Автор критиковал реалистов за то, что они выставляют себя единственными защитниками науки, прогресса и свободы исследования, но сами нетерпимо относятся к взглядам русской науки на прошлое чешского народа. Масарик и реалисты представлялись им заклятыми врагами Кирилло-Мефодиевской идеи, а также неискренними и односторонними в славянских делах. (Там же.) “Реалисты считаются у народа поклонниками и сподвижниками западного латино-германского мира, который давно уже поставил себе целью полное отчуждение чехов от славянского Востока.

Реалисты доказывают, что так называемая программа культурного славянского единения невозможна потому, что нельзя вернуть исторический процесс... Словом, независимость науки и свобода исследования у реалистов значит ни что иное, как отворить дверь настежь влиянию Европы и закрыть ее для воззрений славяно-русских”, — писал чешский корреспондент из Праги (Там же, с. 463). В итоге, как подчеркивал автор письма, реализм впредь стало бы охарактеризовать особо, так как “в Чехии он является чем-то особенным и стал **новой закваской в жизни чешского народа**” (выделено мной. — Е.Ф.) (Там же.)

На восприятии Масарика в какой-то мере сказывались отголоски политической борьбы в Австрии и Чешских землях, мнение же официальных кругов России формировалось во многом на основе дипломатических сводок. Большая заслуга в осмыслении метода Масарика принадлежала русскому философу Эрнесту Львовичу Радлову (1854 — 1928). Масарик и Радлов нашли общий язык, быстро сблизились еще в Вене, и с тех пор можно говорить о многолетней прочной дружбе двух ученых. Так, благодаря Радлову доцент Масарик пришел к Достоевскому. Летом 1882 г. Радлов побывал даже в гостях на родине Масарика в Моравии. На “Очерки истории русской философии” Э.Радлова (СПб. 1912) активно опирался Масарик в своей книге “Россия и Европа”.

Изложенные в ней, во многом по Радлову, основные черты и национальные особенности русской философии заставили того вновь вернуться во втором издании “Очерков...” (1918) к переосмыслению по-новому ее характеристик. В этой работе впервые в русской историософии, и это подчеркнем особо, Радлов упоминает “Россию и Европу” Т.Г. Масарика: “Масарик в своей книге о религиозной философии в России обратил внимание на тот характерный факт, что Гегель характеризует немцев и их отношение к религии совершенно теми же чертами, какими Хомяков рисует русских и их отношение к православию”. (Радлов Э. Очерки истории русской философии. 2-е изд., доп. СПб., 1918, с. 89). Причем “Россия и Европа” Масарика в библиографии к “Очеркам...” (она содержала всего 6 позиций) была включена под пунктом 5; в нем Радлов подчеркивал, что “на немецком языке следует отметить замечательный труд: Masaryk Th. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. В 2 т. Jena, 1913. **“Это наиболее полная характеристика русской философии из всех до настоящего времени имеющихся** (выделено мной. — Е.Ф.)”, — писал здесь же Э.Л.Радлов. Научные и дружеские точки соприкосновения в свете их ранее неизвестной

корреспонденции из архивов Чехии и России проанализированы мной в отдельном исследовании.

В целом можно констатировать, что в русской историософии труд Масарика был оценен по заслугам, пусть и в весьма сжатой форме, еще в 1918 г., т.е. при большевиках, тогда как в годы первой мировой войны этот труд был в России запрещен цензурой, хотя и был известен, без сомнения, в определенных кругах.

“Россия и Европа”, скорее всего, была негодна официальным и правящим кругам России. Встреченный накануне войны с похвалой в Германии и охарактеризованный в пангерманском журнале “Das grossere Deutschland” “чуть ли не самым гениальным вкладом в политическую литературу последних лет” труд Масарика, с его неприятием царизма, в официальной России вряд ли мог быть воспринят по-другому.

Несколько запоздавший по замыслам труд Масарика появился не в подходящей политической обстановке, что и обусловило его неприятие (в решающий период национального освободительного движения чехов и словаков) официальной Россией. Сам Масарик накануне февраля в “Русской Воле” обоснованно подчеркивал: “Было заявлено, что моя книга о России была направлена против России. Это не так: моя книга направлена вообще против абсолютизма... Во всяком случае, мы хотим предоставить России инициативу во всех славянских вопросах...” (Цит.: Лазаревский В. Россия и чехословацкое возрождение. Град Китеж. (Париж, с. 80). Действительно, книгу Масарика не следует оценивать как антирусскую, хотя этот тезис звучал на данной научной встрече.

Вернемся, однако, к работе Э.Радлова 1918 г. В ней он не склонен впадать в литературоцентризм, свойственный во многом “России и Европе” и складывавшийся у Масарика еще с 80-х годов XIX века под влиянием перевеса в сторону интереса к наследию Достоевского (и напомним — с легкой руки Э.Л.Радлова). Эта тенденция во многом сказалась на всей окончательной структуре “России и Европы”.

Замечу, что еще в 900-е годы в русской общественной мысли сложилось весьма позитивное восприятие фигуры Т.Г.Масарика историком Н.В.Ястребовым и его единомышленниками — активистами партии свободомыслящих.

В переписке Масарик делился с ним своими научными планами, которые несколько позже вылились в его труд “Россия и Европа”. Он писал русским коллегам, что особенно занят “русским вопросом”, поскольку война “задела меня за живое, ведь Россия для

меня — большая часть жизни. Война и революция для меня ужаснейший урок. Я истерзался, думая и передумывая русские вопросы...” Издатели и деятели комитета партии свободомыслящих подчеркивали в этой связи, симпатизируя взглядам Масарика, что “вопрос о практике в труде проф. Масарика сводится к предпочтению эволюции перед революцией” и что “основной ошибкой социализма Масарик считает материализм вообще и экономический в частности”. Масарик подчеркивал, что без церковных и религиозных реформ в России невозможно сильное и прочное политическое развитие. Далее он выразил поддержку демократическим силам России (в частности, новой партии “свободомыслящих”). Масарик считал, что без постоянной политико-просветительной работы, без постоянного бужения граждан и избирателей **“не только конституционализм, но даже и парламентаризм превращается в депутатский бюрократизм, которого, кажется мне, Россия должна опасаться более, чем другие страны (выделено мной. — Е.Ф.)”**. (Масарик Т. Начала социалистического общества. Революция или эволюция. СПб., 1906, вып. I, с. IV, V, XIII.)

Относительно “России и Европы”, я считаю, что это не самый актуальный и эпохальный труд Масарика-мыслителя. Если бы и сам Масарик считал таковым этот труд, то он с помощью Э.Радлова и Н.Ястребова, несомненно, приложил бы усилия (при щедрой финансовой поддержке русской колонии чешских состоятельных предпринимателей) по его изданию. Тем более рядом русских ученых, как в самой России, так и в эмиграции межвоенного периода в Праге, были проведены в этом отношении значительные подготовительные работы. Этот в чем-то идущий за русской дофевральской историософией труд после свержения царизма не отвечал злобе дня, и Масарик не собирался его переиздавать. Напротив, в период своего пребывания в революционной России (в качестве эмиссара западных держав, а точнее Великобритании и Франции) с мая 1917 по март 1918 г. он интенсивно работает над трудом “Новая Европа. Славянская точка зрения”, т.е. над выработкой неотложных чешско-словацких национально-государственных и геополитических установок в радикально-изменившемся мире. В каком-то отношении и нынешнее, отдающее должное мыслителю Т.Масарику, начинание коллег по изданию “России и Европы” все же запоздало. Бесспорно, данный труд, не обращенный ни к чешской и ни к русской публике, утратил свое значение. Имеются другие его труды с более актуальным для современной демократии звучанием.

Но это начинание необходимо, ибо отсутствие в философском и историческом сознании России минимума представлений о наследии Масарика привело к появлению настораживающих тенденций в современной общественной мысли. Обратимся в этой связи к конкретному примеру. В книге, весьма важной в контексте осмысления на данном круглом столе проблем, “Россия и Германия: опыт философского диалога”, вышедшей в 1993 г. в Москве, в статье В.С. Малахова (“Русская духовность и немецкая ученость. О немецких исследователях истории русской мысли”) Масарик отнесен к немецкой мысли (!?). Возможно, в нынешние времена это, видимо, многим польстило бы, но Т.Масарику вряд ли. Хотя правильно, пусть и бегло, работа Масарика “Россия и Европа” отнесена к редким обзорным трудам по русской философии и охарактеризована как труд отважного одиночки, причем в немецкой философии. (Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993, с. 95–105). На оценку в советское время Москвой фигуры Масарика отсылаю к своей статье в сборнике “Версаль и новая Восточная Европа” (М., 1996, с. 268–270).

Вернемся, однако, к вопросу формирования геополитических ориентаций Т.Масарика в России. Регулярные его интервью в русской прессе предшествовали осмыслению своих важнейших геополитических ориентиров в особом труде, полностью написанном в России и сданном в Киевскую типографию издателя – чешского выходца В.Швиговского, при поддержке ряда чешских предпринимателей чешской колонии в России. Речь идет о работе “Новая Европа. Славянская точка зрения” (*Nová Evropa. Stanovisko slovanské*. Pp., 1920), созревшей за рекордно короткий срок пребывания в гуще революционных событий. (Мы приводим полное название работы с подзаголовком, поскольку современные исследователи, как правило, без всяких на то оснований опускают славянский подтекст заголовка. Это лишний раз демонстрирует нынешние тенденции чешской общественной мысли, которой свойственно стремление отрицать славянские ориентиры Масарика. Видимо, истоки такого подхода следует искать после выхода в свет (на основе первоначального самиздата) книги Яна Паточки (*Co jsou Češi?* Pp. 1992). В этой работе с параллельным немецким текстом на с. 92 автор утверждает, что Масарик вовсе не был склонен к славянской взаимности (использован дословно термин “славизм”) в отношении русских, хотя далее Паточка правильно подчеркивает, что славянская взаимность чешских политиков акцентировала утопичный характер панславистских прожектов. Свое утвердительное отношение к сла-

вянской взаимности перед отъездом из России Масарик подчеркнул в двух важных документах — в листовке-обращении к чешским и словацким legionерам и военнопленным (см. Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 454. Ед.хр. 135. Документ — на чешском языке и датирован Масариком в Москве 7 марта 1918 г.), а также в своем послании русской колонии чехов и словаков от 6 марта. Последнюю Масарик назвал второй родиной и выразил веру в то, что Россия возродится. В этом послании Масарик сделал особый упор на программе славянской взаимности). Вскоре после отъезда Масарика из России (в самом начале марта) в 1918 г. появились английское и французское издания книги, а на чешском языке лишь в 1920 г.

Подчеркнем, однако, что ряд современных авторов упускает из виду, что труд уже был готов и он не мог выйти сразу лишь из-за того, что Киев был занят германскими и австрийскими войсками и планы издателя В.Швиговского рухнули. Но это не значит, что труд Масарика в России так и не дошел до внимания общественности. С большим риском с помощью специального чешского гонца-легионера труд со всеми мерами предосторожности был вывезен и уже с середины апреля 1918 г. по частям стал регулярно печататься в печатном органе чехословацкого войска в России “Ческословенски денник” и вышел практически целиком. Делаем на этом упор в связи с тем, что чешский историк Я. Опат, в частности, пишет, что книгу “Новая Европа” Масарик в России якобы лишь начал писать и дописывал ее в дальней дороге по Сибири, а затем через Японию в США, а закончил лишь в Америке. (Opat J. Masarykovo evropanstí jako pojem a politický program // Masarykův sborník. VIII. Pr. 1993. S. 41). Как видим, это неточность: Масарик по пути в США работал лишь над англоязычным вариантом своего труда, который уже увидел свет в России.

В предисловии к работе (см. “Ческословенски денник”, № 52) Масарик подчеркнул, что в его задачи входило сформулировать более четко отношение к России, исходя из собственного опыта пребывания в ней. Первоначально Масарик исходил из тезиса о заинтересованности в сильной России в рамках Антанты как гаранта будущих славянских государств Чехо-Словакии, Польши и Югославии. Создание естественного “пояса малых народов” — блока независимых славянских государств Восточной Европы от Балтийского моря до Балкан как составной части будущей объединенной Европы — он расценивал выгодным моментом для западных держав. За ограниченностью места нет возможности для подробного

анализа “Новой Европы”. Основная ее идея заключалась в неизбежности победы демократии над теократией во всех ее проявлениях, в торжестве права наций на самоопределение.

К осени 1919 г. относится документ архивного происхождения, который свидетельствует о том, что, судя по всему, к тому времени в ходе гражданской войны появилась единственная, пожалуй, реальная альтернатива вывести Россию из состояния внутренней смуты и распада. Речь идет о телеграмме, отправленной из Иркутска 20 октября 1919 г. политическим уполномоченным ЧСР в Сибири Б.Павлу Э.Бенешу в Париж, в которой он под впечатлением успехов Деникина делал запрос о разрешении повернуть определенную часть корпуса в западном направлении в сторону европейской части России. Он сообщал, что такая “решимость растет по мере того, как все меньше мы связаны вашими решениями находиться здесь... При осторожном руководстве потери при продвижении западным направлением вряд ли превысят наши обычные нынешние потери. Я и генерал Сыровый запрашиваем у правительства согласия на предоставление нам свободы действий при разработке операции по возможному продвижению на Запад... Риск будет сведен до минимума. Это никакая не авантюра, а шаг, призванный способствовать спасению нашей армии” (Archiv Národního Muzea-Praha (ANM-Praha). Kramář F.K. Bohdan Pavlů. Irkutsk. Docteur Beneš, Paris, pařížským kurýrem. Č.1612. Legace Omsk). Более подробную оценку этого важнейшего для понимания сути кризиса в то время большевизма в европейской части России можно найти в сборнике “Масарик и Россия” (СПб., 1997, с. 56–62).

Обнаруженный нами недавно архивный документ “Наше отношение к русскому вопросу”, относящийся, судя по всему, также ко времени Парижской мирной конференции, раскрывает в какой-то мере заданность политики Праги позицией ведущих держав Антанты. Документ гласит: “К Колчаку и Деникину Бенеш рекомендует проявлять сдержанность. Союзники, хотя материально и поддерживают Колчака, но не очень в него верят. Группа Керенского в России ничего не значит, и ошибка думать, что Россия перейдет в руки эсеров. Вероятнее всего, правление в России окажется в руках левых либералов... Позиция Бенеша в отношении интервенции: если бы Антанта намерена была предпринять интервенцию и смогла бы ее осуществить, чтобы обеспечить демократический режим в России и свергнуть большевистский режим, то почему бы и нет. Но если интервенция, так интервенция до конца, иначе лучше невмешательство. Как оказалось, для такой решительной интервен-

ции у союзников нет возможностей, несмотря на влиятельных политиков, добивающихся интервенции. Ни Франция, ни Англия не дадут ни одного своего солдата для того, чтобы воевать в России по внутривнутриполитическим соображениям (ANM-Praha. Rašín F.A. K.3. Jedn. 81. *Náš poměr k ruské otázce*).

Все это и определило в итоге линию Праги в отношении чешско-словацких легионеров в России. Причем по независящим от чешских политиков причинам линия невмешательства перемежалась с активными действиями, по праву расценивающимися в историографии как интервенция, способствующая дипломатическому признанию чехо-словацкой государственности. В переписке Масарика и Бенеша времени Парижской мирной конференции заметно их отчетливо прослеживаемое стремление не торопиться с мерами по возвращению из России чешско-словацких легионеров, очутившихся практически “между молотом и наковальней”.

З.С. Ненашева (Россия). В связи с тем что одной из главных тем круглого стола является проблема “Масарик и Россия”, на наш взгляд, представляется целесообразным показать, каково же было восприятие этого общественного деятеля российскими дипломатическими службами в Австро-Венгрии.

В конце 1908 и особенно интенсивно с начала 1909 г. параллельно с донесениями дипломатов в Санкт-Петербург пошел поток записок, обзоров и информационных докладов о внутреннем положении Австро-Венгрии и входивших в ее состав славянских земель специального корреспондента Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене В.П.Сватковского. Как правило, они носили тематический характер. В одном из первых сообщений из Вены журналист указывает на “наиболее прогрессивные элементы славянского мира” и называет имена Масарика, Дртины как “чешских прогрессивных депутатов” (Центральный государственный исторический архив, далее – ЦГИА. Ф. 1358, оп. 1, д. 928, ч.1, л.270).

Однако уже после весьма краткого пребывания в стране, после нескольких встреч с представителями австрийской политической элиты он солидаризировался с позицией лидера младочехов и заявлял, что “в отношении Австро-Венгрии я-де близок к взглядам Крамаржа”. Он повторял точку зрения последнего о целесообразности присутствия “дружественной и сильной могущественной Австрии” для поддержания равновесия в Средней Европе, так как в

противном случае “Германия станет в ней слишком крупной и тем самым опасной величиной”.

Тесные контакты с лидером Национальной партии свободомыслящих во многом предопределяли отношения к другим чешским общественным деятелям. Ряд документов свидетельствует о том, что Масарик долгое время оставался для российских дипломатических служб прежде всего известным ученым, общественным деятелем, мало влиявшим на общее направление чешской политики. Лишь в 1910 г. он становится для российских наблюдателей одной из важных политических фигур. На этот раз в докладе В. Сватковского, посланным им в Особый политический отдел МИД в начале марта 1910 г., речь идет о наиболее значимой для российского дипломатического ведомства теме — проходившей в это время 45-й сессии австрийского парламента. Характеризуя ее работу, при изложении позиции чехов Сватковский сообщает, что чешские депутаты “представляли оппозицию и наполнили заседание своими жалобами, протестами и — в лице Масарика — нападениями на Эренталя”. Напор обвинений со стороны лидера реалистов был так силен, что российский агент называет Масарика “Роландо фуриозо” (Неистовый Роланд. — *З.Н.*) (Архив внешней политики Российской империи, далее — АВПРИ. Ф. Особый политический отдел (далее — ОПО), оп. 474, д. 327, л. 2).

Антагонизм Масарика и Эренталя рассматривался как конфликт этих двух противостоящих друг другу деятелей, поскольку оппозиция чехов, по мнению Сватковского, имела лишь сугубо “принципиальный характер”, ибо глубокого намерения “доставить серьезные затруднения правительству у чехов не было”. Для подтверждения своих выводов он ссылался на то, что другие чешские ораторы “подчеркивали свою лояльность”, а некоторые из них, в частности моравские клерикалы, “выражали даже одобрение вооружениям”. Косвенным свидетельством сдержанного отношения чехов к выступлению Масарика был и тот факт, что Крамарж “не отказался от делегационного обеда в Гофбурге и в беседе с императором выразил уверенность в успехе чешско-немецкого соглашения”. Общая оценка выступления Масарика Сватковским была достаточно однозначна: пламенная речь лидера реалистов и на этот раз не изменила чешских “вполне благоприятных для правительства настроений”. (Там же.) Этого добились чешские аграрии. Именно они оказались во главе жесткой обструкции, приведшей в результате к отсрочке сессии парламента в середине марта 1910 г. (Там же, д. 328, л. 1.)

Отслеживая развитие отношений между графом Эренталем и профессором Масариком, Сватковский вновь возвращается к этой теме в конце 1910 г. В своем докладе он квалифицирует действия Масарика как стремление “обеспечить себя и свою кампанию от уже начавшихся и предстоящих попыток органов Эренталю замести следы белградского процесса”. Обращает на себя внимание стилистика анализируемого документа. Здесь российский агент пишет о намерении лидера реалистов “шельмовать своего противника”, о недопустимой резкости высказываний чешского профессора. В то же время Сватковский считает необходимым указать на расширение круга сочувствующих Масарику политиков среди немецких депутатов, включая председателя христианских социалистов, австрийского предпринимателя, публициста и политика Й. Бернрейтера, а также других членов палаты господ из высшей аристократии, в частности графа Латура. (Там же, д. 331, л. 1.)

Особый интерес представляет комментарий акции Масарика со стороны Сватковского. По его мнению, далеко идущее значение выступления лидера реалистов состояло в том, что вместе с Эренталем должна была подвергнуться решительному осуждению “вся система” австрийского управления. “Практической целью” чешского депутата была замена старой машины “новой, более умеренной и осторожной в применении известных традиционных начал австрийской дипломатии и безоглядных средств к подавлению славянских элементов”. Не менее важной была “цель нравственная” — “установить в глазах истории правоту славянства и России и нечистый образ действий их противников”. (Там же, л. 2.)

21 марта 1910 г. было учреждено Императорское российское консульство в Праге, а в середине августа консул — надворный советник Жуковский прибыл к месту службы. (АВПРИ. Ф. Посольство в Вене. 1910. Д. 1791, л. 1, 18.) Первым, кто попал под недоброжелательную критику консула, был лидер младочехов. Попытки сближения славянских народов, предпринятые им в 1907 — 1910 гг. в рамках неославистского движения, расцениваются в донесениях из Праги как самая “печальная акция последних лет, пущенная в оборот” самим же Крамаржем. (АВПРИ. Политический архив. Оп. 482, д. 1085, л. 34.)

Резкое неприятие вызвало у официального российского представителя в чешских землях понимание славянской политики Масариком. Как это ни парадоксально звучит, но тем самым Жуковский признавал успехи пропаганды партии реалистов и значимость так называемого критического русофильства. В конце февраля 1913 г.

Жуковский отправляет в Санкт-Петербург донесение, заинтересовавшее и российского государя. Об этом свидетельствует помета последнего от 4 марта 1913 г. (Там же, л. 98.) Консул сообщает о проекте учреждения русско-чешского клуба. Представляет интерес аргументация, высказанная в поддержку этой инициативы. В документе прямо указывается, что этот центр организуется для “оздоровления русских идеалов в чешском обществе”, сбитом с толку “радикальной проповедью нелегальной молодежи и чешскими реалистами”. (Там же.)

При этом степень негативного влияния идеологии Масарика на чехов казалась Жуковскому весьма значительной. В конце 1913 г. он пишет о необходимости создания при консульстве специального секретного фонда “в целях здорового культурного влияния” в противовес “вредной агитации революционных русских элементов и реалистического направления”. (АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД, оп. 470. 1913 г., д. 4, л. 37.)

Вряд ли Масарик, отрицавший любые революционные акции и потративший чрезвычайно много сил на развенчание идеалов социальной революции, мог предположить, что в глазах российского дипломатического представителя его деятельность будет отождествляться с агитацией и с действиями наиболее радикальных групп европейского общества. Между тем, по мнению консула, реалистическое течение в чешских землях поддерживалось лишь “местными отщепенцами славянского чувства и всеславянской идеи”. (Там же.) Ни реалисты, ни их лидер не соответствовали “правильному пониманию русского духа и прогресса”. (Там же, д. 13, л. 2.)

В противовес Крамаржу и Масарику – “изменникам славянскому делу” – в донесениях российского дипломата все больше выдвигается на первый план лидер национальных социалистов В. Клофач, поставивший ему информацию об отношениях между чешскими лидерами, чешским политическим лагерем и немцами, правительством, стенографические протоколы заседания делегаций, данные о мобилизации австрийской армии и др. (АВПРИ. Там же. 1913 г., д. 2, д. 94; ф. Политический архив, оп. 482, д. 1085, л. 68, 89.)

Конечно же, восприятие деятельности Масарика, Крамаржа и Клофача в российском обществе, партийной прессе различных политических группировок, славянской публицистике не могло не быть различным. Эта поливариантность оценок была характерна как для неославистских акций, выступлений в австрийском рейхсрате, так и при обсуждении различных вопросов внутренней и внешней политики монархии.

По мнению Сватковского, Масарик оставался “крупным и всеми в Австрии уважаемым свободомыслящим ученым и публицистом, по своей прежней деятельности прослывшим “добрым австрийцем”. (АВПРИ, ф. ОПО, оп. 474, д. 299, л. 6.) Бесспорного успеха он добился, выступив с обвинениями против министра иностранных дел Австро-Венгрии А.Эренталя, и доказав, что знаменитые югославянские Загребский и Фридьюнговский процессы были спровоцированы монархией и велись на основе поддельных документов”. (Там же.)

Российский посланник в Белграде Н.Г.Гартвиг видел в этом столкновении далеко идущие последствия, ибо, “приподняв перед лицом Европы завесу, которая скрывала подпольную деятельность австро-венгерской дипломатии, профессор Масарик оказал неоценимую услугу не только независимым балканским государствам, но и тем славянским народностям, которые находятся под властью двуединой монархии”. (АВПРИ. Политический архив. 1910 г., оп. 482, д. 523. Сербия, л. 196.) В данном случае Масарик был рекомендован как “слишком осторожный и серьезный политический деятель”, выступавший публично лишь “вооружившись неопровержимыми данными”. (Там же, л. 197.)

Весьма созвучно этой характеристике и мнение Сватковского. То, что Масарик “взялся доказать и доказал Европе, что граф Эренталь не Бог и не австрийский Бисмарк, а нечто совершенно иное — мелкое и нечистое” (АВПРИ, ф. ОПО, оп. 474. 1911 г., д. 299, л. 7), продемонстрировало подлинную солидарность славянских подданных монархии со своими братьями на Балканах.

Между тем заметной сдержанностью отличается донесение российскому министру иностранных дел С.Д.Сазонову нового посла в Вене Н.Н.Гирса, подготовленное в конце 1910 г. (начале января 1911 г. по новому стилю). В нем он упоминает о “некотором интересе” к заседанию австрийской делегации, “во время которой профессор Масарик возобновил свою кампанию против графа Эренталя и австрийской миссии в Белграде”. В документе даже не приводится изложение, хотя бы краткое, самой речи. Н.Н.Гирс лишь указывает, что она “встретила поддержку и сочувствие всех славянских делегатов, но зато часто была прерываема неодобрительными возгласами немцев и была предметом критических возражений со стороны выступавших от них ораторов”. (АВПРИ, ф. Канцелярия МИД, оп. 474. 1910 г., д. 130, т.1, л. 281.)

Созданные различными источниками имиджи Крамаржа, Клофача и Масарика по сути мало трансформировались в

последнее перед первой мировой войной мирное десятилетие. Очевидные расхождения в подходах и оценках ведущих чешских политических деятелей между консулом Жуковским и Сватковским практически не беспокоили высокие сферы в Санкт-Петербурге. Впрочем, из материала доклада видно, как они гасились умелой рукой сотрудников посольства в Вене.

Е.П.Серапионова (Россия). Тема “Масарик и Россия” особенно привлекает внимание российских историков сегодня. Ее изучение возможно в двух направлениях. С одной стороны, это отношение Масарика к России, его представления о месте России в европейской и мировой истории, его оценки политического строя в России дореволюционной, послефевральской и послеоктябрьской.

В этой связи представляется весьма полезным перевод его книги “Россия и Европа” на русский язык, предпринимаемый коллегами в настоящее время. Вышедшая в 1913 г. на немецком языке эта монография содержала философскую и историческую характеристику таких ключевых понятий, как демократия, революция, реформа. Масарик сравнивал экономическое, политическое и религиозное развитие Европы и России, раскрывал их особенности, но в то же время подчеркивал их взаимовлияние и взаимообусловленность.

Масарик всегда интересовался Россией, внимательно изучал русскую литературу, прежде всего Толстого и Достоевского. Льва Николаевича он знал лично, несколько раз с ним встречался и беседовал. Достоевский был близок ему по духу. Русская литература для Масарика была основным источником понимания России. Через художественную литературу он стремился познать философию русской истории и религии. Причем главной составляющей русской философии Масарик считал этику. Поэтому проблему революции он рассматривал не только в политическом, но и в этическом плане. Масарик, хорошо зная социально-политические отношения в России и ее историю, предсказал будущую катастрофу российской революции. Смысл русской истории он понимал как переход от “теократии к демократии” и писал, что от этого в значительной мере зависит и ход мировой истории (Bidlo G. Masarykovy studie Ruska // Sborník přednášek o T.G.Masarykovi. Pr., 1931, s. 174).

Масарик и его сторонники делали ставку на либералов Временного правительства, готовых к выполнению союзнических обязательств и активизации военной политики. Они ориентировались на продолжение войны до победы Антанты, надеясь с ее помощью полу-

чить независимость и создать самостоятельное государство. Социал-демократы связывали с Февралем надежды на скорейший мир. Падение российской монархии и лозунг самоопределения наций оказал определенное влияние на радикализацию чешского общества.

Что касается Октября, то его оценка даже со стороны чешских социалистов не была столь однозначна, как преподносила “социалистическая” историография. В.Тусар, Г.Габрман, Ф.Модрачек критиковали военную политику большевиков, считая ее предательством не только по отношению к союзническим, но и к национально-государственным интересам России.

Отношение Масарика, убежденного противника любой диктатуры, к большевистскому перевороту в России было категорически отрицательным. Саму идею революции Масарик не отвергал, к идеям социализма относился положительно, но понимал социальную революцию как систему постепенных реформ, а не как политический насильственный переворот. Масарик не признавал коммунизм Маркса социальным идеалом, считал его невозможным и не поддерживал требование всеобщего материального равенства (Masaryk T.G. *Sociální otázka*. Pr., 1898, s. 372 – 373). Будучи идейным противником как марксизма, так и большевизма, Масарик отмечал и существенные различия между ними. Он писал, что большевизм ни по теории, ни по тактике марксизмом не являлся, представляя собой “смесь бланкизма, синдикализма и анархизма” (Масарик Т.Г. Славяне после войны. Прага, 1923, с. 12) и был ближе к бакунизму, чем к марксизму. Масарик отрицал диктатуру как “абсолютное владычество меньшинства” и противопоставлял ей демократию не только политическую, но и экономическую, и социальную. По его мнению, гуманизм и прогресс отвергают насилие и вооруженную революцию, а допускают лишь войны и революции “оборонительные” (Масарик Т.Г. О большевизме. Прага, 1921, с. 35). Масарик подчеркивал, что советский коммунизм представлял собой “в лучшем случае государственный капитализм” и опровергал коммунизм “всеобщей нищетой и нуждой” (Он же. Славяне после войны... С. 13, 14; О большевизме... С.31).

Теоретические положения Масарика, касающиеся его отношения к революции вообще и конкретно к российским революциям, хорошо прослеживаются по его работам и в основном исследованы. Но интерес представляет и реальная политическая деятельность Масарика в России, его связи с различными политическими деятелями, их оценка Масарика как политика и как человека. Эта тема изучена еще далеко не полностью.

Перед приездом Масарика в Россию там находился его соратник М. Штефаник, целью которого была политическая подготовка этого визита. Он провел переговоры с группой профессора Шахматова, с министром иностранных дел Милюковым об организации в России чехословацких воинских частей и органов их управления, установил связи с МИДом России и военным ведомством, получил согласие на создание комитета в Киеве и договорился о субсидиях.

Несмотря на это, у Масарика в России были сложности. Его беспокоили перспективы ее участия в войне, отношение российского правительства к чехословацкому движению и расширению там чехословацких воинских добровольческих частей. Российские официальные лица не проявляли заинтересованности в “чехословацком вопросе”, считали чехов и словаков подданными австрийского императора, полагая, что если они предадут последнего, переходя на сторону России, то также могут предать и ее. К тому же они опасались, что если разрешат чехам и словакам сформирование армейского корпуса, то поляки обратятся с подобной же просьбой. Пленные использовались прежде всего как рабочие на заводах и фабриках, в шахтах, при строительстве дорог и на сельхозработках. Поэтому Масарику пришлось вести трудные переговоры с представителями Генерального штаба в Могилеве: генералами Брусиловым, Алексеевым, Духониным (Šarek K. *Nové hovory s T.G. Masarykem*. Pr., 1992, s. 140). Масарик в России занимался и политической пропагандой, отстаивая лозунг войны до победного конца. Он много выступал на собраниях и в печати, связывая национальные задачи чехословацкого освободительного движения с военными программами союзников. Стремясь нейтрализовать антивоенную пропаганду и объединить чехословацких военнопленных, Масарик со своими единомышленниками способствовал созданию национальных групп и организаций в России, выступая против создания чехословацких политических партий в России.

Вскоре после создания чехословацкого корпуса большевики взяли власть в свои руки. Если говорить об отношении Масарика к реальным революционным событиям в России, то необходимо подчеркнуть, что он никогда не грешил нетерпимостью, стремился придерживаться принципа невмешательства в “русские дела”, расценивая большевизм как внутренний кризис России и полагая, что его нельзя “лечить” вмешательством извне. Об этом свидетельствует его распоряжение о нейтралитете чехословацких воинских соединений в России от 27 октября 1917 г. (Центр хранения историко-документальных коллекций, далее — ЦХИДК, ф. 1198, оп. 1,

д. 34). После того как большевики начали переговоры, а затем и заключили мирный договор с центральными державами, встал вопрос о судьбе чехословацкого войска. Было принято решение о переброске его во Францию через Дальний Восток. Масарик провел переговоры с большевиками, в частности с В.М.Фрицем, на которых была достигнута договоренность о переправке чехословацких вооруженных формирований через Поволжье, Сибирь на Дальний Восток и строгом нейтралитете последних. Масарик решил сам опробовать этот путь и выехал из Москвы поездом 7 марта 1918 г. во Владивосток, а затем Японию и Америку.

Однако военный конфликт легионеров с большевиками все-таки произошел. И эта легионерская тема также тесно связана с темой "Масарик и русская революция". Причины, поводы и сам ход событий чехословацкого мятежа более или менее известны. Здесь следует лишь уточнить, что же все-таки в большей степени повлияло на начало и ход событий: конкретная обстановка на местах, позиция чехословацких лидеров (и прежде всего Масарика), стремившихся добиться расположения Антанты, или давление Великобритании. Почему, несмотря на первоначальное решение о нейтралитете, чехословацкие войска оказались втянутыми в гражданскую войну?

М.Штефаник, приехавший в Сибирь осенью 1918 г., объяснял причины необходимости военных действий в Сибири: 1) неприятием большевизма (по его словам, "большевизм не социализм..., а насилие, он угрожает миру и чехословацкому государству, это анархизм, болезненное явление, апокалипсис, хаос, в котором низшие слои проявляют свою жестокость". Он называл большевистских руководителей диктаторами в полном смысле этого слова и призывал воевать с этим движением, так как его распространение грозит превратить народы в "слабые и развращенные"); 2) верностью союзническому долгу, прямо ссылаясь на требования союзного командования (чехословацкие формирования были официально провозглашены частью французской армии); 3) необходимостью помощи оппозиционным большевикам силам. В одном из выступлений перед войсками он заявлял: "Сильная возрожденная Россия отвечает нашим жизненным интересам... Мы не хотели вмешиваться во внутренние дела русских, но и принцип невмешательства очень неопределенный. Наш солдат сражается против большевизма за принцип свободы. Для нас было бы трагедией, если бы наша помощь в России вызвала бы неприязнь между нашими народами". (Там же, ф. 1198, оп. 1, д.58, л. 8, 8 об.)

В настоящее время можно уже дать оценку этой позиции с точки зрения демократии. Возможно ли и оправдано ли вмешательство во внутренние дела независимого государства, в гражданскую войну, даже с целью борьбы против диктаторских режимов насилия? Насколько эта позиция Штефаника отражала взгляды самого Масарика в этом вопросе?

Дальнейшие архивные изыскания, связанные с легионерской тематикой и пребыванием в России Масарика должны быть продолжены. Работая в ЦХИДК, мне удалось обнаружить перечень документальных материалов чехословацких политических и военных деятелей в России, датированный декабрем 1921 г. Список этих материалов весьма внушителен. Он насчитывает архивы 21 представителя или доверенного лица правительства ЧСР в России, состоящие из более чем 120 томов. (Там же, ф. 1198, оп. 1, д. 1, л.1). Изучение новых архивных материалов могло бы дополнить политический портрет Т.Г.Масарика, эскизно данный для российского читателя в сборнике “Пленники национальной идеи”, где также затрагиваются проблемы “Масарик и Россия”, “Масарик и революция” (Пленники национальной идеи. М., 1993, с. 119–137).

И.Е.Задорожнюк (Россия). Говорить о научном значении книги — и проблемы — “Россия и Европа” надо с учетом ситуации, в которой она возникла. Это время ускоренных социальных трансформаций в России в связи с революцией 1905–1907 гг. Она оказала мобилизующее влияние и на Европу, но она же подорвала одну из опор европейской стабильности — консервативную Россию, которую легко можно контролировать с европейского юга (Крымская война) или востока (русско-японская война).

В ходе революции выявились контуры России новой, и это была Россия с мощным зарядом социального динамизма, причем вовсе не в большевистском обличии. Это касается в первую очередь ее ускоренного экономического развития и роста политического влияния в мире, взрывоподобного культурного ренессанса (“серебряный век”).

Загадка России начала “разгадываться” самыми различными способами, и Масарик пошел по самому трудному пути: рассмотрение не страхов, не надежд, не ставших расхожими суждений о вековой отсталости России и не пугающе-ободряющей новизны (вспомним успех “русских сезонов” в Париже). Он предпринял глубокий анализ духовной истории и искал объяснения с этих позиций настоящего состояния России.

Книга удалась, и она не устарела. Об этом говорит и история ее уже прошедшей и возможной рецепции, то есть восприятия. Главное при этом — она не была принята русским читателем. С одной стороны, царская цензура запретила ее ввоз в Россию, о чем говорил и сам Масарик. Готовящийся ее перевод (при активном участии известного философа Э.Л. Радлова) так и не получил хода. С другой стороны, Троцкий в 1914 г. в журнале “Кампф”, то есть “Борьба”, тоже заявил о ее неприятии, но уже слева. С тех пор взвешенных оценок книги Масарика обнаружить невозможно. Даже те отечественные мыслители и аналитики, которые высоко ценили его достижения во многих областях знания, а также практическую политику “отца чехословацкой нации”, которые ощутили его помощь в ходе “русской акции”, как бы “спотыкались” перед “Россией и Европой”. Получив полный перевод книги, можно попытаться ответить на вопрос, почему так произошло и почему противоречивые толки о книге “Россия и Европа” продолжаются.

Г.П.Мельников (Россия). В науке еще не ставилась проблема изучения масариковской мысли как феномена культуры рубежа веков. Постановка этой проблемы требует выявления в сочинениях раннего Масарика таких устойчивых культурологом, которые были бы присущи всей сецессии, которую я предлагаю рассматривать как метастиль в одном понятийном ряду с Ренессансом, барокко, Просвещением, идеализмом-романтизмом, позитивизмом-реализмом и т.п. При таком подходе многие идеи масариковской философии чешской истории, спровоцировавшие в конце XIX века широко известный “спор о смысле чешской истории”, обретают более конкретный характер, обусловленный стилем мышления эпохи.

В данном выступлении хотелось бы лишь наметить основные контуры такого подхода к наследию Масарика, ограничившись рассмотрением некоторых аспектов его сочинения 1896–1903 гг. “Ян Гус, наше возрождение и наша реформация” (Masaryk T.G. Jan Hus, naše obrození a naše reformace. Pr., 1990).

Цель Масарика — философа и политика — тоже духовное возрождение нации на основе наследия гусизма, а не на основе рецепции чешским обществом идей западного либерализма. Поэтому Ян Гус трактуется им как чисто духовно-религиозный лидер нации в прошлом, чья деятельность могла бы дать чешскому народу великую будущность, но была прервана насилием, из-за которого случились все последующие беды Чехии.

Из духовной сущности чешской реформации следует ее этическая цель. Ян Гус “боролся за очищение нравов и всей жизни вообще”. Поэтому “Гус был прежде всего реформатором, а не богословом” (Ibid., s. 17). Масарик здесь акцентирует непосредственную связь теории и практики, прагматическую окраску деятельности Гуса. Он не столько теоретик-богослов, сколько практик, деятель, который стремится очистить мир и человека и тем самым улучшить, усовершенствовать, изменить его.

Проблема соотношения совершенствования человека и улучшения общества, поднимаемая Масариком, была чрезвычайно актуальна на рубеже веков. Здесь перекрещивались такие вроде бы далекие друг от друга течения мысли, как учение Льва Толстого, чьим поклонником, кстати, был Масарик, социализм, марксизм, теософия, антропософия, христианский социализм и другие. Эту проблему Масарик решает довольно просто, обращаясь к понятию свободы: “Реформация отдельного человека невозможна без общественной свободы, то есть свободы церковной и политической. Реформация личности вела к реформе общественного устройства” (Ibid.). Таким образом, этическая категория Гуса трансформируется Масариком в категорию общественно-политическую, трактуемую им в осуждаемом им самим духе французского либерализма. Здесь мы можем наблюдать, как в Масарике берет верх политик-практик, прагматик над теоретиком-философом и моралистом. С одной стороны, чешская реформация религиозно-духовна, с другой стороны, она влечет за собой вполне конкретные общественно-политические свободы. Эти две стороны у Масарика не находятся в противоречии, их объединяет категория свободы совести. Именно она подчиняет себе авторитет церкви и государства, т.е. сферу политики. Тем самым открывается путь к нравственной политике, сторонником которой всю жизнь оставался Масарик.

Вполне в духе христианского социализма Масарик утверждает, опираясь на Гуса, что любовь к ближнему должна стать социальным явлением. Свобода, нравственность, любовь, имеющие конкретное социальное выражение, являются для Масарика символами чешской реформации, питающими всю прогрессивную линию чешской истории.

Культура рубежа веков мечтала о “новом человеке”, свободном от старых недостатков, человеке значительно усовершенствованном, готовом жить в усовершенствованном, даже идеальном обществе. Спектр этого “нового человека” был чрезвычайно велик: от нищезанского “сверхчеловека” до трансцендентной личности ант-

ропософов, от “внутреннего” человека Л.Толстого до надчеловеческого, надличностного, супраментального сознания в синтетических западно-восточных учениях Кришнамурти и Шри Ауробиндо, от душевной просветленности христианской неомистики до “гармоничной личности” строителя светлого коммунистического будущего. Вполне в духе мечты о “новом человеке” Масарик приписывает Гусу эту идею: “Стремление Гуса было стремлением к нравственному и религиозному возрождению, его усилие было устремлено к новому человеку” (Ibid., s.20).

Далее следует, естественно, рассуждение о незрелости, неготовности людей к переходу в совершенных, “новых”. Говоря о гуситских войнах после казни Гуса, Масарик отмечает, что народ не был готов к нравственной реформе, поэтому религиозная реформация уступила место борьбе политической, национальной и социальной. Именно в “незрелости народа” коренились все внутренние распри и насилия (Ibid., s. 23).

Возникает знакомая по другим учениям начала XX в. схема: идея хороша, верна в своей основе, но плох народ, не смогший ее адекватно воспринять. Как это ни парадоксально, такое понимание соотношения идеи и народа ближе всего к послереволюционному ленинизму, к идее, сформулированной Н.И.Бухариным, о целенаправленной переделке несовершенного “человеческого материала” для появления “нового” человека.

Масарик актуализирует старую идею чешского мессианизма, возникшую в XIV в., и преломившуюся в концепции чешской истории Ф. Палацкого. Для Масарика, который здесь повторяет Палацкого, “вершину мировой и краеугольный камень чешской истории” составляет “религиозный идеал чешских братьев” (Ibid., s. 10), Основная идея чешской истории — это “Bratrství, Humanita”. Чех руководствуется этой идеей не только потому, что она чешская, но потому, что она правильная. Поэтому центральная проблема чешской истории — “проблема миссии чешского народа, проблема религиозная” (Ibid., s. 43).

Здесь перед нами целый комплекс вопросов, связанных со стилем историософской мысли рубежа веков. С одной стороны, реанимируется средневековая мессианская идея. В Чехии она сформировалась в XIV в. как идея первенства чехов — богоизбранного народа — в христианском универсуме. В XV веке она отразилась в гуситском движении в тезисах о том, что Бог явил свою правду сначала чешскому народу, чтобы тот распространял ее по миру, и о том, что чехи-табориты — это “божьи воины”. С другой стороны, этно-мессианские и христианско-мессианские идеи сред-

невековья в трансформированном виде актуализируются в XIX – XX веках. Это и “всемирно-историческая миссия пролетариата” в марксизме-ленинизме, и русский “народ-богоносец”, и избранность “арийской расы” в фашизме. Масарик оставляет за чехами миссию гуманизма, понимаемого с позиций Общины чешских братьев, т.е. исходя из идей протестантизма. Тем самым Масарик применяет к чешской истории узкоконфессиональный подход, как бы отлучая от “основной идеи чешской истории” и католиков, и лютеран, и даже позднейшую гуситскую утраквистскую церковь. Подчеркивание особой роли чешских братьев – церковной организации, исчезнувшей в конце XVII века после смерти ее последнего епископа – гениального философа и педагога Я.А.Коменского – у Масарика означало создание ретроспективного чешского идеала. Этот идеал не оставался лишь в духовной сфере. Он сразу же переводился на язык политики. Масарик подчеркивал противоположность между чешской и австрийской идеями. Если первая означает реформацию и гуманизм, то вторая – контрреформацию, подчиненность церковному и государственному авторитету. Следовательно, по мысли Масарика, возрождение чешской идеи означает борьбу с Австрией. Борьба за “правду” религиозную и моральную становится борьбой политической, борьбой против Австро-Венгерской монархии за ее федерализацию. (Позднее на этой же основе Масарик сформулирует тезис о независимости Чехословакии.)

Здесь на первое место выступает категория борьбы – универсальная для культуры рубежа веков. Категория борьбы как основная фигурирует в социализме, коммунизме, фашизме, национально-освободительных движениях. Пафос борьбы пронизывает многие явления художественной культуры эпохи. Те течения мысли, которые отвергали борьбу внешнюю, например, теософия, толстовство, утверждали борьбу внутреннюю, духовную с грешным и темным началом в человеке. Борьба, экстериоризированная или интериоризированная, обусловила в начале XX века кризис гуманизма либерального типа, что позволило подготовить социопсихологическую почву для первой мировой войны. По Масарику, чешский специфический гуманизм, лишенный черт либерализма, стал обоснованием борьбы как в XV, так и в XX веке.

Создавая символический, идеальный образ чешской истории, ее философу, Масарик понимал, что это именно образ, идея, а не научная историческая характеристика. В этом состоит суть его предостережений против “излишнего историзма”. Он считал, что

из истории надо брать только то, что “действительно наше”, что недостаточно констатировать смену конфессий, надо определить, в которой из них “была и есть правда” (Ibid., s. 42, 47). Для этого исторический подход недостаточен, необходим философский и критический подходы. Тем самым Масарик призывает к “партийному” подходу к истории, так хорошо и печально знакомому нам по марксистско-ленинской методологии истории. В сущности, Масарик требует идеологизировать историю, ангажировать ее, подчинить текущим проблемам. Он против исторического объективизма, против рассмотрения прошлого с исторической дистанции. В конце концов требование устранения “излишнего историзма” ведет к волюнтаризму в подходе к фактическому материалу, к созданию умозрительных схем, игнорирующих неудобные факты, к мифологизации истории.

Как представляется, именно в разнице мифологизированной и объективно исторической интерпретации истории состоит суть опора “о смысле чешской истории” между Т.Г.Масариком и Й. Пекаржем, получившего широкой общественный резонанс.

По мере изучения огромного наследия Т.Г.Масарика все более очевидным становится его ключевое значение для чешской культуры, поскольку его идеи сформировали представления нескольких поколений. Стиль мышления Масарика коренится в стиле культуры его времени и одновременно связывает столь далекие области, как философия и политика. Возникает определенная цельность, основанная на религиозно-нравственных началах. В этом видится большая притягательная сила наследия Масарика, вновь становящегося актуальным в конце XX века.

SUMMARY

The collection of articles consists of materials of the International Conference "February 1948. Moscow and Prague. Insight after half-century" and materials of the Round Table which was devoted to memory date – the 60-th year from the death of the first President of Czechoslovakia T.G.Masaryk (1850–1937). These forums took place within framework of the 2-d meeting of bilateral Commission of Russian and Czech historians and archivists in Moscow 1997, 28–30 April.

The book concerns with genesis of crisis in February 1948 in Czechoslovakia and is based on almost exclusively new materials from Russian and Czech archives. February 1948 as dramatical landmark in Czechoslovakia history was connected with establishment of monopoly of communist power in the country and beginning of construction of socialist society in accordance with the Soviet model. The collection of articles considers from the new point of view such problems as the history of preparation of February (1948) crisis and its development; the role in this crisis of some political and social forces; the significance of international factor, in the first place – role of the Soviet Union. The book demonstrates a productivity of combined approach in investigation of this complicated period in the history of soviet-czechoslovak relations.

The Round Table is the very interesting publication of materials devoted to T.G.Masaryk – prominent statesman, politician, philosopher and scientist. The central theme of this part of use book is the scientific discussion about his fundamental three-volume work "Russia and Europe" before its first appearance in Russia. In this classical work T.G.Masaryk analysed such problems as correlation "Russia" – "Europe" the idea of Slavonic reciprocity etc. Masaryk tried to get to know Russia as the phenomenon of the world culture and as the indivisible component of the Slavonic world.

The book is addressed to scientists, teachers, students and scientific community, to all of those, who are interested in the Russian and Czech history.

**Февраль 1948.
Москва и Прага
Взгляд через полвека**

Международная педагогическая академия

Редакционно-издательская группа:

Е.Борисова, И.Киргизова

Оформление обложки – Д.Едомахов

Подписано в печать 17.03.98 г. Печать офсетная.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 11,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 44.

Адрес издательства: 109090, Москва, ул. Щепкина, д.9, оф.8
Телефон: (095) 971-3490
Факс: (095) 182-5802

Отпечатано в ТОО "ГеО-ТЭК"
Московская обл., г. Красноармейск, ул. Центральная, 16

